

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 2
(апрель–июнь)

2016

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 2
(APRIL–JUNE)

2016

УДК 32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№2 (6) (апрель–июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2016
№2 (6) (April–June)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411-3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2016

Содержание:

Жан-Пьер АРРИНЬОН. Откуда и куда идет Россия?	5
Елена ПИНЮГИНА. Политическая наука в востоковедческих институтах Российской академии наук: тематика и методология в новых политических условиях	13
Ирина ВАСИЛЕНКО. Возрождение культурной жизни российской провинции как фактор формирования эффективной имиджевой стратегии регионов	31
Андрей ДЕВЯТКОВ. Прагматизм немецкой Ostpolitik: возможности и вызовы для России	45
Петр ЯКОВЛЕВ. Трудный час Европейского союза	60
Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА. Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы	75
Синь ЧЖАО, Максим ПОТАПОВ, Александр САЛИЦКИЙ. Китай: новая фаза развития	88
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Локализация производства как инструмент модернизации	98
Петр ЯКОВЛЕВ. Испания: новые выборы вместо нового правительства	117
Authors	132
Abstracts and Keywords	133

Contents:

Jean-Pierre ARRIGNON. Russia: Where From and Where To	5
Elena PINYUGINA. Political Science in Institutes of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: Topics and Methodology in the New Political Environment	13
Irina VASILENKO. The Revival of the Cultural Life of the Russian Province as a Factor in the Formation of an Effective Branding Strategy Regions	31
Andrey DEVYATKOV. Pragmatism of the German Ostpolitik: Opportunities and Challenges for Russia	45
Petr YAKOVLEV. Challenging Times of the European Union	60
Natalia EMELYANOVA. The Soft Charm of India: Advantages and Limits	75
Xin CHZHAO , Maksim POTAPOV , Aleksander SALITSKY. China: New Development Phase	88
Vladimir KONDRATEV. Local Content Requirements: A Tool for Modernization	98
Petr YAKOVLEV. Spain: New Elections in Place of a New Government	117
Authors	132
Abstracts and Keywords	133

УДК 94;323;327

ЖАН-ПЬЕР АРРИНЬОН

Откуда и куда идет Россия?¹

Аннотация. Французский историк Жан-Пьер Арриньон излагает свое мнение по различным аспектам тысячелетней истории России и ее нынешнего положения. Затрагиваются такие вопросы, как русско-украинские разногласия вокруг принадлежности наследия Киевской Руси; российско-польские противоречия; западничество и славянофильство; стереотипные представления об «отсталой реакционной России» и оценка XIX столетия как «великого русского века»; роль православия и византийской традиции; оценка советского периода современными россиянами; тренды и векторы постсоветских лет; международная стратегия современной России, ее место в мире и др.

Ключевые слова: история России, цивилизация, «великий русский век», западные стереотипы, будущее России, внешняя политика России.

La Nouvelle Revue d'Histoire (далее NRH): Что вы, как известный медиевист, думаете о споре России с Украиной о том, кто из них является преемником Киевской Руси?

Жан-Пьер Арриньон: Дискуссию о Киевской Руси вели два крупных историка: со стороны России В.О. Ключевский (1841–1911), со стороны Украины М.С. Грушевский (1866–1934). По мнению первого, естественным продолжением Киевской Руси являлась Российская империя, в то время как второй видел в Киевской Руси те этнические элементы, из которых впоследствии сложилась Украина. Это этницистская теория исторического процесса. Столкновение двух этих концепций наделало немало шума в 1918–1920 гг., когда составлялись мирные договоры Первой мировой войны. Об этом свидетельствует опубликованная в 1920 г. в Риме книга князя А.М. Волконского «Историческая правда и украинофильская пропаганда», которая вскоре будет переиздана (в переводе на французский язык. — *Ред.*). Для меня очевидно, что слово «Украина» не фигурирует в «Повести временных лет» и впервые упоминается лишь в конце XII в. в качестве чисто географического понятия, обозначающего пограничное простран-

¹ Оригинал: Arrignon J.-P. D'où vient et où va la Russie? // La Nouvelle Revue d'Histoire. — P. 2015. №77 (Mars-Avril). Mode of access: <http://blogjparrignon.net/asc2i/dou-vient-la-russie-et-ou-va-la-russie-la-nouvelle-revue-dhistoire-n-77-mars-avril-2015/>

Перевод публикуется с разрешения автора.

Сведения об авторе: АРРИНЬОН Жан-Пьер (Arrignon, Jean-Pierre) — французский историк, медиевист, специалист по современной России, почетный профессор, вице-президент Института стратегических исследований (Париж), почетный доктор Ярославского государственного университета.

во между двумя государствами. Так что наследие Киевской Руси перешло к Великому княжеству Московскому вместе с передачей ему из Киева Владимирской иконы Божией Матери!

NRH: Существует ли разделение на Россию лесов и Россию, обращенную к бескрайним просторам евразийских степей? И каким образом понимать эту двойственность?

Жан-Пьер Арриньон: Противопоставление лесов и степей часто встречается в средневековых русских былинах. Для авторов этих народных песен-сказаний лес всегда был защитником и кормильцем, в то время как степи являлись источником постоянных опасностей. Художник В.М. Васнецов прекрасно передал этот контраст в картине «Богатыри». Поэтому с распадом Киевской Руси ее население частично мигрировало на север, пересекло Залесские земли, прошло леса и обосновалось в своего рода русском аналоге Междуречья, построив там крупные города Золотого кольца: Владимир, Суздаль, Ростов Великий.

NRH: Каким образом, в контексте многовековой истории, надо оценивать антагонизм России и Польши?

Жан-Пьер Арриньон: Корни русско-польского антагонизма уходят глубоко в прошлое. Начиная с X в. западные славяне (поляки) и восточные славяне оказываются в двух разных культурных пространствах.

Польша включается в латино-романский мир. Польский князь Мешко I заключает брак с чешской княгиней Дубравкой и в 966 г. принимает христианство по латинскому обряду. А Киевская Русь в 988 г., с крещением великого князя Владимира и его женой на царевне Анне Багрянородной, становится частью византийской ойкумены. Продвижение христианства (западного) на восток продолжается с подписанием в 1385 г. Кревской унии, в результате чего к романскому пространству присоединяется Литва. В 1569 г. подписывается Люблинская уния, возникает Речь Посполитая, и Польша аннексирует земли (нынешней) Украины до Днепра. Брестская церковная уния (1596 г.) кладет начало созданию униатской церкви, чем переводит православную церковь на польской территории под начало католичества. Пик российско-польского противостояния, без сомнения, приходится на Смутное время в русской истории (1598–1613 гг.), когда московский трон занимают поляки, известные как Лжедмитрий I и Лжедмитрий II.

Реванш Россия возьмет в XVIII в., а именно в 1772, 1793 и 1795 гг., когда произойдут разделы Польши. В 1918 г. польское государство возродится, однако уже 1 сентября 1939 г. его оккупируют нацисты. Вторая мировая война оставила тяжелое наследие в российско-польских отношениях. Это Катынь — расстрел польских солдат и офицеров весной 1940 г. в Катинском лесу сотрудниками НКВД. Это также восстание в варшавском гетто против нацистских оккупантов в августе-октябре 1944 г., которое Красная армия, не предприняв наступления, позволила нацистам жестоко подавить. 11 января 1945 г. Красная армия входит в Варшаву. А в 1952 г. Польша становится

страной народной демократии, которая прекратит существование в 1989 г. совместными усилиями гданьского рабочего, лидера профсоюза «Солидарность» Леха Валенсы и Кароля Войтылы — Папы Римского Иоанна Павла II. Наконец, присоединившись в 1999 г. к НАТО, Польша занимает место в западном лагере и тем облегчает себе вступление в Евросоюз. Между ней и Россией по-прежнему клубок серьезных разногласий. Но тем похвальнее усилия бывшего премьер-министра Польши Дональда Туска и президента России Владимира Путина, попытавшихся открыть новую конструктивную страницу в отношениях двух стран. В этой связи назначение Дональда Туска на пост председателя Европейского совета является для России положительным фактом.

NRH: *Владимир Берелович назвал XIX в. «великим русским веком», хотя, согласно доминирующему клише, Россия в то время представляла собой страну отсталую и реакционную. Какова ваша точка зрения на столь контрастные оценки?*

Жан-Пьер Арриньон: Для России XIX столетие было, без сомнения, великим. Оно началось с рождения величайшего русского поэта А.С. Пушкина (1799–1837) и вступления на трон императора Александра I (годы царствования: 1801–1825), а завершилось правлением Александра III (1881–1894), смерть которого многие современники восприняли как конец самой России. Победа над Наполеоном в 1812 г. сделала Россию гарантом европейского порядка. Этим положением российские императоры пользовались в том числе и для того, чтобы закрепиться на Шелковом пути, пока не разразилась Крымская война 1853–1856 гг., положившая конец экспансии Российской империи. С экономической точки зрения XIX в. был периодом бурного развития, строительства железных дорог, модернизации, на проведение которой российское правительство брало займы (в 1882 и 1907 г.). В социальном плане ключевым событием стала отмена в 1861 г. крепостного права. Рост могущества Российской империи вызвал опасения у центральных держав — Германии и Австрии, которые стали строить планы оборонительной войны против русских. Перед лицом этой угрозы Российская империя сблизилась с Французской Республикой, был заключен первый русско-французский союз (1891–1893 гг.). Наконец, что касается культуры, в XIX в. (а именно к 1818 г.) Н.М. Карамзин написал первые 8 томов «Истории государства Российского», возникли многочисленные научные общества. Взлет в литературе, начавшийся с А.С. Пушкина, который задал тон всему литературному творчеству того времени, продолжили такие имена мирового масштаба, как М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и другие. И конечно же, нельзя забывать о музыкальном искусстве, в котором блистали М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков и многие другие. Владимир Берелович, бесспорно, прав в своем утверждении, а его работа демонстрирует, что история как научная дисциплина находится в постоянном развитии.

NRH: *По-прежнему ли актуально для политической и идеологической ситуации в России возникшее в XIX в. противостояние западников и славянофилов?*

Жан-Пьер Арриньон: Это противостояние двух течений полностью не исчезло и сохраняет определенную значимость. Сегодня, в период строительства России Владими-

ра Путина, продолжают споры между теми, кто стремится открыть страну европейскому влиянию, и теми, кто больше настроен на создание Евразийского союза. Тем не менее президент России четко обозначил свой курс: «наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма» [Заседание...]. «Нужно вести диалог... о необходимости формирования единого пространства экономического, гуманитарного сотрудничества, простирающегося от Атлантики до Тихого океана» [Заседание...]. Тем самым, по-видимому, снимается противоречие между западниками и славянофилами.

NRH: В чем состоит особый взгляд на мир, свойственный русской литературе от Достоевского и Толстого до Солженицына?

Жан-Пьер Арриньон: Русская литература действительно обладает особыми чертами. С одной стороны, это произведения, рисующие масштабные исторические фрески, как, например, «Война и мир» (1869 г.) или «Анна Каренина» (1877 г.) Л.Н. Толстого. Вместе с тем для русской литературы характерен страстный метафизический поиск, и здесь непревзойденным мастером, бесспорно, является Ф.М. Достоевский, автор «Преступления и наказания» (1866 г.), «Идиота» (1868 г.), «Братьев Карамазовых» (1880 г.); в этом ряду можно назвать и роман Толстого «Воскресение» (1899 г.). В свою очередь, А.И. Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» (1962 г.) и «Архипелаге ГУЛАГ» (1973 г.) открыл нам целый пласт советской реальности — концентрационные лагеря. Русская литература принадлежит к социальному и политическому реализму, но одновременно, и в этом ее особенность, находится в постоянном поиске свободы воли и Бога. Для многих российских писателей, для всех самых выдающихся из них, земное общество есть только ступень на пути человечества к Небесному Иерусалиму, и существование общества имеет смысл лишь в контексте поиска трансцендентного, в контексте стремления к божественному началу. В этом смысле создание романа для русского писателя сродни написанию иконы.

NRH: Как вы трактуете «возвращение» традиционной России после 70 лет государственного строя, который пытался ее искоренить?

Жан-Пьер Арриньон: Россия, говоря словами византолога Поля Лемерля, — это «цивилизация наследников». Ее сущность настолько прочно связана с силуэтами ее церковью, языком, особенностями богослужения, что 70 лет коммунистического режима канули в лету, подобно тому, как византийское иконоборчество (730–843 гг.), длившееся немного дольше, исчезло из Восточной Римской империи с возвращением икон. Как и следовало ожидать, после периода пребывания в «вакууме», вызванном крахом коммунизма, Россия обратилась к своему прошлому, своей культуре, своей истории и объединилась вокруг идеи восстановления своего былого величия, чем столь удачно сумел воспользоваться президент В.В. Путин. Сегодня большинство россиян верит в будущее своей страны в социальном, экономическом, культурном и военном планах. И западные санкции сыграли немалую роль в осознании российскими гражданами

этого факта. Русские готовы прилагать серьезные усилия во имя своего будущего. Они сознают, что их судьба находится прежде всего в их собственных руках. И они не будут жаловаться на судьбу и причитать, они сплотятся и дадут отпор! Это совсем иной менталитет.

NRH: Как большинство россиян воспринимает сегодня Октябрьскую революцию и ее главных деятелей? Существует ли некая ностальгия по коммунизму?

Жан-Пьер Арриньон: Октябрьская революция чаще всего воспринимается как событие, давшее стране мощный динамический импульс, что проявилось в подъеме образования, культуры, знаний, экономики, в освоении космоса. Нередко революция ассоциируется с гармонией в обществе, где не было ни безработицы, ни кризисов, где каждому нашлось свое место. Такой идеализации способствовало то, что с 1991 г. России пришлось пройти через тяжелейшие кризисы, которые выглядят характерной чертой постсоветского периода и оружием Запада против России (как и санкции). Несмотря на все это, у россиян нет ностальгии по коммунизму. За последние десятилетия они имели не одну возможность отдать на выборах предпочтение коммунистам, однако те ни разу не набрали больше 30% голосов, даже в самые тяжелые годы. Возвращение к коммунизму больше не входит в планы России.

NRH: Как вы объясняете то, что образ Сталина-главнокомандующего, выигравшего войну, в российском сознании преобладает над памятью о совершенных его режимом преступлениях? Что это, осознанный уход от попыток поставить вопрос о вине?

Жан-Пьер Арриньон: В глубине души русского человека образ Сталина ассоциируется прежде всего с его радиообращением от 3 июля 1941, которое начиналось словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и нашего флота!» Именно тогда, в совместной борьбе против нацистского завоевания, формируется «homo sovieticus». Любой, кто боролся с нацизмом, независимо от этнической принадлежности, политических и религиозных взглядов, был советским человеком. Поэтому в российском восприятии Сталин — прежде всего победитель Гитлера. Преступления, совершенные им, миллионы жертв ГУЛАГа никогда не относились лично на его счет. В России не решились инициировать судебные процессы против победителя Второй мировой войны из опасения взорвать целостность самого российского общества. Возможно, отчасти здесь и допустимо говорить о коллективном отказе взять на себя вину.

NRH: Каково влияние православия в сегодняшней России?

Жан-Пьер Арриньон: Прежде всего, православие было тем древом жизни, к которому русские припали после развала СССР. Чтобы понять место церкви в светском государстве, каковым является Россия, нужно вспомнить, что эта страна — наследница Восточной Римской империи. А в восточно-римской традиции общее благо народа достигается постоянным диалогом, «симфонией» светской и религиозной власти. Именно исходя из этого понимания нужно трактовать роль Русской Православной Церкви,

которая поддерживает моральные ориентиры общества и отказывается признать либертарные крайности, легализация которых представляла бы для общества серьезный риск. Кроме того, Русская Православная Церковь является гарантом сохранения старославянского языка, традиций богослужения, искусства, выступающих в роли важнейших объединяющих начал русского общества.

NRH: Жорж Соколофф говорил о «нищей державе» и «отставании России» по отношению к Западу. Как вы оцениваете его взгляд на Россию?

Жан-Пьер Арриньон: По меркам европейских стандартов бессмысленно спорить с тем, что Россия отстает, но это еще не говорит о ее бедности. Действительно, сегодня Россию часто считают страной, живущей за счет нефтяной и газовой ренты. Но верно также и то, что Россия реконструирует свою промышленность, разрушенную после 1991 г. Возможно, она быстрее преуспела бы, больше инвестируя в функциональные и структурные преобразования. Введенные против России санкции имели для нее и положительный эффект. Они хотя бы напомнили о необходимости ускорить реиндустриализацию страны и подъем сельского хозяйства, чтобы самостоятельно обеспечивать свои потребности. Однако нельзя сказать, что Россия бедна. Население растет, оно хорошо образованно и все больше делает ставку на высокотехнологичные отрасли промышленности. Природные богатства, которыми обладает Россия, позволяют назвать ее кладовой и Европы, и Азии. Развитие арктического направления указывает на ее намерение сохранить свои экономические козыри. Прежде всего России необходимо время, чтобы закончить реконструкцию страны. Ей нужен мир, чтобы сконцентрироваться на будущем, и международное сотрудничество, чтобы вписаться в процесс глобализации на приемлемых условиях. Именно из этого надо исходить нам, исходить Европейскому союзу, партнерству с которым Владимир Путин по-прежнему твердо привержен. И тогда мы сможем добиться того, что Россия станет играть подобающую ей роль моста между Европой и Азией.

NRH: Владимир Путин — петербуржец, а потому вполне логично, что он, по образу и подобию Петра I, сделал выбор в пользу Европы. Однако отторжение, с которым он сталкивается, заставляет его сменить курс в пользу «евразийского проекта». На ваш взгляд, этот поворот является окончательным?

Жан-Пьер Арриньон: Для ответа на ваш вопрос достаточно перечитать выступление Владимира Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи 24 октября 2014 г.:

«Сегодня звучат утверждения, что Россия якобы отворачивается от Европы, ищет других деловых партнёров, прежде всего в Азии. Хочу сказать, что это абсолютно не так. Наша активная политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе началась отнюдь не сегодня и не в связи с санкциями, а уже более чем несколько лет назад. Исходили, так же как и многие другие страны, в том числе западные, ... из того, что Восток занимает всё более значимое место в мире и в экономике, и в политике, этого не учитывать просто нельзя»...» [Заседание...].

«Добавлю, что мы также приветствовали бы начало предметного диалога по линии Евразийского и Европейского союзов. Кстати говоря, в этом нам тоже до сих пор практически постоянно отказывали, тоже непонятно почему, что здесь такого страшного? И, разумеется, при вот такой совместной работе мы считали бы, что нужно вести диалог, а я об этом много раз говорил и слышал согласие многих наших западных партнеров, европейских во всяком случае, о необходимости формирования единого пространства экономического, гуманитарного сотрудничества, простирающегося от Атлантики до Тихого океана» [Заседание...]. К его словам можно было бы прислушаться!

NRH: Чего можно ожидать от союза, складывающегося между Россией и Китаем, вне рамок Шанхайской организации сотрудничества?

Жан-Пьер Арриньон: Такие государства, как Россия и Китай, прекрасно дополняют друг друга. Экономическое развитие Китая, его бурная индустриализация требуют постоянного снабжения энергетическими ресурсами, которых ему недостает. Россия, напротив, — своего рода эльдорадо природных ресурсов, нефти, газа, редких металлов и т.д. Как следствие, Россия и Китай заключили ряд соглашений о сотрудничестве, которые способствуют взаимной интеграции экономик обеих стран. Несомненно, западные санкции и, в частности, прекращение банковского финансирования сыграли свою роль в том, что Россия, во избежание сложностей, решила применить паллиативные средства и активизировать сотрудничество с Китаем и другими странами Юго-Восточной Азии. Российско-китайское сближение часто описывают на Западе как нечто временное, полагая, что в долгосрочной перспективе между двумя этими странами неизбежен конфликт, в частности, из-за демографического дисбаланса. Я же считаю, что сближение России с Китаем, а также с Индией и в целом с другими странами БРИКС является первым шагом в построении нового мирового порядка и носит долговременный характер. Кстати, именно это тревожит Соединенные Штаты, которые опасаются возникновения новой политической и экономической силы, неподвластной их контролю. Это игра, рассчитанная на длительную перспективу, ведь на Востоке иное понимание времени, чем у нас.

NRH: В чем современный Запад ошибается в своих суждениях о России?

Жан-Пьер Арриньон: У представителей западного сообщества, которые судят о России, есть одна общая черта — они имеют в лучшем случае весьма поверхностные знания об этой стране. А потому опираются на образы, сложившиеся в период от окончания Второй мировой войны до 1991 г. Для многих из нас представления о России ограничиваются КГБ, новым «изданием» которого представляется ФСБ, ГУЛАГом и вечной угрозой, которую сдерживает лишь НАТО. По отношению к России европейцы в лучшем случае насторожены, в худшем — враждебны. Это ясно показывает и украинский кризис. Все, что делает Европа, — это требует от России новых и новых усилий, однако никто ничего не требует от Украины. Нельзя забывать, что русские пережили поистине ужасный XX в., отмеченный для них миллионами жертв; в памяти россиян живы и войны, и лагеря, и экономические кризисы. Россия в буквальном смысле находилась на краю бездны. И Россия не стремится воссоздать империю по образцу СССР,

она нацелена прежде всего «на создание мощных региональных организаций и выработку правил их взаимодействия. Кооперация этих центров серьезно добавила бы устойчивости мировой безопасности, политике и экономике» [Заседание...].

NRH: *По вашему мнению, можно ли сегодня видеть в России цивилизационную альтернативу той западной модели, которая разрушается рыночным обществом?*

Жан-Пьер Арриньон: Я не думаю, что Россия может послужить цивилизационной моделью для Запада. Россия — наследница традиций Восточной Римской империи и носитель эсхатологического духа, который на Западе полностью исчез. Россия все еще остается «Третьим Римом»... а «четвертому не бывать». С этим связана динамика, определяющая ее судьбу, ее будущее в эсхатологическом времени Парусии. Все это нельзя перенести на Запад, который находится в поиске своих демократических ценностей, способных воссоединить раздробленное коммунитаризмом общество. Россия — это другой мир, но, пожалуй, не модель...

*Вопросы задавала Полин Леконт (Pauline Lecomte)
Перевод с французского Дарьи Мозель*

Литература:

- Волконский А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. М. 1998. URL: http://otechnik.narod.ru/history_rus_church1.htm (дата обращения: 10.02.2016)
- Грушевский М. Очерк истории украинского народа. 2-е изд. Киев, 1991.
- Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24 октября 2014 г. // Официальный сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 28.03.2015).
- Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12-и т. СПб., 1816–1829.
- Ключевский В.О. Краткое пособие по Русской истории. М., 1992.
- Лемерль П. На перекрестке цивилизаций. История Византии. Османская империя. М., 2006.
- Berelowitch W., Le grand siècle russe d'Alexandre Ier à Nicolas II. Paris, Gallimard, Découverte, 2005.
- Sokoloff G. La Puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 à nos jours. P. 1993.
- Volkonski A. Ukraine: la vérité historique. Paris. 2015.

УДК 005;32.001;327

ЕЛЕНА ПИНЮГИНА

Политическая наука в востоковедческих институтах Российской академии наук: тематика и методология в новых политических условиях

Аннотация. *Статья посвящена политическим исследованиям в востоковедческих институтах РАН на примере Института Дальнего Востока и Института востоковедения. Политология востоковедов имеет методологические отличия от западного подхода, возобладавшему начиная с 90-х годов в большинстве общественно-научных центров России. Выявляются особенности, сильные стороны и потенциал вклада российских китаистов и других востоковедов в политическую теорию. Рассматриваются тематические профили и направления исследований.*

Ключевые слова: *Востоковедческая политология, академическая политология, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, политические исследования Китая, методология политической науки, незападная политическая теория, ориентализм.*

Возникновение и развитие существующих в наши дни страноведческих институтов РАН определялось государственной научной политикой СССР и совокупностью задач — политических, внешнеполитических, идеологических и т.п. Важно, что государственная политика, поставив определенные цели, содействовала скорейшему организационно-техническому обеспечению необходимых условий их выполнения. Институциональное оформление существующих и по сей день академических учреждений было результатом осознанной властью необходимости создать специальные условия для исследований того или иного региона. В результате возникла система международно-региональных институтов РАН, которые входят в Отделение глобальных проблем и международных отношений: Институт Дальнего Востока, Институт США и Канады, Институт Европы, Институт Африки, Институт Латинской Америки. Политические исследования изначально подразумевались как область задач этих институтов. Однако в структуре РАН существуют и другое Отделение — историко-филологическое, в котором есть институты, сфокусированные на изучении тех или иных регионов мира. Это, например, Институт востоковедения, Институт славяноведения (в прошлом Институт славяноведения и балканистики), Институт монголоведения, буддизма и тибетологии.

Среди регионоведческих институтов РАН этих двух отделений можно условно выделить востоковедческие (Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока, Ин-

Сведения об авторе: ПИНЮГИНА Елена Викторовна — научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН, кандидат политических наук; pinjugina@rambler.ru.

ститут Африки), региональные специализации которых частично пересекаются; то же касается и пересечения некоторых направлений политических исследований.

Прежде всего рассмотрим общие особенности организации и тематические профили политических исследований в востоковедческих институтах. Для подробного же анализа нами выбраны два из них — Институт Дальнего Востока и Институт востоковедения, относящиеся к двум разным отделениям РАН. Эти институты имеют совершенно разную историю и создавались в различных обстоятельствах.

Так, Институт востоковедения насчитывает сто лет дореволюционного становления. Его прообраз возник в рамках созданной Петром Первым Петербургской академии наук в 1818 г., когда при Кунсткамере был учрежден Восточный кабинет, позднее получивший название Азиатского музея. Развитие востоковедения было поддержано советской властью, и в 1930 г. Азиатский музей преобразовали в Институт востоковедения (ИВ) АН СССР, который в 1950 г. перевели в Москву. Перевод был связан с политической значимостью востоковедения для государства и несоответствием области исследований института современным задачам. В критическом докладе академика С.И. Вавилова на президиуме АН в 1948 г. отмечалось отсутствие публикаций о политике, экономике, новейшей истории стран Востока [Кульганек, с. 28]. Часть сотрудников осталась в Ленинграде, где после преобразований появилось Ленинградское отделение ИВ. В 1970 г. специальным решением Президиума РАН задачи столичного ИВ и его Ленинградского отделения разделили: в Москве должны были заниматься проблемами современного развития стран Востока и международных отношений, а в Ленинграде — описывать, изучать и издавать памятники письменности, заниматься историей докапиталистического периода, культуры и общественной мысли.

По сравнению с ИВ, Институт Дальнего Востока РАН (далее ИДВ) — относительно молодое научное учреждение. Он был создан по указанию ЦК КПСС на основании постановления Президиума АН СССР в сентябре 1966 г. Одной из его задач стал поиск научного ответа — в том числе и в области политической теории — на идеологический раскол между СССР и КНР, КПСС и КПК, которые разошлись в политической интерпретации марксизма и стратегии развития на его основе, поставив под сомнение единство социалистического лагеря. И раскол, и позицию КПСС по этому вопросу надо было объяснить как советской общественности (прежде всего членам партии), так и представителям компартий за рубежом. Ситуация усугублялась появлением в КНР альтернативной теории международных отношений — Теории трех миров Мао Цзэдуна. Более того, КНР стала претендовать на лидерство среди стран Третьего мира, конкурируя за влияние на них с СССР. Таким образом, профиль деятельности ИДВ — комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, опыта социально-экономического развития этих стран, отношений с ними Советского Союза/России имело как самостоятельную научную ценность, так и прикладное значение. ИДВ был обязан реагировать на актуальные вопросы политики и находился в контакте с отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Необходимость решать партийные задачи научными инструментами приводила порой к неожиданным последствиям. Как отмечает А.В. Лукин, с одной стороны, благодаря поставленной свер-

ху задаче критиковать маоизм, ИДВ получил уникальную для политологов советского времени возможность критиковать социалистическую страну и коммунистическое правление (что позволяло безнаказанно на китайском примере анализировать негативные стороны коммунистической диктатуры, обращаясь на самом деле к внутренней аудитории); с другой стороны, эта жесткая наукообразная критика в адрес руководства КПК, несколько утрированная в целях усиления аргументов во внутренней идеологической дискуссии, нанесла большой вред советско-китайским отношениям [Лукин, с. 229–233].

При всех различиях и нюансах, оба института имели сходства. Структурирование их в «фабрики мысли» (трансформация Ленинградского ИВ РАН с переносом его головной структуры в Москву, равно как и учреждение ИДВ РАН) было вызвано государственной потребностью в качественном и актуальном экспертном обеспечении внутренней и внешней политики на Востоке и в международных отношениях в целом. Политология заняла важное место в работе как ИВ, так и ИДВ.

Рубежным этапом в логике развития политической науки в востоковедческих институтах РАН стал распад СССР. После того, как идеологизация общественных наук была признана несостоятельной, в институтах РАН общественно-научного профиля в целом произошла переориентация (не полная, но в значительной степени) на европейские и американские стандарты (ценностные, категориальные и формальные). Напротив, востоковеды, столкнувшиеся с вызовами, общими для всей постсоветской науки, оттесненной на периферию общественной жизни, не отказались от наработанной в советское время платформы. Им удалось сохранить накопленные ими инвестиции в производство научного знания и методологические принципы. Такая возможность сохранилась благодаря «национальной специфике» азиатских государств, позволяющей востоковедам менее жестко придерживаться западного цивилизационного шаблона по сравнению с политологами-западниками — сторонниками демократического транзита.

Политология востоковедов имеет методологические отличия от подхода, естественно возобладовавшего начиная с 90-х годов в институтах, занимающихся государствами Запада, и принятого некритически также большинством политологов остальных соционаучных институтов. Такая смена методологии вписывалась в общую логику перехода России на стандарты либерально-демократических обществ, включая лексикон и инструментарий общественных наук, единый для западной цивилизации. Востоковеды же лучше и предметнее других специалистов знали, что западный инструментарий далеко не всегда применим к восточным обществам, тем более, безоговорочно¹.

¹ Например, как пояснил глава политологического подразделения ИДВ РАН А.В. Виноградов, англоязычные ученые используют в отношении КПК и других партий КНР при переводе иероглифа «дан» западный термин «политическая партия». Но политическая культура КНР сознательно строилась на синтезе марксизма и собственных цивилизационных оснований. Слово «дан» этимологически фиксирует связь с родом и общиной, а не просто политическим движением, конкурирующим на рынке идей за электоральный успех. Западная наука не учитывает, насколько старое слово, приспособленное для новых политических реалий, сохраняет для масс дух и смысл национального дополитического понятия. Отечественные ученые стараются в таких случаях указать иероглифическое написание и переводы ключевых слов, чтобы не подгонять исследование под шаблон и не утратить подлинные смыслы.

При ознакомлении с научной деятельностью востоковедов нельзя не увидеть их особый вклад в отечественную политологию. Их компетентность в реалиях Востока позволяет им более точно использовать сравнительно-аналитический подход, не давая российской политической науке стать односторонне ориентированной на западные образцы, исходить из ошибочных или неполных представлений в изучении политической жизни Востока, в сравнительной и теоретической политологии, в исследованиях международных отношений.

В стенах двух рассматриваемых востоковедческих институтов регулярно появляются качественные исследования политического профиля. Следует ли, рассматривая вклад институтов в политическую науку, руководствоваться преимущественно количественными показателями? Подход может зависеть от приоритетов исследователя, тем более что наукометрический подход не предлагает универсального инструментария для решения всех задач. В данном случае наша задача охарактеризовать институты как «фабрики политической мысли». Существенное место при выявлении статуса политической науки в различных институтах РАН занимает содержательно-тематический анализ собственно политологического компонента научной продукции, оригинальности и перспективности исследований. И, конечно, мы исходим из того, что продуктивность институтов по каждой из наук, представленных в его арсенале (а политология — лишь один из них), связана с личностями ученых, динамикой их интересов и совокупностью условий — как в самой организации, так и в российской и мировой науке. Также в рамках данной статьи возможно описать часть работы того или иного научного подразделения или центра в структуре каждого из выбранных институтов РАН, релевантную для конкретного научного направления (в нашем случае — политические исследования). Кроме того, поскольку речь идет о политологии, должно учитываться влияние на динамику и приоритеты исследований различных внутри- и внешнеполитических обстоятельств, на которые политолог не может не реагировать.

Институт Дальнего Востока РАН

Политическая проблематика занимает солидный сегмент в общем объеме исследований института. Сформулированы такие основные направления, как: становление полицентричного мира; восточно-азиатское измерение национальной безопасности России; комплексный анализ и прогноз социально-политического и экономического развития стран Восточной Азии; реформирующиеся Россия и Китай в мировых процессах глобализации и регионализации в XXI в.; роль России, Китая и Индии в обеспечении стратегической стабильности в Центральной Азии, проблемы развития ШОС.

В политических исследованиях задействованы почти все научные подразделения ИДВ — Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Центр социально-экономических исследований Китая, Центр изучения стратегических проблем США и ШОС, Центр политических исследований и прогнозов, Центр новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Центр сравнительного изучения цивилизаций США, Центр японских исследований, Центр корейских исследований, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН.

Изучая динамику публикаций и мероприятий последних лет, можно констатировать: институт демонстрирует высокую способность к мобилизации в условиях развернувшегося в 2014 г. кризиса отношений между Россией и странами Запада, порождающего экзистенциальный вызов для российской экономики и новые задачи во внешней политике. Как в этих условиях выстроить эффективное сотрудничество с азиатскими странами? Как сопрягать возможности России с планами расширения влияния Китая в постсоветской Евразии?

ИДВ — пока одна из немногих академических организаций, выпустившая публикации по проблематике сопрягаемости интеграционных форматов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайского проекта Экономического пояса нового Шелкового пути (далее — ЭПШП). Серьезные публикации ИДВ далеки от медийного ажиотажа вокруг предполагаемого легкого поворота России к Азии и якобы полного совпадения российских и китайских взглядов на взаимные интересы и принципы развития. В этом контексте необходимо выделить доклад «Российско-китайский диалог: модель 2015», подготовленный совместно экспертами ИДВ РАН, Российского совета по международным делам и Института международных исследований Фуданьского университета. В докладе имеется параграф о необходимости взвешенно подходить к сочетаемости ЕАЭС и ЭПШП. Авторы упоминают основополагающее различие целей этих проектов для РФ и КНР, различные приоритеты их воплощения (институциональный характер ЕАЭС и инфраструктурные инвестиции ЭПШП), разнотемповые стратегии КНР и РФ [Российско-китайский..., с. 11–13]. В том же докладе приведены мнения китайских ученых, показывающие отсутствие у китайской стороны стремления связывать себя с Россией союзническими обязательствами и выходить за пределы стандартного добрососедства и экономического партнерства. Такая актуальная академическая экспертиза с международным участием крайне необходима в условиях разрастания мировых конфликтов, когда возрастает количество информационных потоков, распространяющих идеологические штампы и дезинформацию.

Тенденцию к переосмыслению российско-китайского взаимодействия в новых условиях подтверждают и другие недавние труды ведущих ученых ИДВ РАН, таких как директор института академик М.Л. Титаренко, А.В. Островский, В.Я. Портяков, А.В. Виноградов, В.Е. Петровский, С.Г. Лузянин, С.В. Уянаев и другие. Это, например, совместный доклад ИДВ РАН и Института России, Центральной Азии и Восточной Европы Китайской академии общественных наук под названием «Взаимодействие России и Китая в разработке и реализации Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества», в котором тема сопрягаемости ЕАЭС и ЭПШП упоминается преимущественно как обновленная повестка ШОС, причем указаны риски растворения ЕАЭС в китайском проекте ЭПШП [Взаимодействие..., с. 5–6]. Можно назвать также монографию «Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени» [Титаренко, 2014], статьи «Россия, Китай и Новый мировой порядок» [Титаренко, Петровский, 2015] и «Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией» [Уянаев, 2015].

Необходимо отметить, что еще до возникновения ЕАЭС и концепции ЭПШП исследователи ИДВ разрабатывали связанные с данной проблематикой масштабные темы,

учитывая риски потери влияния России в Средней Азии в условиях конкуренции с Китаем. Сюда можно отнести публикации М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова, С.Г. Лузянина, Я.М. Бергера о проблемах и перспективах взаимодействия стран Центральной Азии с РФ и Китаем, а также о возрастающей роли Китая на евразийском пространстве и в международных отношениях [Титаренко, 2008; Титаренко, 2012; Портяков; Лузянин, 2009; Лузянин, 2007].

Особенностью того, предшествующего сегодняшнему, этапа научных исследований было рассмотрение большинством ученых российско-китайского стратегического партнерства через призму желательного доминирования на евразийском пространстве Шанхайской организации сотрудничества. При этом тема безопасности превалировала над экономической проблематикой. Теперь наступает время, когда создание Единого экономического пространства Евразии и сопряжение двух крупнейших проектов политической и экономической интеграции стран Евразии (ЕАЭС и ЭПШП) при активном участии РФ и КНР требует не меньшего или даже большего внимания академического сообщества, чем сотрудничество двух стран в области безопасности.

Разворот событий вокруг Украины, политическая элита которой предпочла интеграцию с ЕС, привел не только к ущербу для российских интересов, но и к превращению ЕС из партнера в потенциального противника России. Необходимо избежать повторения подобного сценария с азиатскими постсоветскими государствами, вошедшими в ЕАЭС и взаимодействующими с КНР. Экономическая мощь Китая и иницируемая им зона развития и интеграции вокруг ЭПШП становится для этих государств таким же политическим аргументом, как европейский уровень жизни для стран Прибалтики и Восточной Европы.

Политология в ИДВ не ограничивается областью международных отношений. В институте функционирует Центр политических исследований и прогнозов (далее — ЦПИП) под руководством доктора политических наук А.В. Виноградова — подразделение, специализирующееся на исследованиях внутренней политики КНР. Основные направления его работы — китайские политическая система и право, идеологические процессы, роль компартии в стране, историко-политологические аспекты развития института многопартийного сотрудничества и политических консультаций. В сфере интересов ЦПИП также экологическая политика в КНР, национальная политика, проблемы народонаселения и демографической политики. В межстрановом ракурсе ведутся сравнительные исследования политических преобразований в КНР и РФ. Большим вкладом в научное осмысление модернизации, ее эффективности и национальной специфики становится разработка темы социокультурной трансформации модернизирующихся цивилизаций на примере России и Китая. Данное направление весьма ценно и с точки зрения сравнительной политологии.

Изучая темы и тезисы научных докладов на конференциях ЦПИП за 5 лет, можно увидеть сходство внутри- и внешнеполитических вызовов, стоящих перед Россией и Китаем как трансформирующимися государствами. Для российского научного сообщества и общества в целом — с присущим ему напряженным интересом к исследо-

ваниям идентичности, символической политики, образа России и ее статуса в мире — актуальна такая, на первый взгляд, сугубо китаеведческая тема, как идентификация современного образа Китая в сочетании с новыми подходами к его историческому наследию.

Специфика китаеведческой политологии и в том, что она вносит в российский научный дискурс труднодоступные или малознакомые не китаеведам темы: например, как новый мировой статус Китая становится причиной дискуссий между китайскими и зарубежными учеными и политиками. Так, на регулярной научной конференции ЦПИП сотрудник другого подразделения института, д. э. н., проф. В.Я. Портяков проанализировал концепцию самоидентификации Китая как ответственной глобальной державы¹. Глобальная ответственность, принимаемая Пекином, трактуется комплексно, охватывая и внешнюю и внутреннюю политику. Обеспечение огромному населению страны права на существование и развитие раскрывается именно как высочайшая ответственность, в том числе и за реализуемую Китаем модель экономического роста. Западное понимание ответственности подразумевает улучшение ситуации с правами человека при ориентации не на собственные (в данном случае китайские) представления и традиции, а на международные стандарты и нормы (в западной интерпретации), то есть Запад исходит из права внешней экспертизы правового и гуманитарного развития других стран. Ученые Китая же методологически оставляют за собой право на собственную интерпретацию западных политических категорий, включая и ответственность, и права человека, с учетом китайской специфики.

Обратим внимание на формирование китайской национальной альтернативы проявлениям ориентализма в общественных науках, который, как полагает автор известного труда на эту тему Э. Саид, «можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждениях, определенных санкционируемых взглядах, его описания, освоения и управления им» [Саид, 2006, с. 8]; при этом Саид далее уточняет, что «ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком [там же]. В случае с полемикой вокруг ориентализма нельзя игнорировать влияние на этот процесс дискурса исторического противостояния цивилизаций Запада и мира Ислама, с его разными религиозно-политическими интерпретациями. Китайская культура осталась вне этого противостояния; при этом она обладает традицией политической философии. Философская и научная мысль Китая развивались в лоне национальной культуры несколько тысячелетий без взаимодействия с античной мыслью, ставшей одним из истоков политической науки евроатлантической цивилизации и влияющей на парадигму ее развития.

¹ Следует отметить, что к своим научным мероприятиям ЦПИП привлекает сотрудников других подразделений своего Института, а также коллег из региональных филиалов РАН и внешних организаций. Но именно первый аспект — вовлечение в работу политологического подразделения коллег из других подразделений ИДВ представляется удачной практикой внутреннего научного обмена. Такой обмен важен и для развития политологического потенциала институтских кадров, с учетом комплексного характера китаеведения как страноведческого направления.

Неудивительно, что именно политологи, изучающие незападные государства и культуры вне ориенталистского дискурса, обращают внимание на азиатские политические концепции с точки зрения их вклада в политическую науку. Среди них, например, такая концепция, как «одна страна — две системы», связавшая материковый Китай и бывшие западные колонии, Гонконг и Макао, которые сохранили при этом свои разные валюты, а также правовые, экономические, эмиграционные системы. Такой автономии не допускает ни одно государство на Западе¹.

Необычным для западно-ориентированных политологов может показаться и высказанное на одной из конференций ЦПиП предположение его руководителя А.В. Виноградова, что экономический взлет Китая может породить моду на все китайское, в том числе на китайскую политическую систему, когда универсальной ценности демократии будет противопоставлено превосходство просвещенного авторитаризма. Ученый отметил, что если 15 лет назад дискуссии о новом авторитаризме в Китае были сугубо страноведческими, то сейчас тема, «не имея мирового значения, уже обрела мировое звучание».

Правоту этих прогнозов подтверждают некоторые выступления китайских политологов, предполагающих возможность дискуссий с использованием аргументов о минусах электоральных демократий, об их кризисном состоянии и нецелесообразности их заимствования, поскольку Китай своим существованием доказывает возможность эффективной альтернативы западной модели [Китайский политолог...]. В то же время, как отмечали политологи-востоковеды на конференции ИДВ в 2014 г., КПК опробует практики делиберативной демократии, не переставая при этом пропагандировать концепцию самобытного китайского социализма и великого возрождения китайской нации (идеи «общечеловеческих ценностей», конституционной демократии, неолиберализма, «исторического нигилизма»; сомнения по поводу политики реформ и открытости; расхождения в оценке сущности «самобытного китайского социализма» ЦК КПК считает враждебными этой концепции) [3-й пленум ЦК...].

Неприятие универсалистской концепции политического развития и общечеловеческих ценностей, как показывают исследования, компенсируется в КНР другими инструментами. В частности, как отмечает г.н.с. ИДВ РАН д.э.н. Э.П. Пивоварова, поставлен вопрос о месте человека в стратегии китайских реформ, все больший акцент делается на необходимости не только сбалансированного, но и «гармоничного» развития экономической и социальной сфер, на достижении справедливости и усилении для этого регулирующих функций государства, поскольку задача выхода всего населения КНР на среднезажиточный уровень требует устранения все резче обозначающейся имущественной дифференциации, в том числе путем «отлаживания отношений распределения доходов» в китайском обществе [3-й пленум ЦК...].

¹ А.В. Виноградов, в частности, в ходе нашей беседы отмечал, что кроме востоковедов/ страноведов, никто из отечественных политологов не изучает хотя бы в сравнительном ракурсе китайский вариант федерализма.

Многих западных политологов занимает вопрос перспективы проведения политической реформы в Китае. Но главный вопрос политических отношений в КНР, как его формулирует А.В. Виноградов, — это выбор не между демократией и авторитаризмом, а между порядком и анархией. Китайский подход заключается, по мнению ученого, в том, что лишь при условии стабильности и порядка можно говорить о повышении эффективности политической системы. Последовательные политические реформы в стране направлены на совершенствование авторитарного правления в духе китайской политической традиции и сообразно существующей в Китае экономической системе. При этом, по мнению руководителя ЦПиП, эти усилия не всегда могут четко идентифицироваться западными аналитическими средствами.

Старший научный сотрудник ИДВ Ю.Ю. Перепелкин в этой связи отметил, что после прихода к власти на 18-м съезде КПК новое руководство Китая выдвинуло «широкомасштабную программу преобразований во всех сферах жизни страны, которые затрагивают важнейшие интересы как населения, так и правящего класса, в связи с чем лидеру Китая были предоставлены исключительные властные полномочия» [3-й пленум ЦК...].

Сотрудники института рассматривают в своих политологических публикациях и выступлениях множество тем, двигаясь от частных, значимых только для КНР, к общемировым (таким как женское представительство в политической власти, развитие НПО, делиберативные практики под контролем правящей КПК и т.п.). В частности, анализируется теоретическая состоятельность гипотезы о том, что дальнейший экономический рост приведет к демократизации КНР [Королев].

В свете выводов многих исследований ИДВ РАН, а также объективного восхождения Китая как первой глобальной державы, не принимающей политических стандартов западной цивилизации, складываются основания для постепенной реинтеграции незападной политической и научной традиции, включая терминологию и методологию, в мировую политику и науку, и уже не в статусе «культурных атавизмов из третьего мира».

Помимо издания научных трудов, ИДВ вносит вклад в политическую науку, выпуская научный и общественно-политический журнал «Проблемы Дальнего Востока», который выходит шесть раз в год на русском и ежеквартально на английском языке (под названием «Far Eastern Affairs»). Журнал издается тиражом более 700 экземпляров, включен в список ВАК и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Востоковедческая политология в ИВ РАН

Политическая наука в Институте востоковедения РАН не представлена каким-либо отдельным профильным центром. Это обусловлено организационной структурой института, в которой направления исследований в области различных наук соподчинены региональным профилям подразделений. В этих условиях очень заметна персонификация политической науки в ИВ. Во главе института и его подразделений десятилетиями

работают выдающиеся российские ученые, чьи труды позволяют классифицировать их как представителей не только востоковедения в целом, но и востоковедческой политологии. Это научный руководитель (в недавнем прошлом — директор) ИВ В.В. Наумкин, Э.В. Молодякова, В.Я. Белокреницкий, Р.Г. Ланда, И.Д. Звягельская и другие сотрудники, основные политические исследования которых, опубликованные в последние годы и характеризующие их научные интересы, перечислены в списке использованной литературы.

В сфере востоковедческой политологии продуктивно работают целые отделы и научные центры ИВ. В последние годы наиболее интенсивной является работа следующих региональных подразделений:

1. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока. В рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Нация и государство в мировой истории» сотрудники центра провели исследования по теме «Современное государство и традиционное общество: особенности и механизмы взаимодействия (на примере Афганистана и Пакистана)». По результатам опубликованы две монографии: «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» [Белокреницкий, Сикоев, 2014] и «Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана» [Белокреницкий, Сикоев, 2013]. Авторы выявляют специфические феномены незападных государств — такие как авторитарная демократия или место гражданского общества в идеологическом государстве. С учетом формирования политического образования ИГИЛ (разрушившего территориальный суверенитет Ирака и Сирии) и обновления трансграничного движения Талибан, оперирующего на территориях Афганистана и Пакистана, авторы описали сценарии развития событий — в том числе вариант фрагментации Афганистана и Пакистана.

2. Центр индийских исследований. Его сотрудники отслеживают динамику парламентских выборов в Индии и анализируют влияние парламентаризма на развитие страны [Кашин; Кашин, Шаумян]. Один из интересных проектов Центра — научная конференция «Территория и принадлежность» в рамках продолжающегося научного проекта «Под небом Южной Азии». Основным предметом обсуждения, как сообщается на сайте Центра, стала физическая и виртуальная взаимосвязь индивидов и/или социальных, этнических, политических, религиозных и пр. групп (сообществ) с территориями — реальными и/или вымышленными. Также этот продолжающийся междисциплинарный проект раскрывает роль южноазиатских портрета и скульптуры, активно участвующих в создании словаря политических, религиозных, этнических и социальных выражений и грамматики поведения вождей, партий, группировок и толпы [см. подробнее: Юрлова; Глушкова].

3. Центр арабских и исламских исследований. В формулировках рамочных тем подразделения преобладает цивилизационно обусловленный подход, но определенный объем занимают и исследования политической проблематики. Так, в рамках темы «Традиция, трансформация и революция в арабо-мусульманской цивилизации» ведется мониторинг политической жизни, гуманитарной сферы и социальных процес-

сов в арабском мире. Изучаются закономерности и пути трансформации политических систем арабских государств; основы политической культуры арабо-мусульманских обществ; проблемы социально-экономической модернизации; общественные отношения и общественная мысль; власть, государство, общество в арабо-мусульманской культуре; толкования священных текстов ислама и их политическая инструментализация и т.д. В рамках темы «*Единство и множественность арабо-мусульманской цивилизации*» рассматриваются внешняя политика отдельных государств, региональных объединений и организаций; проблемы регионального развития и региональной безопасности. В рамках темы «*Россия — Арабский мир — ислам*» ведется анализ отношений РФ с отдельными арабскими странами, региональными организациями и объединениями; рассматривается статус государств Арабского Востока во внешней политике России (и наоборот).

Политологические публикации выпускают почти все сотрудники центра, начиная с его руководителя — кандидата исторических наук В.А. Кузнецова [напр., Кузнецов, 2013; Кузнецов, Наумкин; Кузнецов, 2015]. Область научных интересов Д.Б. Малышевой включает международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Центральной Азии и на Южном Кавказе; вооруженные конфликты в указанных регионах; религиозный (исламистский) экстремизм и его связь с политикой; воздействие внешних факторов на политическое развитие государств Центральной Азии [см., напр., Конфликты..., Малышева, 2012; Малышева, 2014]. Конфликтами и политическими процессами в странах Центральной Азии и Ближнего востока, изучением государственного строительства в Израиле, а также ближневосточной политики России занимается И.Д. Звягельская [см., напр., Звягельская, 2009; Звягельская, 2012; Звягельская, 2014]; проблемами арабо-мусульманской диаспоры в Европе, проблемами палестинского и сирийского урегулирования — Б.В. Долгов [см., напр., Долгов, 2013; Долгов, 2014; Долгов, 2015]. Политология занимает значительный объем и в работах молодых сотрудников центра — А.В. Демченко, в фокусе исследований которого «арабская весна» в Палестине и Иордании [напр., Демченко, 2011; Демченко, 2012; Демченко, 2013] и И.Х. Миняжетдинова, в сфере интересов которого политика США в Ираке, российско-иракские отношения, кланово-племенная структура иракского общества и ее влияние на политические процессы в стране [см. напр. Миняжетдинов, 2006; Миняжетдинов, 2015]. Большой интерес для политологии представляет вклад сотрудников Центра Е.С. Мелкумян и А.З. Егорина в изучение политической системы и эволюции малых государств Востока, менее известных и изученных, чем аналогичные политии на западе [Егорин, Мелкумян].

4. Центр исследования общих проблем современного Востока. Приведем список его приоритетных направлений, с кратким описанием политологического компонента:

- 1) Восток и Россия в глобализирующемся мире: модернизация и транзит;
- 2) Роль религии в процессах социализации и политической индоктринации на востоке;
- 3) Международная миграция с Востока (рассматривается миграция в Россию, на Запад и в два сегмента самого Востока — в нефтедобывающие арабские монархии и в новые индустриальные страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии);
- 4) Региональная безопасность и международные отношения.

В рамках данного направления руководителем Центра С.А. Панариным и его коллегами организованы исследовательские проекты «Безопасность как ценность и норма в прошлом и настоящем» и «Трансграничные вызовы национальному государству». В рамках проектов проводились международные конференции и опубликовано несколько книг: в 2012 г. — «Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур»; в 2013 г. — «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации»; в 2015 г. — «Трансграничные вызовы национальному государству» (полные выходные данные всех этих книг приведены в конце статьи в списке использованной литературы).

Работа Центра отличается постоянной актуализацией знания — достаточно перечислить несколько названий политологических трудов за 2013–2015 гг.: «Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале XXI века», «Крымские татары и вызовы XXI века: сб. статей», «Узловые проблемы международных отношений в странах Азии и Северной Африки» (выходные данные доступны в списке использованной литературы).

5. Отдел Китая. Еще с советских времен, вот уже несколько десятилетий, Отдел проводит политологическую и обществоведческую конференцию под названием «Общество и государство в Китае» и выпускает одноименные сборники научных трудов, выходные данные которых указаны в списке литературы. Помимо этого, изучается внешняя политика Китая, в том числе в Центральной Азии. На различных организуемых отделом конференциях и в публикуемых научных статьях традиционно обсуждаются проблемы современного Китая, политические проблемы новой стратегии КПК, роль религии на современном этапе [Синецкая, 2010; Синецкая, 2011].

6. Центр японских исследований занимается внутри- и внешнеполитическими исследованиями. Среди недавних работ общественно-политического профиля — коллективная монография «Японское общество: изменяющееся и неизменное»; «Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей» (выходные данные этих двух монографий, а также некоторых из политологических публикаций замдиректора ИВ РАН и руководителя данного Центра Э.В. Молодяковой — о политической системе этой страны, о проблеме пересмотра Конституции, о парламентских выборах и деятельности политических партий — приведены в списке литературы).

В заключение можно отметить, что политические исследования в работе отделов и научных центров связаны и с вопросами политической теории, и с изучением реальных долговременных тенденций. Например, в 2015 г. Отделом истории ИВ РАН совместно с Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН была проведена конференция «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения», с такими секциями — как: «Проблемы гражданского общества в незападных обществах», «Власть и насилие в мусульманском мире в Средние века и раннее Новое время», «Природа и источники власти в азиатских и африканских обществах в Древности», «Современные концепции государства на Ближнем Востоке», а также отдельными секциями,

посвященными власти и обществу в Японии, Китае, Иране. По результатам конференции, где прозвучало 180 докладов, будет подготовлен и опубликован сборник научных статей.

Интерпретация политических процессов в странах арабского Востока в публикациях многих подразделений института свободна от доминирования западного дискурса. В российской востоковедческой политологии дискурс демократизации применительно к странам Востока может рассматриваться как часть внешнеполитической стратегии коллективного Запада, направленной «на контроль политической сферы незападных государств и легитимацию различных форм такого контроля, включая прямое и косвенное военное вмешательство» [Егорин].

В ИВ РАН выходит несколько периодических изданий, содержащих политологические рубрики: **«Восток. Афро-азиатские общества: история и современность»**, ежегодники «Япония» и «Восточная аналитика», совместное с ИНИОН РАН издание — бюллетень «Россия и мусульманский мир», совместный с Институтом Африки РАН журнал «Азия и Африка сегодня».

* * *

Востоковедческая политология в институтах РАН — это не только форпост российского востоковедения в целом, но и перспективный сегмент развития отечественной политологии. Этот потенциал пока практически не используется политологами. К примеру, на такие конференции, как «Власть и насилие в незападных обществах», можно приглашать политологов из восточноевропейских институтов. Значимым — не только для российской, но и для мировой науки — является систематическое изучение модернизации стран Востока. Для российского общества имеет большое значение такое наметившееся направление работы институтов, как сравнительное изучение опыта модернизации в России и отдельных странах Востока.

Помимо самоценных исследований, востоковеды-политологи предлагают остальным российским политологам уникальный материал для развития политической теории, сравнительной политологии, исследований по направлению «религия и политика». Востоковедческие институты испытывают сложности, типичные для других академических институтов, — разрыв поколений, недофинансирование, отсутствие государственных гарантий статуса ученого. Тем не менее они являются наиболее конкурентоспособными востоковедческими фабриками мысли в России: именно выходцы из этих структур в основном формируют тренды общественно-политических исследований Востока в ведущих российских вузах с международной и востоковедческой компонентой (МГИМО и ИСАА), участвуя в их научно-педагогической работе.

Востоковедческие академические институты производят глубокое, фундаментальное, долговременное знание, задают стандарты исследований, формируют своей компетентностью «мягкую силу» российской науки, будучи признанными в мировом интеллектуальном пространстве.

Литература:

- 3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ. Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов / Интернет-сайт Института Дальнего Востока РАН. 20.03.2014. URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/4/854-nauchnaya-konferencziya-czentra-politicheskix-issledovanij-i-prognozov-l3-j-plenum-czk-kpk-novoe-rukovodstvo-i-strategiya-reformr> (дата обращения: 20.12.2015)
- Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
- Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур / Отв. ред. С. А. Панарин. СПб., 2012.
- Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Отв. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшин. Иваново, 2013.
- Белокреницкий В.Я.* Пакистан: Судьба идеологического государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 2. С. 48–66.
- Белокреницкий В.Я.* «Конвергенция цивилизаций» и перспективы роста исламского мира. // Россия и мир: анатомия современных процессов / Ред. Нарочницкая Е.А. М., 2014. С. 67–75.
- Белокреницкий В.Я.* Гражданское общество в Пакистане: формирование и специфические черты // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2014. № 8. С. 90–105.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М., 2013.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М., 2014.
- Взаимодействие России и Китая в разработке и реализации Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества. Сводный аналитический доклад / брошюра (российская часть) / Коллектив ИДВ РАН под рук. С.Г. Лузянина и коллектив Института России, стран ЦА и Восточной Европы Китайской АОН. М., 2014. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2014/report-2014-rgnf_14-27-21002.pdf (дата обращения: 20.12.2015)
- Глушкова И.П.* Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты. М., 2014.
- Губайдуллин Э.С.* Крымские татары и вызовы XXI века: сб. статей. Симферополь, 2014.
- Демченко А.В.* Джихадистские организации, поддерживающие Аль-Каиду: новые игроки в Палестине // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. №3.
- Демченко А.В.* «Арабская весна в Иордании»: за реформы и против революции // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред.: Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. М., 2012.
- Демченко А.В.* Затянувшаяся «весна» в Иордании // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013.
- Демченко А.В.* Палестина в условиях Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013.
- Демченко А.В.* Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. М., 2013, №3.

- Долгов Б.В.* Малийский кризис, радикальный исламизм и «арабская весна» // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2013. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/malijskij_krizis_radikalnyj_islamizm_i_arabskaja_vesna_2013-03-07.htm (дата обращения: 20.12.2015)
- Долгов Б.В.* Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. М., 2015, № 4.
- Долгов Б.В.* «Мягкая» и «жесткая» сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке // Актуальные проблемы Европы. М., 2014, № 3.
- Егорин А.З.* Арабский Восток в борьбе за обновление (Ливия, Египет, Сирия). Хроника событий 2012–2013 гг. / Ин-т востоковедения РАН. М., 2014.
- Егорин А.З., Мелкумян Е.С.* История малых государств Персидского Залива. XX век // Ин-т востоковедения РАН. М. — Казань, 2014.
- Звягельская И.Д.* Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009.
- Звягельская И.Д.* История Государства Израиль. М., 2012.
- Звягельская И.Д.* Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М., 2014.
- Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале XXI века / Под ред. А.М. Хазанова. М., 2014.
- Кашин В.П.* Индия: предвыборная гонка началась. Нарендра Моди против династии Ганди — Неру // Азия и Африка сегодня. 2014. №1.
- Кашин В.П., Шаумян Т.Л.* Парламентские выборы в Индии: новые политические реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №11.
- Клименко А.Ф.* Стратегическое развитие ШОС. Проблемы обороны и безопасности. М., 2009.
- Китайский политолог: альтернатива западной демократии — в многообразии общественных систем / Интернет-сайт RuPosters. 29 ноября 2014. URL: http://ruposters.ru/news/29-11-2014/kitajskij_politolog_alternativa_zapadnoj_demokratii_v_mnogoobrazii_obshhestvennykh_sistem (дата обращения: 20.12.2015)
- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Институт востоковедения РАН. Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. Москва, 2015.
- Королев А.Н.* Нужна ли Китаю политическая реформа для дальнейшего экономического роста, и приведет ли дальнейший экономический рост к демократизации политического режима КНР? / Интернет-сайт Института Дальнего Востока РАН. 2014. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2014/article-2014-korolyov_a_n.pdf (дата обращения: 20.12.2015)
- Кузнецов В.А.* Проблема светскости в странах «Арабского пробуждения»: тунисская версия // Вестник московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. №4. С.39–74.
- Кузнецов В.А., Наумкин В.В.* Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 4. С. 30–56.
- Кузнецов В.А.* Немного крови в мутной воде: О национальном кризисе в Тунисе и о том, как страх останавливает насилие, которого могло и не быть // Россия в глобальной политике. 23.03.2013. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Nemnogo-krovi-v-mutnoi-vode-15979> (дата обращения: 20.12.2015)

- Кузнецов В.А. ИГ — альтернативная государственность? // Россия в глобальной политике. 13.10.2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739> (дата обращения: 20.12.2015)
- Кульганек И.В. Монголоведение: от Азиатского музея до Института восточных рукописей // Альманах «Сибирские чтения в РГГУ». №3. М., 2008. — Режим доступа: http://www.rsuh.ru/binary/61678_87.1323952489.74149.pdf (дата обращения: 20.12.2015)
- Кульпин-Губайдуллин Э.С. Крымские татары и вызовы XXI века: сб. статей. Симферополь, 2014.
- Ланда Р.Г. Трагический финал «арабской политической весны» // Россия и мусульманский мир. 2014. № 5 (263).
- Ланда Р.Г. Исламизм в центральной Азии и Россия // Россия и мусульманский мир. 2011. № 3. С. 93–104.
- Ланда Р.Г. Исламизм и арабская “политическая весна” // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 1.
- Ланда Р.Г. Исламизм и империализм: соперники или союзники? // Россия и мусульманский мир. 2013. № 5 (251). С. 127–139.
- Ланда Р.Г. Глобализация и политический ислам // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С.24–31.
- Лузянин С.Г. Особенности китайской стратегии в Центральной Азии на коллективном (ШОС) и двустороннем уровнях взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М., 2007.
- Лузянин С.Г. Россия и Китай в Центральной Азии. Проблемы развития ШОС // Российско-китайские отношения. Состояние. Перспективы / Рук. проекта М.Л.Титаренко. М., 2005.
- Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009.
- Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. — М., 2007. — Режим доступа: <http://mgimo.ru/files/7069/7069.pdf> (дата обращения: 20.12.2015)
- Малышева Д.Б. Политические трансформации «нестабильных государств» СНГ. Доклад ЦПСК № 1. М., 2013.
- Малышева Д.Б. Вывод войск международной коалиции из Афганистана и Центральная Азия // Оценки и идеи. Бюллетень ИВ РАН. Т. 1. № 2, август 2012.
- Малышева Д.Б. Перспективы Центральной Азии. К завершению международной операции в Афганистане // Свободная мысль. 2014. № 5.
- Миняжетдинов И.Х. Основные подходы к оценке результатов политики США в Ираке (2003–2014 гг.) // Ученые записки ЦАИИ. М., 2015.
- Молодякова Э.В. Политическая система Японии: возможны ли радикальные перемены? // Восточная аналитика. 2012. № 3.
- Молодякова Э.В. Проблемы пересмотра конституции в контексте изменений в японском обществе // Восточная аналитика. 2014. № 4.
- Молодякова Э.В. Три премьер-министра в интерьере трехлетнего правления демократов // Япония. Ежегодник. 2012. № 41.
- Молодякова Э.В. Внешняя политика Японии: история и современность. — Учебное пособие. М., 2008.
- Наумкин В.В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. М., 2013.

- Наумкин В.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. Москва, 2014.
- Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. №1. 2015. — Режим доступа: <http://vestnik.msu.ru/index.php/25/article/view/162> (дата обращения: 20.12.2015)
- Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 4.
- Наумкин В.В. Многомерный кризис. Разнообразное воздействие украинской коллизии на миропорядок // Россия и мусульманский мир. М., 2014. № 10.
- Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? //Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. М., 2013. С. 212–229.
- Наумкин В.В. Концепция мусульманской уммы: от религии к национализму и глобализму // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. Москва, 2013. С. 270–286.
- Наумкин В.В. Исламская концепция устойчивого развития // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее Избранные главы, статьи, лекции, доклады. Москва, 2013. С. 287–295.
- Нации и национализм в мусульманском мире / Белокреницкий В.Я., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. и др. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. - М.: Наука, 2015. № 2. С. 139–149.
- Общество и государство в Китае: 42-я научная конференция. Т. XLII, ч. 1 / Сост. и ред. Блюмхен С.И. М., 2012.
- Общество и государство в Китае: 42-я Научная конференция. Т. XLII, ч.2 / Сост. и ред. Блюмхен С.И. М., 2012.
- Общество и государство в Китае: 42-я научная конференция. Т. XLII, ч. 3 / Составитель и отв. ред. Кобзев А.И. М., 2012.
- Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013.
- Российско-китайский диалог: модель 2015 : доклад № 18/2015 / [Лузянин С.Г. (рук.) и др.; Чжао Х.(рук.) и др.]; [гл. ред. Иванов И.С.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2015.
- Саид. Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Спб., 2006.
- Синецкая Э.А. Китайские реформы и западные ценности // Информационные материалы ИДВ РАН. Серия Е, вып 2. II Всероссийская конференция «Проблемы новейшей истории Китая» (30 мая 2011 г.). М., 2011.
- Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М., 2012.
- Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны. — М., 2008.
- Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. — М.: ИД «ФОРУМ», 2014.
- Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и Новый мировой порядок // Международная жизнь. Март 2015.
- Торкунов А.В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. № 6. 2015.
- Трансграничные вызовы национальному государству / Ред. Панарин А.С. Спб., 2015. — Режим доступа: http://www.fesmos.ru/netcat_files/userfiles/Sammelband-Text-Fertig.pdf (дата обращения: 20.12.2015)

- Уянаев С. Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. № 4. М., 2015. — Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/pdv/online/1559-problemy-dalnego-vostoka-4-2015-g?format=pdf> (дата обращения: 20.12.2015)
- Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центрально-азиатскими странами — членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009.
- Шарипов У.З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2014.
- Юрлова Е.С. Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты / Публикации Центра Индийских исследований ИВ РАН. — Режим доступа: <http://zii.ivran.ru/publikacii-centra> (дата обращения: 20.12.2015)
- Япония: опыт модернизации / Ред. Молодякова Э.В. М., 2011.
- Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей: Сб. ст. / Отв.редакторы: Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарян. М., 2014.
- Японское общество: изменяющееся и неизменное / Отв. редакторы: Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарян. М., 2014.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00808
«Политическая наука в институтах РАН».*

УДК 008;332;323

ИРИНА ВАСИЛЕНКО

Возрождение культурной жизни российской провинции как фактор формирования эффективной имиджевой стратегии регионов

Аннотация. В статье рассматривается роль культурного компонента в современной имиджевой политике российских регионов. Автор подчеркивает, что возрождение культурной жизни регионов должно стать важным фактором формирования их эффективной имиджевой стратегии. Именно культурные проекты и сценарии способны вывести депрессивные территории на новый уровень развития, сделать жизнь региона более интересной и насыщенной, привлечь инвестиции и трудовые ресурсы.

Ключевые слова: имидж российских регионов, управление культурными ресурсами региона, территориальный брендинг.

Сегодня международные эксперты называют Россию «белым пятном» на туристической карте мира: такую оценку дают информированности о ее городах и регионах, их культурных ценностях и достопримечательностях. В составленном экспертами Всемирного экономического форума (ВЭФ) рейтинге 2015–2016 гг. Россия по наличию культурных ресурсов мирового значения находится на 9-м месте, а по уровню затрат на развитие и продвижение этих ресурсов — на 45-м.

Повышению конкурентоспособности нашей страны серьезно мешает неравномерное распределение всех видов трудовых, экономических и производственных ресурсов по регионам [Всемирный экономический форум...]. Люди уезжают из необжитых, непривлекательных мест, где неинтересная низкооплачиваемая работа и не организован культурный досуг. Они хотят жить в современных перспективных городах, где решены проблемы социальной мобильности и культурного отдыха, а каналы коммуникаций и стандарты менеджмента отвечают требованиям сегодняшнего дня. Задача региональной политической элиты — предложить им такие возможности. Это требует разработки современной имиджевой стратегии региона и города.

В настоящее время имиджевая политика российских регионов только начинает формироваться. В последние годы крупнейшие культурные центры страны — такие как Санкт-Петербург, Владивосток, Новосибирск, Нижний Новгород, Екатеринбург — разработали и приняли собственные программы по развитию имиджа. Вслед за ними начали задумываться над имиджевой политикой и другие российские города и регионы. Попытки создания региональных брендов чрезвычайно важны для разработки

Сведения об авторе: ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна — профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук; vasilenko.irina@mail.ru.

полноценной коммуникативной стратегии России. Однако жизнеспособность и эффективность любого бренда напрямую зависит от актуальности и продуманности концептуального содержания, качества исполнения и последовательности продвижения. Эксперты считают, что на сегодняшний день по указанным базовым принципам региональные бренды не выдерживают никакой критики. Утвержденные недавно логотипы Алтайского края и Татарстана дополнили печальный список неудач территориального брендинга¹.

Российские эксперты с тревогой пишут, что некачественные и непрофессиональные визуальные коммуникации приобретают массовый характер на региональном уровне [Родькин]. Такая ситуация опасна прежде всего тем, что некачественный территориальный брендинг наносит ущерб имиджу России в целом. В итоге мы получаем благоприятную почву для «твиттерных» технологий, поскольку непривлекательный имиджевый стиль всегда можно подвергнуть язвительной критике и найти «революционную» альтернативу откровенно деструктивного характера.

Напротив, профессионально выстроенный имидж региона способствует активному развитию и процветанию территории. При этом имиджевая привлекательность региона зависит не только от его реального социально-экономического и культурного потенциала, но и от того, как этот потенциал используется. Сегодня, в условиях рыночной экономики, идет жесткая конкуренция за инвестиции и человеческий капитал. Эффективная имиджевая политика региона позволяет ему активно привлекать инвестиции

¹ Например, знак Татарстана отличает смысловая банальность и примитивное визуальное исполнение. Знак получился беспомощным с графической точки зрения и разваливается композиционно. См.: Родькин П. Неудача территориального брендинга Татарстана // PRDESIGN. 24.09.2007. URL: prdesign.ru/text/2007/tatarstan.html (дата обращения: 04.03.2016)

и креативных профессионалов. По оценкам экспертов, затраты на комплексное реформирование имиджа и построение репутации Санкт-Петербурга как культурной столицы России составили примерно 1 млрд долл. Эти средства не пропали даром: Санкт-Петербург занимает одно из лидирующих мест в инвестиционном рейтинге российских регионов.

К сожалению, во многих других регионах России до сих пор не изжит скепсис по поводу целесообразности и эффективности затрат на имиджевые проекты. Привычка финансировать гуманитарную сферу по остаточному принципу, оставшаяся с советских времен, очень трудно искореняется в провинции. Нередко в регионах имиджевые вопросы решаются исходя из личных вкусовых пристрастий администрации. Имиджевые акции проводятся без соответствующего научного обоснования, не опираются на экспертные рекомендации, не учитывают общественное мнение.

Еще Конфуций заметил: знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон. Говоря языком современной науки, имидж региона — это его стереотипизированный образ в массовом сознании, совокупность достаточно устойчивых представлений о данной территории, которые формируются как на основе стихийных впечатлений, так и благодаря целенаправленному формированию элитой и политтехнологами. В этом стереотипизированном образе слиты воедино представления людей по поводу социокультурных, исторических, социально-экономических, политических и других особенностей данной территории. При этом субъективное представление каждого человека о регионе может складываться как на основе конкретных личных впечатлений, так и опосредованным образом, из материалов массмедиа, литературных и кинематографических источников, на основе рассказов очевидцев, слухов и домыслов.

Что же влияет на формирование имиджа региона в первую очередь?

Система детерминант здесь достаточно обширна: основные культурные ценности и традиции, которые формируют социокультурную идентичность жителей территории; природно-географические факторы; ресурсный потенциал региона; его геополитическое положение; форма административно-территориального устройства; политика региональной власти; имидж ведущих региональных лидеров; социально-психологические настроения; информация в ведущих каналах массовых коммуникаций.

Следовательно, при формировании имиджа региона необходимо учитывать воздействие всей системы ценностей, сложившихся на данной территории, что делает изучение традиций, сформировавшихся в прошлом и передающихся от поколения к поколению, весьма актуальной задачей. Перефразируя Джузеппе Мадзини, можно сказать, что регион — это не просто некая территория, но идея, и ценность этой идеи — в ее уникальной неповторимости.

Социокультурная идентичность жителей региона — это их самоотождествление с определенной культурой и территориальной общностью, ощущение сопричастности данной культуре и территории. Это дает человеку жизненно необходимое чувство

безопасности на «своей» земле, которую он стремится сохранять и оберегать. Социокультурная идентичность сплачивает сообщество и позволяет ему развиваться, облагораживая и развивая, в свою очередь, принадлежащую ему территорию. Люди одновременно рационально и подсознательно привержены своей территории, ее культуре, сложившимся на ней образу жизни, нормам и традициям. Как справедливо заметил Ю. Хабермас, человеку наряду с личностной идентичностью, в которой он выражает свою неповторимость, жизненно необходима и социальная идентичность, которая позволяет гражданам чувствовать себя частями общего целого [Хабермас, с. 23–41].

Своими корнями феномен социокультурной идентичности уходит в глубокую древность, в область легенд, мифов и преданий каждого края. Еще Э. Дюркгейм [Дюркгейм, с. 174–230], исследовавший истоки социализации человеческого общества, подчеркивал сакральный характер социокультурной идентичности древних обществ, которые отождествляли себя со своим тотемом и почитали его как священный символ. Тотемический знак племени мог иметь вид животных или растений, он заключал в себе отличительные черты людей данной территории, и в этом качестве его окружали определенными сакральными ритуалами и запретами¹. Таким способом в древнейшие времена племя выражало свою идентичность, связывая ее со священными для него символами, которые передавались из поколения в поколение как коллективные ценности на протяжении многих столетий, обрастая мифами и преданиями.

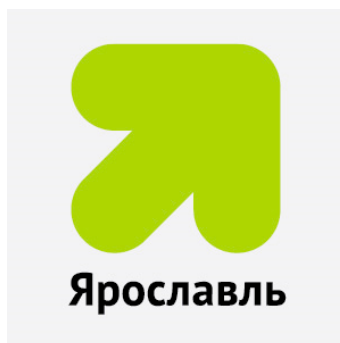
Позднее эмблемы и гербы городов и регионов во многом впитали в себя особенности древних тотемических символов. Социокультурная идентичность, воплощенная в региональной символике, — это коллективные ценности и эмоции, которые хранят связь времен, объединяя поколения людей на протяжении всей истории края. Это региональное общественное достояние, и оно должно быть бережно сохранено в процессе современного территориального брендинга. Таков главный принцип ребрендинга региона с позиций современной науки.

Поэтому недопустимо размывание традиций в пользу унифицированных глобальных трендов, стирание индивидуальности региона, что приводит к безликому конструктивизму и потере социокультурной идентичности [Кляйн, с. 21]. К сожалению, некоторые отечественные дизайнеры, разрабатывающие символы и логотипы, широко пропагандируют именно такой обезличенный стиль, повторяя худшие западные унифицированные образцы брендинга в стиле примитивизма. В результате некоторые российские города в процессе имиджевых кампаний получили логотипы, которые полностью лишены культурных и исторических ассоциаций, что справедливо вызывает возмущение жителей региона и профессиональных экспертов. Например, брендом Перми под лозунгом «Просто, понятно, повторяемо» стала большая красная буква «П», дизайн которой разработал А. Лебедев. Внимание к «Большой Красной П» подогревали блоге-

¹ Для членов племени было настоящим святотатством повредить тотем или нарушить запреты, касающиеся его: например, съесть тотемное животное или растение. Это вполне сопоставимо сегодня с попыткой порвать или сжечь знамя, что означает покушение на символы Республики. См.: Московичи С. Машина, творящая богов. М., 2007. С. 68–69.

ры, комментировавшие новый логотип города, совершенно справедливо казавшийся жителям Перми нелепым и даже издевательским¹.

**ЛЮБЛЮ
БЫВАТЬ
САРАТОВЕ**

Бренд-менеджер С. Анхольт, анализируя проблемы российской имиджевой политики, справедливо заметил, что основная проблема для нас — вопрос культурной активности, поскольку это один из главных ключей к улучшению бренда территории. «Культура очень важна в национальном брендинге: люди уважают только те страны, которые уважают себя сами. И это самоуважение зиждется на национальной культуре. Поэтому в России кто-то должен подхватить и поднять это упавшее знамя, разжечь этот огонь русской культуры, когда-то бывшей одной из сильнейших в мире» [Гарбер].

Имидж российских регионов в информационном пространстве во многом формируется под воздействием символического капитала культуры. П. Бурдые относит к такому коллективную память, общественные цели, проекты, культурные символы, духовную сферу социума [Бурдые, с. 103]. Социокультурные архетипы и коды, воплощенные в имидже региона и города, должны находить отклик в сердцах людей, задевая самые глубинные пласты общественного сознания: ведь феномен социокультурной идентичности формируется у каждого человека буквально с молоком матери, впитывается вместе со сказками, мифами и преданиями своего народа.

Мировая практика свидетельствует о том, что именно культура сегодня стала ключевым фактором развития городов и территорий, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости перевешивает потенциал экономики. Между тем мы до сих пор считаем культурную политику второстепенной по отношению к коммерческой сфере. В этом кроется серьезная ошибка отечественной имиджевой стратегии на национальном и региональном уровнях. Достаточно привести данные международных экспертов, оценивающих долю России и других стран в совокупных мировых расходах на науку и культуру: Россия тратит сегодня 1,5%, в то

¹ См.: Это произошло! В Перми появилась огромная красная буква «П» // URA.ru. 16.08.2010. URL: ura.ru/news/1052118064 (дата обращения: 04.03.2016)

Символ Ярославля, созданный студией А. Лебедева, также спровоцировал скандал. Пользователи интернета обнаружили, что он практически полностью повторяет логотип американского бренда товаров для дома Up&Up. Не обошелся без скандала и логотип «Люблю бывать в Саратове» того же дизайнера – жители Саратова инициировали в Сети сбор подписей против использования нового логотипа. Артемий Лебедев создал логотип Старой Руссы за 350 тыс. рублей // Известия. 17.02.2015. URL: izvestia.ru/news/583082#ixzz3wvkJFGVs (дата обращения: 04.03.2016)

время как США — 34%, Японии и Китая — по 12,3%, страны ЕС — 23% [Рейтинг стран мира...].

Успех многих зарубежных территориальных имиджевых кампаний связан с активным использованием культурного капитала городов и регионов. Весьма показателен опыт ребрендинга провинции Пьемонт в Италии. Турин, центр Пьемонта, был долгое время известен как достаточно крупный итальянский промышленный город, в котором работали заводы компании «Фиат». В конце прошлого века «Фиат» перевел производство в страны третьего мира, и в результате в Пьемонте началась безработица, жители стали покидать город в поисках работы. Городским властям необходимо было срочно осуществить смену имиджа города и провинции. И власти обратились именно к культуре как к средству возрождения. В городе стали проводить ежегодный Международный Туринский кинофестиваль для начинающих режиссеров, продюсеров и сценаристов; открыли Музей кино; организовали Туринскую книжную ярмарку (крупнейшую в Италии), Туринский театральный фестиваль, Туринскую Олимпиаду.

Широко известен опыт испанской Барселоны, которая за двадцать лет из грязного, задымленного промышленного центра превратилась в чистый, открытый культурный город мирового значения. Программа ребрендинга Барселоны была основана на активизации культурных и экологических факторов: демонтаже морально и технически устаревшей промышленной зоны, выводе промышленных предприятий за черту города, регулярном проведении музыкальных и театральных фестивалей, реставрации памятников, организации Олимпиады, привлечении туристов. Следствием стал приток новых капиталов и людей.

Сегодня во многих странах ЕС существуют программы возрождения и реабилитации депрессивных городов и регионов с помощью современных креативных художественных и культурных проектов. В британском Министерстве культуры разработан документ «Культура как главный ресурс возрождения территорий»: в нем подчеркнуто, что если программы развития территории не имеют культурной составляющей, они не работают.

Этот опыт может быть использован городами и регионами в современной России, которые обладают колоссальным неиспользованным символическим капиталом культуры. Сохранение национальной и региональной культуры — это сохранение духа, языка, особого ментального склада, этических комплексов. Академик Д. Лихачев отмечал: «...без культуры в обществе нет и нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука» [Раздумья о России. с. 640].

К сожалению, до сих пор сохраняет актуальность сделанный в свое время Д. Лихачевым печальный вывод: у нас в стране нет концепции национальной культуры и культурного развития. Тем более нет концепции регионального культурного развития. Большинство людей (в том числе и «государственных мужей») понимают под культурой весьма ограниченный круг явлений: театр, музеи, эстраду, музыку, литературу, — иног-

да даже не включая в понятие культуры науку, технику, образование. Между тем культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации, каждого города и региона.

Для имиджевой стратегии регионов России особое значение имеет вывод Д. Лихачева о том, что русская культуросфера одна способна убедить каждого образованного человека в том, что он имеет дело с великой страной и великим народом».

Для доказательства этого факта нам не требуется в качестве аргументов ни танковых армад, ни десятков тысяч боевых самолетов, ни ссылок на наши географические пространства и залежи природных ископаемых [Об интеллигенции. с. 426–443].

Возрождение культурной жизни российской провинции является важной политической задачей для отечественной региональной элиты. Но «цветущая сложность» бытия должна отражаться и в виртуальном мире региональных брендов. Только тогда, когда имидж каждого региона России будет выделяться яркой социокультурной окраской, эти регионы станут особенно интересны жителям всей нашей страны и другим народам мира. Вологодские кружева, павловопосадские платки, хохломская роспись, жостовские подносы, гжель — все эти бренды отражают яркое культурное своеобразие региональных традиций, и именно поэтому они получили всенародное признание.

Культурные ресурсы каждого региона уникальны и неповторимы. Отметим наиболее важные социокультурные детерминанты, формирующие региональную идентичность:

- мифология территории и мифотворчество,
- историческая память региона, ключевые исторические даты и события;
- местный фольклор, сказания и предания;
- местные наречия, сленг;
- обычаи и духовно-религиозные праздники;
- традиции деловой культуры;
- традиционные ремесла;
- семейные традиции, особенности образования и обучения;
- традиции региональной кухни;
- спортивные традиции, региональные спортивные клубы и команды;
- традиции гражданской активности;
- региональные и городские праздники.

Российские города и регионы обладают колоссальным неиспользованным символическим капиталом культуры. Эксперты рекомендуют, выстраивая имидж территории, обратиться к истории, в которой есть много полузабытых выдающихся событий и героев. Ими можно и нужно гордиться. Информация об истории и культуре может использоваться как отправная точка в разработке имиджа территории.

Еще одним ключевым фактором при проектировании имиджа региона становятся общие ценности, чувства, идеи: люди хотят почувствовать свою принадлежность к некой общности, ощутить объединительную силу идей. Например, Лондон — город бизнес-перспектив и возможности получения хорошего образования. Бренд Стокгольма базируется на слогане «создавать поучительный опыт», что привлекает деловых людей со всего мира, для которых важны новые идеи, опыт, технологии, талант [Спирченко].

В советский период существовал ярко выраженный акцент на производственном характере российских регионов: Тула была «оружейной столицей», Тольятти — «автомобильным центром», Кубань — «хлебной житницей», Кострома — «льняной столицей». Такие бренды далеко не в полной мере отражали представления жителей, хранивших в своей памяти дорогие сердцу исторические и культурные образы родного края. Поэтому в постсоветский период эти производственные образы начали размываться, спровоцировав кризис региональной идентичности.

Сегодня в поисках конкурентных основ своей территориальной идентичности многие российские регионы активно обращаются к историческому прошлому, к культурным символам. Например, Костромская область в процессе ребрендинга использует образ колыбели царской династии. В 2013 г. здесь прошло широкое празднование 400-летия Царственного Дома Романовых. Губернатор Костромской области Сергей Ситников подчеркивает: «Кострома — колыбель династии Романовых. Не случайно празднования начались именно в нашем городе» [Сечина]. На центральном бульваре Костромы была открыта фотовыставка «Триумф Империи Романовых». Центральной идеей выставки было противопоставить распространенному критическому взгляду на правление Николая II как на кризисный период отечественной истории — новый взгляд: на «русское экономическое чудо», прогресс науки и культуры и улучшение жизни народа под властью державного правителя.

Были открыты новые интересные выставки в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике: выставка художника Ивана Глазунова «Спаси и сохрани. Спасти и сохранить. Спасти и сохраниться», экспозиция архивов великой княгини Ксении Александровны — сестры Николая II. Ее ранее не публиковавшиеся дневники были переданы в Россию благодаря усилиям организаторов праздника «Романовский юбилей». В Костроме начали ежегодно проводиться «Романовские чтения», ставшие результатом сотрудничества администрации Костромской области и Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. На них собираются ученые, занимающиеся исследованиями становления и развития российской государственности. Таким образом, современная культурная жизнь Костромы сосредоточена вокруг традиционных культурных ценностей и важных исторических вех развития региона.

Новгородская область также занимается возрождением исторических культурных традиций региона. Отправной точкой ребрендинга здесь стало празднование в 2009 г. 1150-летия Великого Новгорода, в процессе которого происходило активное позиционирование Новгородской земли как «родины России» и «колыбели демократии»

(с использованием образа новгородского вече). Утверждение нового регионального бренда продолжалось в 2012 г., когда Великий Новгород стал одним из центров общенационального празднования 1150-летия российской государственности.

Весьма оригинальным является территориальный ребрендинг на основе обращения к мифологии и сказочным персонажам. Например, древний русский город Великий Устюг нашел новую форму своей идентичности, использовав сказочный образ Деда Мороза. Благодаря этому сегодня о Великом Устюге знает каждый ребенок — город прочно ассоциируется в сознании россиян со «столицей» Деда Мороза.

Этот сценарий ребрендинга пока мало используется в российской провинции, хотя родиной большинства мифологических персонажей русских народных сказок являются отдаленные уголки России: былинный богатырь Илья Муромец — из города Муром, Царь Берендей — из Переславля-Залесского, Снегурочка — из Костромы, Курочка Ряба — из поселка Ермаково (Ярославская область), Соловей-разбойник — из села Береза (Курская область), Данила-мастер и Хозяйка медной горы — из города Сысерть (Свердловская область).

Социальный проект «Сказочная карта России», стартовавший в ноябре 2010 г., объединил всю имеющуюся информацию о музеях, усадьбах и резиденциях героев русских сказок и былин [Гранина]. Автор проекта, художник и сказочник Алексей Козловский отмечает: «Многие города еще не поняли, что с помощью чародейства можно зарабатывать хорошие деньги. Туризм даже в «раскрученных» городах — в том же Великом Устюге — в зачаточном состоянии. Посетители туда едут, однако набор туруслуг крайне ограничен. Может, родители с детьми и хотели бы потратить больше денег, да не знают как. В Костроме индустрия Снегурочки также не блещет. А ведь столько возможностей для раскрутки бренда и привлечения путешественников: фабрика красоты «В гости к Снегурочке», детские румяна и помада, спецморозильник для волшебных писем... С помощью карты мы хотим оценить интерес аудитории к волшебным проектам. Может, увидев, что это будет пользоваться спросом, региональные власти станут серьезнее относиться к волшебству» [Гранина].

Можно предложить идею «сказочного тура» родителей с детьми по малым городам России, где родилась русская сказка. Небольшие города могли бы осуществить эффективный ребрендинг на основе создания города-сказки с центральной фигурой регионального сказочного героя. Например, в Муроме можно создать Муром-ленд — город русских богатырей, куда бы на выходные родители приезжали вместе с детьми, чтобы окунуться в атмосферу доброй русской сказки. Все это могло бы дать вторую жизнь малым городам, сделать их популярными туристическими центрами и оживить национальные легенды.

Региональные власти могут стимулировать развитие конкурентоспособной идентичности на основе самых разных культурных сценариев. В процессе формирования нового бренда важно грамотно выстраивать региональную культурную политику. Наиболее эффективные инновационные подходы объединяют старые достоинства бренда

с новыми (М. Линдстром). И культура здесь — настоящий кладёзь инноваций. Современное управление культурными ресурсами региона предполагает:

- выявление региональных культурных ресурсов;
- их оценку;
- поддержку тех культурных ресурсов, которые соответствуют стратегическим приоритетам развития региона;
- поиск новых методов и технологий поддержки и развития региональных культурных ресурсов;
- оценку влияния культурных ресурсов на социально-экономическое развитие территории;
- создание новых культурных ресурсов региона [Визгалов].

Весьма эффективным может быть имиджевый сценарий, направленный на формирование образа города как современного культурного центра, региональной столицы.

Формирование конкурентоспособной региональной идентичности должно быть нацелено на бережное сохранение культурного облика территории: архитектуры, исторических памятников, природно-ландшафтных объектов, культурных промыслов, рекреационных зон. В качестве технологий территориального брендинга здесь важно использовать меры по благоустройству городской среды [Брендинг территорий..., с. 97–111]: улучшение пешеходных и велосипедных зон, развитие системы общественного транспорта, создание новых парков и зеленых зон, восстановление городских набережных вокруг водоемов. Современные технологии вертикального озеленения предполагают использование ползучих растений и подвесных горшков.

Важным культурным ресурсом территории является культура питания. В условиях современного экономического кризиса и поиска импортозамещения на этом направлении важно сделать акцент. Как отмечают эксперты, ценность пищи — это нечто большее, чем ее питательность, это конкретное выражение культурных форм и традиций, которые заявляют о том, кто мы есть и к какой группе хотим относиться [Брендинг территорий..., с. 87]. Не случайно одним из самых известных мировых событий 2015 г. стала международная выставка продуктов питания из 144 стран в Милане (Экспо-2015), которую посетило рекордное количество людей со всего мира — свыше 20 млн. Главным лозунгом выставки стал призыв: «Накормить планету. Энергия для жизни». Концепция российского павильона была построена вокруг продовольственной безопасности и независимости, экспозиция прошла под девизом: «Русское поле. Растим во благо мира. Возделываем во имя будущего» [Всемирная выставка «Экспо-2015»...]. К сожалению, на этой выставке были представлены продукты далеко не всех российских регионов.

Между тем многие российские города и регионы приобрели известность именно благодаря своим оригинальным продуктам питания. Алтайский мед, белёвская пастила, вологодское масло, вяземский пряник, городецкий пряник, краснодарский чай, муромский калач, пожарские котлеты, пошехонский сыр, тетёры, тульский пряник... Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время эти товары являются наиболее известными региональными брендами. В Москве можно было бы организовать посто-

янно действующую выставку-продажу региональных продуктов питания на ВДНХ, под названием «Сделано в России: лучшие продукты российских регионов». Такая выставка могла бы стать настоящим генератором развития региональных брендов, привлекла бы к ним внимание не только россиян, но и туристов со всего мира, посещающих российскую столицу.

В 2015 г. в нашей стране была возрождена традиция отмечать государственным знаком качества лучшую отечественную продукцию [Российские товары впервые...]. Можно предложить присваивать региональный знак качества лучшим территориальным продуктам. Это стимулировало бы региональных производителей развивать местное производство, привлекло бы инвесторов, заинтересовало бизнесменов. Российские эксперты считают, что можно использовать простой индикатор маркетинговой активности в регионе [Тамберг]: качество местных марок водки, пива, шоколада, кондитерских изделий. Можно ли из города или региона увезти домой местный «сувенир» — местный шоколад, пиво или водку, или там ничего подобного нет? К сожалению, пока немногие российские регионы могут похвастаться успехами в этой области. Здесь — огромный потенциал для развития региональных брендов на основе культуры питания.

Еще одним важным направлением культурной политики является сохранение старых и открытие новых региональных музеев и картинных галерей. Весьма оригинальным и достаточно широко известным стал опыт города Мышкин Ярославской области, где базовой платформой территориального бренда было создание... Музея мыши. Основу музейной коллекции составили поделки местных умельцев специально для экспозиции. В дальнейшем, став популярной, коллекция музея начала пополняться не только за счет местных ресурсов: игрушечные мыши стали приезжать из самых разных уголков России и даже из-за границы. Музею подарили свои коллекции мышей Булат Окуджава и Дмитрий Лихачев. В городе начали проходить Мышиные фестивали, была придумана наука «мышелогия». Все это сделало Мышкин популярным туристическим центром [Чумиков, Бочаров, с. 202].

Другие города «Золотого кольца» также используют небольшие оригинальные музеи для формирования привлекательного бренда. Например, в Суздале на территории Спасо-Ефимьевского монастыря расположено 15 небольших музеев. В маленьком городке Плёс приобрели известность частные «Первобытный парк-музей», музей «Воинское шоу», Музей свадьбы. Эксперты отмечают, что их успех во многом связан с современными интерактивными формами приема туристов: здесь предоставляется возможность познакомиться с исторической эпохой и культурными традициями в игровой форме [Логунцова].

В последние годы многие региональные музеи, театры, дома культуры стали очагами активной культурной деятельности, притягивая к себе творческих людей, реализующих на этих площадках персональные и групповые проекты. Динамично развивается региональное частное книгоиздательство: среди лидеров издательского бизнеса — Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский край. Во многих региональных

центрах (Волгограде, Краснодаре, Ставрополе) стала формироваться сеть частных художественных галерей, существенно потеснившая государственные организации в области презентации достижений регионального искусства. Среди амбициозных инфраструктурных проектов, реализуемых в настоящее время, — создание в Анапе собственной киностудии [Суций, с. 110–111].

Стратегия оживления регионального бренда с помощью культурных ресурсов включает несколько основных направлений: «Организация символических событий», «Гений места», «Управление культурными ресурсами», «Мифология города», «Public Art», «Специфичная среда для мобилизации творческого класса», «Социокультурное проектирование», «Культ низовых инициатив», «Стимулирование местного патриотизма» [Визгалов, с.84].

Среди важнейших социокультурных функций современного бренда территории отметим: создание целостного впечатления о территории, формирование ее культурного образа; презентацию территории с целью создания благоприятного впечатления о ней; развитие социокультурных коммуникаций, акцентирующих связь с историей и культурой; облагораживание территории.

В 2015 г. Международный культурный форум в Ульяновске прошел под знаковым названием «Креативный регион — сильная страна». Региональные власти все глубже начинают осознавать ключевое значение самобытного культурного образа региона для его позиционирования в масштабах страны. Наиболее крупным мероприятием форума стала Всероссийская творческая лаборатория «Воспитание традицией», в рамках которой прошла презентация проекта «Лучшие практики российских регионов в сфере традиционной народной культуры» [Лучшие практики российских регионов...]. Здесь были представлены достижения Ульяновской, Пермской, Нижегородской, Костромской, Астраханской областей, а также Республики Марий Эл и Республики Коми. Этот проект показал, что в регионах России стали больше внимания уделять сохранению и развитию фольклорных традиций, повышению уровня профессионального мастерства творческих коллективов¹.

Важным фактором развития культурной жизни российских регионов становится и внедрение современных информационных технологий, формирование сетевых структур, соединяющих деятелей культуры в разных уголках России. Сегодня творческие деятели из российских провинций имеют возможность заочно участвовать в столичных культурных конкурсах. Активизация культурной жизни российских регионов через Интернет-пространство имеет большое будущее.

Случается, что в российской провинции культурные проекты поддерживает не только региональная администрация, но и местный бизнес. Пока такая практика является редкостью, а ведь в прошлом именно русские купцы и фабриканты создали крупней-

¹ Культурный форум регионов России. URL: xn--j1acdhkkfeg2f.xn--p1ai/index.php/8-novosti/74-kultura-rossijskaya-zhiva-regionami-poetomu-forum-chrezvychajno-vazhen

шие отечественные музеи по всей России. Возрождение этой традиции является важной задачей для отечественной политической и экономической региональной элиты. Использование современных форм государственно-частного партнерства в процессе ребрендинга российских регионов способно не только привести к формированию конкурентоспособной региональной идентичности, но и создать условия для сохранения культурного наследия нашей страны.

Государственно-частное партнерство, по мнению отечественных экспертов, является эффективным механизмом привлечения инвестиций в сферу культуры и может охватывать следующие направления:

- предоставление государственных и муниципальных активов на временной или постоянной основе во владение и пользование частного сектора;
- объединение опыта и ресурсов сторон в рамках планирования, разработки, реализации и финансирования проектов;
- использования частным сектором полученных активов для предоставления общественных услуг, получения соответствующих доходов и взятия на себя риска, связанного с данной деятельностью [Логунцова].

Управление культурными ресурсами — ключевой фактор в региональной имиджевой политике. Российская культура во все времена жила и развивалась регионами; в ее основе лежит мозаичное своеобразие культур российских провинций.

Литература:

Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / Под ред. Кейта Динни. М., 2013.

Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

Визгалов Д.В. Брендинг города. М., 2011.

Всемирная выставка «Экспо-2015» в Милане // Тонкости туризма. URL: tonkosti.ru/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0_%C2%AB%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE-2015%C2%BB_%D0%B2_%D0%9C%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B5 (дата обращения: 04.03.2016)

Всемирный экономический форум: Рейтинг глобальной конкурентоспособности. 2015–2016. // Центр гуманитарных технологий Информационно-аналитический портал. 30.09.2015. URL: gtmarket.ru/news/2015/09/30/7246 (дата обращения: 04.03.2016)

Гарбер Н. Саймон Анхольт: Проблема России в том, что ее считают обузой // Сноб. 29.12.12. URL: snob.ru/selected/entry/56182 (дата обращения: 04.03.2016)

Гранина Н. Сказочная карта России // Объединенный портал Ассоциация землячеств. URL: countrumen.ru/index.php?pid=culture&article=454&p=1 (дата обращения: 04.03.2016)

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии. (Введение, Глава 1.) // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998.

Кляйн Н. No logo. Люди против брендов. М., 2005.

Лихачев Д.С. Об интеллигенции. СПб., 1997.

Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999.

- Логунцова И.В.* Территориальный брендинг и сфера культуры // Энциклопедия маркетинга. 21.02.2012. URL: marketing.spb.ru/lib-special/regions/brand&culture_ivanovo.htm (дата обращения: 04.03.2016)
- Лучшие практики российских регионов в сфере традиционной народной культуры // Центр народной культуры Ульяновской области. 12.09.2015. URL: cultura-cnk.ru/novosti-pfo/luchshie-praktiki-rossiyskih-regionov-v-sfere-traditsionnoy-narodnoy-kulturi/ (дата обращения: 04.03.2016)
- Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. URL: gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info (дата обращения: 04.03.2016)
- Родькин П.* Некачественный территориальный брендинг угрожает имиджу России. // PRDESIGN. 10.08.2008. URL: prdesign.ru/text/2008/regionalbrand.html (дата обращения: 04.03.2016)
- Российские товары впервые получают государственный Знак качества // Роскачество. 07.12.2015. URL: rskrf.ru/press/release/rossiyskie-tovary-vpervye-poluchat-gosudarstvennyy-znak-kachestva/ (дата обращения: 04.03.2016)
- Сечина И.* Празднование 400-летия Царственного Дома Романовых в Костроме // Рузский Курьер. URL: vestiruza.ru/article/349/prazdnovanie-400-letiya-carstvennogo-doma-romanovyh-v-kostrome/ (дата обращения: 04.03.2016)
- Спирченко М.А.* Образ, имидж и бренд туристского города. // Спирченко М.А. Архитектон: известия вузов. №18 (Приложение). 2007. Материалы студенческой научной конференции «Актуальные проблемы архитектуры и дизайна-2007». URL: archvuz.ru/2007_22/5 (дата обращения: 04.03.2016)
- Суций С.Я.* Культурная динамика российских регионов: современные тенденции // Вестник Южного научного центра РАН, Т. 5, № 3.
- Тамберг В.* Региональный бренд или бренд региона // Высокий брендинг. Тамберг & Бадьин. 05.09.2011. URL: newbranding.ru/articles/region-brand-product (дата обращения: 04.03.2016)
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность: лекции и интервью. Москва, апр. 1989 г. Москва: Наука, 1992.
- Чумиков А.Н., Бочаров М.П.* Связи с общественностью Теория и практика. М.: Дело, 2006.

УДК 94;327

АНДРЕЙ ДЕВЯТКОВ

Прагматизм немецкой Ostpolitik: возможности и вызовы для России

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятия «Ostpolitik» во внешней политике ФРГ. Анализируются факторы, определяющие современный германский курс в отношении России. Автор приходит к выводу о разнообразии идейных оснований «восточной политики». Эклектичность дискурса и практики Ostpolitik способствует гибкости политики Берлина и призвана закрепить за Германией роль «структурирующей силы» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Германия, «восточная политика», Ostpolitik, российско-германские отношения, «преодоление истории», «реальная политика», нормативный дискурс.

«Восточная политика» Германии долгое время ошибочно понималась многими наблюдателями как символическое выражение склонности Берлина к безусловному стратегическому партнерству с Россией. В Европе высказывалось мнение, что это подрывает единые европейские начинания в таких вопросах, как энергетическая политика и восточная политика соседства [Leonard, Popescu]. В Москве питали определенные иллюзии насчет роли Германии как адвоката России в Европе. В своей знаменитой «крымской речи», ссылаясь на позицию Москвы по вопросу объединения Германии, Владимир Путин заявил: «Наша страна... однозначно поддержала искреннее, неудержимое стремление немцев к национальному единству. Уверен, что вы (немцы — А. Д.) этого не забыли, и рассчитываю, что граждане Германии также поддержат стремление русского мира, исторической России к восстановлению единства» [Обращение Президента...].

Тем неожиданнее было, что Германия не просто поддержала политику санкций против России, но и стала ее архитектором, а также заняла резко критическую позицию в отношении действий Москвы в Сирии. Публичный дискурс в России отреагировал на это обвинениями канцлера А. Меркель в том, что она выступает сателлитом Вашингтона и не обладает какой-либо внешнеполитической самостоятельностью [См., напр.: Розэ].

Разнообразие идейных оснований Ostpolitik не дает возможности охарактеризовать ее ни как однозначно пророссийскую, ни как антироссийскую. При этом именно Герма-

Сведения об авторе: ДЕВЯТКОВ Андрей Владимирович — старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, кандидат исторических наук; devyatkovav@gmail.com.

ния продолжает оставаться ключевой страной, от которой во многом зависит дальнейшее развитие российско-европейских отношений.

История понятия Ostpolitik

В современной истории понятие «восточная политика» начало употребляться в конце 1960-х годов в связи с усилиями западногерманского правительства В. Брандта инициировать в отношении стран Варшавского блока политику разрядки. Немецкий канцлер призвал тогда уменьшить напряженность в отношениях с Востоком (не только СССР, но и странами Восточной и Юго-Восточной Европы, а также ГДР), развивать торгово-экономические, культурные и научно-образовательные связи и тем самым содействовать укреплению мира в Европе. Новый подход базировался на идее, что взаимное сближение — в интересах как западных стран, так и Варшавского блока, а единственным оппонентом этой политики являлось, по мнению В. Брандта, склонное к самоизоляции правительство ГДР. Брандт призвал признать отсутствие в обозримой перспективе возможности для объединения Германии, а следовательно, и необходимость мирного сосуществования с ГДР и СССР для обеспечения интересов немецкого народа [Brandt]. С тех пор «восточная политика» вошла в историю как позитивный вклад ФРГ в европейскую и международную безопасность.

Распад Варшавского блока, прекращение холодной войны и воссоединение страны были восприняты в Германии как начало новой эры. Считалось, что теперь возможно построение единой Европы не только в плане стратегической безопасности, но и с точки зрения общих ценностей и институтов. В. Брандт в своей цитируемой выше статье в «Foreign Affairs» писал, что страны вроде Польши или Чехословакии, вследствие географических, исторических и культурных причин, вполне могут, наряду с ФРГ, рассматривать себя как часть не Восточной, а Центральной Европы. Поэтому 1990-е — начало 2000-х годов прошли для «восточной политики» под лозунгом «воссоединения Европы», которое подразумевало включение в евроатлантические интеграционные институты стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы [См., напр.: Deutsche Einheit...].

Расширение Евросоюза проходило без серьезного учета озабоченностей Москвы. Вопрос об экономических потерях России в связи с расширением даже не обсуждался, а уступки Еврокомиссии и Литвы в связи с так называемым калининградским транзитом были чисто символическими и не отвечали амбициозности предложения о безвизовом пространстве России и ЕС, сделанного В. Путиным в специальном письме Еврокомиссии [Frydrych]. Не помогло и то, что со стороны Еврокомиссии переговоры вел Г. Ферхойген — соратник Д. Геншера и Г. Шредера. Таким образом, в тот период расширение ЕС было незыблемым приоритетом восточной политики Германии.

Немецкие элиты, осознавая значимость России для европейской безопасности и находя опасным ее исключение из Европы вследствие восточного расширения ЕС, желали предложить Москве углубленное партнерство. В 1999 г. Г. Шредер выступил одним из главных инициаторов разработки стратегии ЕС по вопросу отношений с Россией.

Однако он столкнулся с серьезным сопротивлением некоторых стран-членов, более скептически настроенных относительно перспектив сотрудничества с Москвой [Timmins, с. 193]. В итоге появившаяся стратегия ЕС в отношении России оказалась чисто формальным, бессодержательным документом.

В этих условиях Г. Шредер решил развивать прежде всего двусторонние отношения с Россией, однако они позиционировались им как интегральная часть так и не выработанного общеевропейского подхода. В апреле 2001 г. появилась известная статья канцлера под названием «Немецкая политика в отношении России — европейская восточная политика», где он, в частности, писал о том, что без России невозможно себе представить единую Европу. На практике это не только не предусматривало какой-либо эксклюзивности в отношении России, но, наоборот, сопровождалось предельно жесткими требованиями: Москва должна была войти в «сообщество ценностей», выполнять принятые на себя международные обязательства, осуществлять внутренние реформы с целью формирования правового государства и благоприятного инвестиционного климата [Schroeder]. Как представляется, подобные пожелания высказывались в связи с надеждами, возлагаемыми на нового президента России В. Путина, которого публицист А. Пар назвал не иначе как «немец в Кремле».

Шредеровская Ostpolitik была успешно реализована в отношении расширения ЕС, причем канцлер активно продвигал также идею о европейских перспективах Турции. Что касается России, здесь Германия добилась относительных успехов исключительно в двустороннем контексте отношений (запуск «Северного потока», обмен энергетическими активами, расширение торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на уровне малых и средних предприятий). Арест М. Ходорковского в 2003 г. во многом омрачил перспективы партнерства.

«Цветные революции» в Грузии, Украине и Молдове, а также российско-грузинская война в августе 2008 г. поменяли конфигурацию немецкой «восточной политики». На передний план вышли интересы политически активных и проевропейски настроенных стран, которые с 1990-х годов начали называть Восточной Европой. Вследствие этого появился новый антагонизм, символом которого стала программа «Восточное партнерство», формально не инициированная Берлином, но активно им поддерживаемая.

Последней серьезной попыткой включения (Einbindung) России в европейскую систему безопасности была так называемая Мезебергская инициатива. На встрече в г. Мезеберг в июне 2010 г. канцлер Меркель и президент Медведев подписали меморандум, согласно которому Россия обязалась, в обмен на перспективу создания комитета по вопросам безопасности ЕС — Россия, внести решающий вклад в окончательное урегулирование приднестровского конфликта. Данная инициатива была выдвинута советником Меркель по внешней политике Кристофом Хойсгеном и предложена на международной встрече без полноценных предварительных согласований с другими странами ЕС [Ремлер].

Несмотря на односторонность немецкой инициативы, за ней не стоял какой-либо сговор с Россией. Россия должна была поступать в полном соответствии с ожидания-

ми Евросоюза: переформатировать миротворческую миссию в Приднестровье в полицейскую, содействовать реинтеграции, а не «федерализации» Молдовы. При этом, как и Шредер в 2001 г., Меркель в 2010 г. ожидала от нового президента (тогда Д. Медведева) прорыва в интеграции России в европейское политическое сообщество на предложенных ЕС условиях. В этом контексте Мезебергская инициатива была реакцией на предложение России подписать новый договор о европейской системе безопасности, попыткой поддержать этот шаг в условиях недоверия к нему со стороны многих членов ЕС, появившегося в связи с российско-грузинской войной.

С провозглашением Россией евразийского проекта Мезебергская инициатива оказалась неактуальной. С тех пор в отношениях Германии и России стала нарастать отчужденность. Как видно из речи немецкого министра иностранных дел Г. Вестервелле о «восточной политике», произнесенной в июне 2013 г., правительство ФРГ в плане строительства «общеевропейского дома» возлагало надежды лишь на Украину и другие страны Восточной Европы. С Россией же отношения предлагалось строить на основе прагматичных интересов (решение иранской ядерной проблемы, восстановление Афганистана и т.д.). При этом Г. Вестервелле предложил использовать уроки «восточной политики» для выстраивания отношений с новыми мировыми центрами сил — Китаем, Индией, Бразилией и т.д., то есть странами, с которыми в узком смысле слова Германия не имеет общих ценностей [Rede von Außenminister...]. То есть Россия стала рассматриваться не как «инсайдер» Европы, а как внешняя сила, наряду с другими крупными неевропейскими державами. В соответствии с новой концепцией внешней политики, предложенной Г. Вестервелле в 2011 г., Берлин рассматривал их как «структурирующие державы» (Gestaltungsmächte), с которыми Германия должна выстраивать систему партнерств в целях эффективного менеджмента глобализации [Globalisierung gestalten...].

Таким образом, дискурс о «восточной политике» претерпел за время своего существования значительные изменения. Сначала страны Восточной и Юго-Восточной Европы, а потом и республики бывшего СССР приобретали в нем все большее значение. Апофеозом этого процесса можно считать визит уходящего с поста министра иностранных дел Г. Вестервелле на Майдан в декабре 2013 г. [Westerwelle unterstützt...] и последовавшее за ним признание результатов очередной украинской революции в феврале следующего года. И если вплоть до Мезебергского меморандума Германия пыталась предложить инициативы, нацеленные на интеграцию России в европейскую военно-политическую и экономическую систему отношений, то сегодня Берлин рассматривает Москву как важного, но все же внешнего для Единой Европы партнера.

Идейная структура и практика современной Ostpolitik

Обратимся к анализу факторов, влияющих на формирование немецкого внешнеполитического дискурса, — прежде всего в отношении приоритетов «восточной политики».

Во-первых, речь об историческом опыте Германии. Этот опыт многогранен, и к тому же он постоянно подвергается переосмыслению. Так, в стране существует консенсус

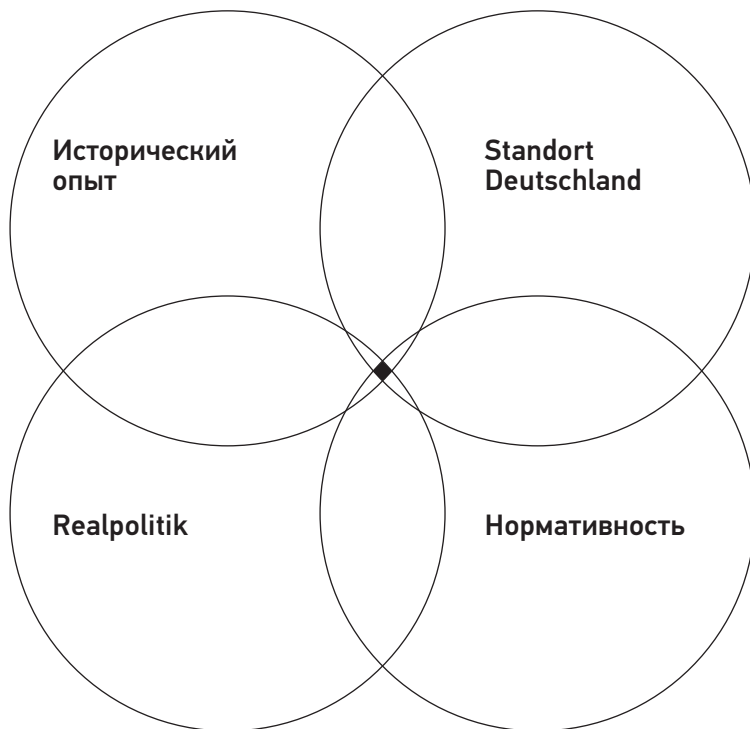

Рис 1. Хрупкий баланс немецкого дискурса Ostpolitik

по поводу осуждения преступного нацистского режима и признается, что Третий рейх принес Европе, прежде всего Восточной, гигантские разрушения и человеческие жертвы. Комплекс исторической вины до сих пор крайне значим для немецкого сознания. Поэтому канцлер А. Меркель, несмотря на ухудшение двусторонних отношений с Россией, посетила 10 мая 2015 г. Москву и вместе с В. Путиным возложила венки к могиле неизвестного солдата [Merkel in Moskau...].

С другой стороны, Германия в рамках концепции «преодоления истории» (Geschichtsbewältigung) является одним из главных архитекторов европейского проекта, понимаемого в том числе как набор правил, норм и институтов, которые должны обеспечить мир в Европе. Это одна из главных причин, почему Германия выступает против пересмотра современных границ между европейскими государствами. Признание Косово интерпретировалось министром иностранных дел Ф.В. Штайнмайером как «окончание долгого и трудного процесса распада бывшей Югославии» [Unabhängigkeitserklärung...]. Любые другие изменения границ, проистекающие из современных политических процессов, немецкое правительство пытается предотвратить. В частности, Германия приложила немало дипломатических усилий для окончательного урегулирования пограничных споров в Восточной Европе, в том числе в рамках вступления стран региона в НАТО и ЕС.

По мнению В. Вессельса, немецкая мотивация относительно европейского проекта заключается также в стремлении побороть два основных «кошмара» германской истории: «кошмар коалиций» (объединение большей части Европы против Германии) и нахождение в эпицентре конфликта Востока и Запада (холодной войны) [Wessels, с. 111].

Нежелание вновь оказаться в зоне соприкосновения двух противостоящих друг другу военно-политических блоков является одной из главных причин того, что немецкие политики постоянно повторяют тезис о невозможности единой Европы без или против России.

Тоталитарное прошлое налагает особые обязательства на отношения Берлина со странами Восточной Европы, которые в 1930–1940-е годы подвергались оккупации, в том числе в связи с заключением пакта Молотова-Риббентропа. В практической политике сегодня это выражается в учёте интересов этих государств при выстраивании взаимоотношений с Россией. Особая роль здесь отводится Польше, с которой Германия ведёт постоянные консультации по вопросам «восточной политики» и взаимодействия с Москвой. Примечательно, что тезис о значении «восточных партнеров», прежде всего Польши, для формирования повестки дня в отношениях с Москвой нашел отражение в последнем коалиционном договоре 2013 г., на основе которого было сформировано действующее правительство [Deutschlands Zukunft..., с. 169–170].

Стоит еще отметить, что в современной Германии, несмотря на благодарность за освобождение от фашизма, отношение к советскому прошлому скорее отрицательное. В немецком публичном дискурсе существовавший в ГДР режим рассматривается как диктатура [См., напр.: 25 Jahre...]. Если В. Путин в «крымской речи» подчеркивал, что единство Германии было поддержано СССР как страной, то большинство немецких источников отмечают в этом вопросе особую роль М. Горбачева, который победил консервативные силы в своей стране и согласился не сопротивляться «течению истории» [См., напр.: Wie Gorbatschow...].

В Германии в современных исторических, литературных и общественно-политических текстах часто можно встретить осуждение тех или иных последствий советской политики. Например, в Германии ведутся активные дискуссии об изнасиловании в 1945 г. советскими солдатами немецких женщин. Число жертв насилия, по разным оценкам немецких историков, составляло от полумиллиона до двух миллионов. В ходе подобных дискуссий делается вывод, что сами немцы, таким образом, также были жертвами войны [См., напр.: «Für die Russen...»]. Кроме этого, несмотря на праворадикальные настроения в ряде организаций изгнанных из Восточной Европы после Второй мировой войны немцев, трагические судьбы этих людей продолжают изучаться и описываться. Так, одним из ключевых произведений немецкой писательницы Герты Мюллер, получившей в 2009 г. Нобелевскую премию, является роман «Качели дыхания», который рисует жизнь и смерть в советском концлагере депортированных румынских немцев [Мюллер].

Так что исторический опыт наполняет современную Ostpolitik множеством смыслов. Одним из главных результатов этого является склонность немецкой дипломатии к многосторонности, уход от акцента на двусторонних отношениях в пользу европейского проекта.

Второй фактор, влияющий на формирование Ostpolitik, — это компоненты «реальной политики». Германия продолжает оставаться одним из ключевых государств Ев-

ропы как в политическом, так и в экономическом плане, поэтому полностью уйти от национальной повестки дня, практических (а не нормативных) соображений вряд ли когда-либо получится.

Одно из главных практических соображений, которое Берлин последовательно реализует в последнее десятилетие, состоит в предотвращении милитаризации внешней политики. Немецкие элиты и общество в целом сконцентрированы прежде всего на решении внутренних задач. Несмотря на призывы отдельных политиков и экспертов к тому, чтобы играть в мире более активную роль, в стране сильны изоляционистские настроения. Германия фактически не поддержала вторжение НАТО в Ливию, долго воздерживалась от военного участия в сирийских делах. За этим стоят не только нежелание нести какие-либо расходы и риски, но и убеждение, что в кризисных странах отсутствуют политические и общественные силы, совместно с которыми можно было бы восстановить там стабильность. Большинство экспертов в Германии считают, что вторжение в Сирию в итоге произошло исключительно из солидарности с пострадавшей от терактов Франции. При этом около 60% немцев поддержали решение правительства ограничиться отправкой разведывательных и заправочных самолетов, а за наземную операцию высказались лишь 22% опрошенных [ARD-DeutschlandTrend...].

Изоляционизм и антимилитаризм непосредственно сказываются и на «восточной политике». Германия фактически выступила против каких-либо антироссийских действий военно-политического характера после событий августа 2008 г. и последовательно противодействовала интеграции Украины и Грузии в НАТО.

Официальный Берлин предпочитает дипломатические средства разрешения любых конфликтов. Немецкая дипломатия основана на концепции игры с положительной суммой, убежденности в том, что с помощью рациональных аргументов всегда можно найти компромисс. Германия зачастую исходит из того, что существующие реалии, которые невозможно изменить, следует признавать и исходить из них как из данности (например, существование ДНР и ЛНР, принципиальность российской политики на украинском направлении, политические скандалы, связанные с действиями американских спецслужб на территории Германии и т. д.). Так, угроза перерастания украинского кризиса в глобальный конфликт побудила А. Меркель на серьезные дипломатические усилия, результатом которых стали Минские соглашения. В самой Германии эти усилия канцлера фактически были признаны безальтернативными. В частности, ведущий немецкий журнал «Шпигель» в передовой статье отмечал: «Та путешествующая по всему миру Меркель была уже не той, какой ее можно увидеть в Германии, Меркель, которая идет вперед, рискует проиграть. И Меркель, которая делает то, что как раз ждут от нее немцы. Борьба за мир, искать взаимопонимания с русскими, противостоять американцам — все это хорошо вписывается в сегодняшние настроения в Германии» [Die längste Nacht].

Еще одним примечательным примером немецкого реализма стала критика федеральным правительством командующего войсками НАТО в Европе Ф. Бридлава, который, по мнению Берлина и некоторых других европейских столиц, в своих заявлениях

резко переоценил военную роль России в событиях в Украине. Как пишет «Шпигель» со ссылкой на свои источники, ведомство федерального канцлера охарактеризовало действия Бридлава как «опасную пропаганду» [Ukraine-Krise...].

Тем не менее нежелание разжигать вооруженные конфликты вовсе не означает, что среди немецких элит доминируют пацифистские настроения. Впервые со времен холодной войны в отношении России стало снова употребляться понятие «сдерживание» (Eindaemmung). Германия в контексте украинского кризиса полностью поддержала решение саммита НАТО в Уэльсе, а министр обороны У. фон дер Ляйен посетила все три прибалтийские государства, заверив их в неизменном действии пятой статьи Вашингтонского договора. Германия участвовала в военных учениях НАТО в Прибалтике Persistent Presence, а также приняла меры по усилению немецко-датско-польского корпуса в польском Штеттине [Von der Leyen...]. Несмотря на скандалы, связанные с операциями американских спецслужб по слежке за немецкими политиками, компаниями и обычными гражданами, федеральное правительство рассматривает США как ключевого партнера, в том числе по противодействию России в Восточной Европе. Немецкие правящие элиты (включая традиционно «пророссийских» социал-демократов) выступают за подписание между ЕС и США соглашения о создании трансатлантического партнерства по торговле и инвестициям.

Однако, главными инструментами сдерживания России со стороны Германии являются вовсе не военно-политические инициативы, а политика санкций и дипломатическая и финансовая поддержка государств Восточного партнерства. Германия как геоэкономическая держава (определение, предложенное немецким политологом Х. Кунднани [Kundnani]) применяет свою экономическую силу, которая достаточна, чтобы нанести значительный урон России и при этом минимизировать собственные потери. Так, немецкая экономика достаточно благополучно пережила введение санкций против России, компенсировав потери за счет других рынков. Если в первой половине 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года немецкий экспорт в Россию сократился на 31,5 % (на 4,8 млрд евро), то общий объем экспорта страны вырос на 7% (на 38,7 млрд евро) [Antwort...].

Третьим фактором, все в большей степени влияющим на политику Германии на восточном направлении, является нормативный дискурс. Сторонники нормативного подхода считают, что внешняя политика, как и внутренняя, должна основываться на определенных ценностях. В их представлении Россия и Запад придерживаются сегодня разных ценностей, причем Россия является опасным вызовом для западного мира. В действиях России сторонники нормативного подхода видят реализуемую уже более десяти лет стратегию, нацеленную на воссоздание в том или ином виде Советского Союза и переформатирование глобального — прежде всего европейского — миропорядка [См., напр.: Russland-Experte...]. Один из представителей этой точки зрения, известный немецкий журналист Б. Райтшустер считает, что с помощью политизации вопроса об изнасиловании мигрантами 13-летней девочки Лизы, проживающей в Берлине, Россия ведет против Германии «гибридную войну», цель которой — свержение федерального канцлера А. Меркель [Interview mit Russland-Experten...]. Другим примером

подобной аргументации являются заявления влиятельного представителя партии ХДС, члена комитета Бундестага по внешним делам Р. Кизеветтера, обвиняющего Москву в поддержке праворадикальных движений и стремлении расколоть Европу [Roderich Kiesewetter...].

Нормативные аргументы широко распространены не только в журналистской и экспертной среде, но и среди значительной части немецкого политического истеблишмента. Так, в связи с украинским кризисом спикер по восточноевропейским вопросам партии Зеленых М. Бек призвала начать дискуссию о возможности поставок Украине летального оружия. При этом она использовала следующие аргументы: «Если немецкое общество отрицает эту мысль, оно отрицает само себя в отношении тех, кто боролся с национал-социалистами в период Второй мировой войны: поляков, голландцев, французов, британцев, американцев и Советского Союза. Мы не можем и далее игнорировать, что это также часть нашей истории. На нас вина в том, что мир вынужден был научиться иметь возможность и иметь право себя защищать» [Osteuropa-Expertin...].

Нормативный дискурс серьезным образом ограничивает действия немецких переговорщиков, создавая в общественном мнении запрос на открытость и прозрачность внешней политики страны. Например, большой скандал вызвала публикация в британской газете «Independent», которая со ссылкой на источники, близкие к переговорам между Россией и Германией, сообщила о наличии секретного плана урегулирования украинского кризиса, который якобы подразумевал, что Германия и Украина де-факто согласятся на признание присоединения Крыма к России в обмен на финансовую помощь Киеву со стороны России, прекращение поддержки Москвой Донбасса и долгосрочный газовый контракт для Украины [Land for gas...]. Несмотря на заверения немецких политиков в абсурдности подобных обвинений, любая, даже абстрактная возможность для переговоров о де-факто признании Крыма частью России со стороны Запада полностью исчезла.

На протяжении последних лет в Германии велась ожесточенная дискуссия по поводу России между нормативистами и реалистами. Первые упрекали официальный Берлин в доминировании в «восточной политике» немецких торговых интересов [См., напр.: Szabo], а вторые винули нормативистов в том, что они пытаются применять европейский ценностный подход в тех случаях, где всё далеко не так однозначно. Как, например, в случае с Украиной, где, по мнению директора влиятельного Немецкого общества внешней политики Э. Зандшнайдера, проевропейские настроения (которые Евросоюз абсолютизирует) преобладают только на западе страны [См., напр.: Martin Schulz...]. Другой прагматично настроенный эксперт по России, Х.Х. Шрёдер, вообще заявил, что «внешняя политика, ориентированная на ценности, — это бред», и ценностных различий между Россией и Западом на самом деле не существует [Hans-Henning Schröder...].

На сегодня между нормативистами и реалистами достигнут определенный компромисс, хотя остаются расхождения по вопросу, чего в немецкой политике в отношении России должно быть больше — диалога или сдерживания. По этому поводу примечательно высказался президент Европарламента М. Шульц, отвечая журналу «Шпигель»

насчет последовательности политики ЕС, который сначала ввел санкции, а сейчас рассматривает Россию как партнера в сирийском вопросе: «Политика — это динамичный процесс. Когда я был молодым парнем, в 1970 году, Ясир Арафат уже был ответственен за различные теракты; через несколько лет, когда я уже стал депутатом Европарламента, тот же самый Ясир Арафат получал Нобелевскую премию мира» [“Jetzt kriegen...”].

Четвертый фактор, влияющий на формулирование приоритетов Ostpolitik, до сих пор являлся самым обсуждаемым и, как представляется, самым переоцененным. Речь идет о торгово-экономических и энергетических интересах Германии, прежде всего в отношениях с Россией.

Действительно, Германия на протяжении всей постсоветской истории России была крайне заинтересована в тесном партнерстве с Москвой. Во-первых, Россия является эксклюзивным энергетическим поставщиком для Германии. Модель немецкого энергетического рынка близка российской: Германия ограничивает доступ иностранных компаний на свой рынок в интересах собственных крупных энергетических концернов. На уровне бизнес-культуры энергетические корпорации двух стран хорошо понимали друг друга, готовы были обмениваться активами, осуществлять инвестиции и т. д. Во-вторых, Германия — это экспортно-ориентированная экономика: экспорт составляет более 50% ВВП [Die deutsche Wirtschaft...]. Поэтому немецкое правительство никогда не могло позволить себе действовать вопреки энергетическим и экспортным интересам страны.

Однако примерно с 2006 г. начинают проявляться разногласия Германии и России по ключевому элементу двустороннего партнерства — энергетике. Российско-украинский газовый конфликт 2004–2005 гг. серьезно стимулировал европейские страны, в том числе Германию, на проведение единой энергетической политики внутри ЕС, направленной, среди прочего, на диверсификацию поставок. В тот момент существовало представление, что альтернативный газ в Европу могут поставлять центральноазиатские государства. Поэтому Евросоюз, и в особенности Берлин, председательствовавший в ЕС в 2007 г., приложили большие усилия для открытия этого региона мировому энергетическому рынку и развития инфраструктуры для поставок оттуда энергоресурсов. Европейский союз, и в том числе Германия, которая, как отмечают исследователи, значительно отошла в период своего председательства в ЕС от сугубо национальных приоритетов [Verhoeff, Niemann], стали требовать от России ратификации и имплементации Энергетической хартии. (Последняя устанавливает общие нормы функционирования энергетических рынков, включая сферу доступа к трубопроводному транспорту, не только для ЕС, но и для многих стран-партнеров). Россия тогда в резкой форме отказалась от этого, особенно в контексте увязки со стороны некоторых стран-членов ЕС ратификации Энергетической хартии и разработки нового договора о партнерстве и сотрудничестве между Брюсселем и Москвой [Analyse...].

Второй раунд дискуссий, когда Германия и ЕС попытались включить Россию в общеевропейское правовое поле, состоялся вокруг распространения на российские компании норм внутривосточноевропейского законодательства о либерализации энергетических

рынков (Третий энергетический пакет). В ходе переговоров с В. Путиным, отвечая на российские возражения, А. Меркель заявила: «Мой совет состоит в том, чтобы принять вещи такими, какие они есть — таково правовое положение — и использовать эти правила игры с максимальной пользой для себя. Это означает, что невозможно получить 100% мощностей трубопровода и потом надеяться на полное освобождение от регулирования» [Pressekonferenz...]. В итоге на территории ЕС Россия сегодня вынуждена в полной мере подчиняться новым нормам регулирования.

В связи с политикой санкций в России существовали ожидания, что именно экономические интересы удержат Берлин от введения серьезных ограничительных мер. Однако эти надежды не оправдались. Действительно, в экспертной среде и в крупнейших немецких компаниях, представленных на российских рынках, поначалу отмечалась определенная паника в связи с санкциями [См., напр.: Deutsche Firmen...]. Но в итоге какого-либо серьезного сопротивления со стороны промышленников политика федерального правительства не встретила.

Причина в том, что немецкие компании рассматривают санкции как важный, но далеко не первый по значимости фактор для немецкого экспорта в Россию. Как отмечается в пресс-релизе Союза пищевой промышленности Германии, «непрозрачные и затратные импортные предписания, нетарифные меры регулирования и, в конце концов, многочисленные производственные трудности уже до санкций обременяли немецкий экспорт в Россию. Позитивные показатели в последний раз были достигнуты в 2011 г., когда экспорт аграрных продуктов показал прирост в 8,1% (по сравнению с предыдущим годом), а экспорт продуктов питания — 6,9%. Но уже в 2013 г. аграрный экспорт упал на 14,9%, а по продуктам питания — на 16%». По итогам 2014 г. негативный тренд продолжился: падение экспорта составило по этим двум группам товаров 28 и 32% соответственно [Russlandexporte der deutschen...].

Влиятельный Союз машиностроителей Германии (VDMA) придерживается аналогичной позиции. Он считает, что институциональные условия ведения бизнеса сыграли даже большую роль, чем падение цен на нефть. В опубликованных материалах этой организации говорится, что зависимость от энергоресурсов, слабая диверсификация экономики и увеличивающийся государственный дирижизм ввергли российскую экономику в кризис, который усилил свое негативное влияние в несколько раз из-за ухудшающихся внешнеполитических условий [VDMA Nachrichten, с. 9]. «Падающие цены на нефть и санкции сыграли здесь роль лишь катализатора. Причина кризиса состоит в том, что необходимые реформы так и не были реализованы», — отмечает глава комитета по внешнеэкономической деятельности Союза Р. Хундсдёрфер [VDMA Nachrichten, с. 1]. Речь идет, в частности, об отсутствии конкретных норм в отношении локализации производства, функционирующей системы субконтракта, полноценной системы поддержки малого и среднего бизнеса, ориентирования образовательной системы на нужды бизнеса и т. д.

Союз машиностроителей отмечает также возросшую роль протекционистских мер, в одностороннем порядке введенных российским правительством для поддер-

жки отечественного производителя. Как отмечается, в сфере сельскохозяйственной техники (комбайны) Россия с 1 января 2014 г. ввела импортные квоты, что привело к снижению ввоза с 2 000 до 424 машин в год [VDMA Nachrichten, с. 18]. Жалуется немецкий бизнес и на системы субвенций на покупку российской техники, которыми могут воспользоваться далеко не все иностранные машиностроительные компании, открывшие свои производства на территории России. «Отдельные производители получают прямую субсидию в размере 15% на розничную цену. Кроме этого, клиенты могут дополнительно подать заявку на льготные условия финансирования или лизинга через РосАгроЛизинг. Таким образом, фермеров и агрохолдинги всеми способами стимулируют покупать отечественную технику», — отмечает VDMA [VDMA Nachrichten, с. 19].

Все это не означает, что немецкий бизнес больше не заинтересован в России. Заинтересованность сохраняется, но проблему санкций немецкие компании рассматривают в связи с множеством других проблем, главная из которых — постепенное удаление друг от друга проектов европейской и евразийской интеграции, применение взаимных протекционистских мер. Поэтому немецкий бизнес поддерживает не столько снятие санкций, сколько комплексную перезагрузку отношений с Россией, что позволило бы договориться о зоне свободной торговли между ЕАЭС и ЕС. Не случайно тема о создании зоны свободной торговли постоянно всплывает в речах многих представителей немецкого правительства, как членов ХДС, так и СДПГ (А. Меркель, Ф.В. Штайнмайера и др.). В последний раз эту идею высказал вице-канцлер З. Габриэль [Rede beim...].

* * *

Подводя итог, стоит отметить эклектичный характер немецкого внешнеполитического дискурса, которому присущи различные идейно-политические предпосылки. Символом этого эклектизма может служить концепция *congagement*, с помощью которой председатель авторитетной Мюнхенской конференции по безопасности В. Ишингер охарактеризовал современную политику Берлина в отношении Москвы [Meister]. По его мнению (поддержанному другим авторитетным немецким экспертом по России, Ш. Майстером [Ischinger]), Берлин должен сочетать в отношении Москвы политику сдерживания (*containment*) и политику вовлечения (*engagement*).

Эклектичность немецкой *Ostpolitik* — не столько проблема, сколько ресурс для немецкой дипломатии. Германия может брать на себя роль медиатора и в любой конфликтной ситуации разговаривать со всеми сторонами на «их» языке, проявляя изрядную переговорную гибкость. Обратная сторона такого подхода — наличие у Германии определенных «красных линий», или принципов, на нарушение которых она будет реагировать всеми приемлемыми для нее средствами. Нормативные, исторические и в какой-то степени реалполитические аспекты немецкой доктрины вряд ли позволят Берлину отказаться от роли «структурирующей силы» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Литература:

- Мюллер Г. Качели дыхания. СПб. 2011.
- Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 года // Сайт президента России. URL: kremlin.ru/events/president/news/20603 (дата обращения: 30.03.2016)
- Ремлер Ф. Безрезультатные переговоры: Россия и Германия не нашли общий язык // Московский центр Карнеги. URL: carnegie.ru/publications/?fa=52807 (дата обращения: 08.03.2016).
- Розэ А. Меркель высказалась против ослабления антироссийских санкций // Российская газета. 19.12.2014. URL: rg.ru/2014/12/19/merkel-site.html (дата обращения: 30.03.2016)
- 25 Jahre Deutsche Einheit. Merkel spricht mit Schülern über die DDR // Die Bundeskanzlerin. Deutschland. URL: bundeskanzlerin.de/Content/DE/Artikel/2015/10/2015-10-13-kanzlerin-zeitzeugin.html (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Analyse: Der Energiedialog Russland — EU: 10 Jahre später // bpb: Bundeszentrale für politische Bildung. 30.03.2011. URL: bpb.de/internationales/europa/russland/48312/analyse-der-energiedialog-russland-eu-10-jah... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Thomas Lutze, Klaus Ernst, Wolfgang Gehrcke, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. — Drucksache 18/6483 — Auswirkungen der Sanktionen der Europäischen Union gegen die Russische Föderation. — Zugriffsmodus: dipbt.bundestag.de/doc/btd/18/067/1806715.pdf (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- ARD-DeutschlandTrend. Mehrheit für Syrien-Einsatz // Tagesschau.de. 04.12.2015. URL: tagesschau.de/inland/deutschlandtrend-455.html (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Brandt W. German policy toward the East // Foreign Policy. April 1968. Pp. 476–486.
- Deutsche Einheit und europäische Einigung // Bundesregierung. URL: bundesregierung.de/Content/Infomaterial/BPA/Bestellservice/Deutsche_Einheit_und_europaei... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Deutsche Firmen zittern vor Folgen der Sanktionen // Die Welt. 29.07.2014. URL: welt.de/wirtschaft/article130690072/Deutsche-Firmen-zittern-vor-Folgen-der-Sanktionen.htm... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. — Zugriffsmodus: bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/2013/2013-12-17-koalitionsvertrag.pdf?__blob=publi... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Die deutsche Wirtschaft lebt vom Export // Germany. Trade & Invest. 08.10.2014. URL: gtai.de/GTAI/Navigation/DE/Trade/Maerkte/suche,t=die-deutsche-wirtschaft-lebt-vom-export... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Die längste Nacht // Der Spiegel. 2015. №8. S. 28.
- Frydrych M. Russian envoy for Kaliningrad arrives in Brussels // Euobserver, 2 Sept. 2002. URL: euobserver.com/news/7409 (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- “Für die Russen waren wir Freiwild” // Die Welt. 03.03.2015. URL: welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article138008854/Fuer-die-Russen-waren-wir-Freiwild.... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Germany in a new Europe? // German Politics. 2001. Vol. 10, № 1, Pp. 107–116.
- Globalisierung gestalten — Partnerschaften ausbauen — Verantwortung teilen. Konzept der Bundesregierung // Auswärtiges Amt. Deutschland. URL: auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/608384/publicationFile/169965/Gestaltungsmaechtekonzept.pdf (behandlungsdatum: 08.03.2016).

- Hans-Henning Schröder: "Eine wertorientierte Außenpolitik ist Quatsch" // Russia beyond the headlines. 16.02.2016. URL: de.rbth.com/politik/2016/02/16/hans-henning-schroeder-es-gibt-keine-grosse-wertedifferenz_568... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Interview mit Russland-Experten "Merkel hängt am seidenen Faden": Wie Putin jetzt die Kanzlerin stürzen will // Focus. 01.02.2016. URL: focus.de/politik/deutschland/hybrider-angriff-aus-russland-merkel-haengt-am-seidenen-fade... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Ischinger W.* Eine Aufgabe für Generationen // Internationale Politik. 2015. №1. S. 35.
- "Jetzt kriegen wir die Quittung" // Spiegel. 2015. №49. S. 41.
- Kundnani H.* Germany as a Geo-economic Power // The Washington Quarterly. Vol. 34. № 3. Pp. 31–45.
- Land for gas: Merkel and Putin discussed secret deal could end Ukraine crisis // Independent. 31.07.2014. URL: independent.co.uk/news/world/europe/land-for-gas-secret-german-deal-could-end-ukraine-cri... (date of access: 08.03.2016).
- Leonard M., Popescu N.* A Power Audit of EU-Russia relations. — Mode of access: ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf (date of access: 08.03.2016).
- Martin Schulz und Eberhard Sandschneider: "Wir haben Machtpolitik verlernt" // Wirtschafts Woche. 11.03.2014. URL: wiwo.de/politik/europa/martin-schulz-und-eberhard-sandschneider-wir-haben-machtpolitik-ve... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Meister S.* Thesen für eine neue deutsche Russlandpolitik. Handlungsspielräume, Ziele und neun Empfehlungen. DGAPkompakt 3 // DGAP. 24.03.2015. URL: dgap.org/de/think-tank/publikationen/dgapkompakt/thesen-fuer-eine-neue-deutsche-russlandpoli... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Merkel in Moskau. Gemeinsame Ehrung der Weltkriegsopfer // Die bundesregierung. Deutschland. URL: bundesregierung.de/Content/DE/Reiseberichte/2015-10-05-bkin-zu-gedenken-min-moskau.html (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Osteuropa-Expertin der Grünen kritisiert prinzipielles Nein zu Waffenlieferungen // Süddeutsche zeitung. 09.02.2015. URL: sueddeutsche.de/politik/ukraine-krieg-osteuropa-expertin-der-gruenen-kritisiert-prinzipie... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem Präsidenten der Russischen Föderation, Wladimir Putin in Moskau // Die Bundesregierung. Deutschland. 16.11.2012. URL: bundesregierung.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Mitschrift/Pressekonferenzen/2012/11/2012-1... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Rede beim Deutsch-Russischen Forum: Gabriel für "Neuanfang" des Dialogs mit Russland // Der Tagesspiegel. 17.03.2016. tagesspiegel.de/politik/rede-beim-deutsch-russischen-forum-gabriel-fuer-neuanfang-des-dia... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Rede von Außenminister Guido Westerwelle "Ostpolitik im Zeitalter der Globalisierung" vor dem Politischen Club der Evangelischen Akademie Tutzing, 29.06.2013 // Auswärtiges Amt. Deutschland. URL: auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2013/130629-BM-EA_Tutzing.html (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Roderich Kiesewetter (CDU): "Putin bedroht den Zusammenhalt Europas" // Deutschlandfunk. 02.02.2016. URL: deutschlandfunk.de/roderich-kiesewetter-cdu-putin-bedroht-den-zusammenhalt.694.de.html?dr... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Russland-Experte Reitschuster im Interview "Putin selbst ist russenfeindlich" // Tagesschau.de. 02.09.2014. URL: tagesschau.de/ausland/putin-russland-ukraine-100.html (behandlungsdatum: 08.03.2016).

- Russlandexporte der deutschen Agrar- und Lebensmittelwirtschaft. — Zugriffsmodus: docs.dpaq.de/8687-dpa-russlandsanktionen-zahlen.pdf (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Schroeder G.* Deutsche Russlandpolitik - europäische Ostpolitik // Die Zeit. 15/2001. URL: zeit.de/2001/15/Deutsche_Russlandpolitik_-_europaeische_Ostpolitik (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Szabo S.* Germany's Commercial Realism and the Russia Problem // Survival: Global Politics and Strategy, 2014, Vol. 56, №5. Pp. 117–128.
- Timmins G.* German–Russian Bilateral Relations and EU Policy on Russia: Between Normalisation and the ‘Multilateral Reflex’ // Journal of Contemporary European Studies, 2011. Vol. 19, № 2. Pp. 189–199.
- Ukraine-Krise: Nato-Oberbefehlshaber verärgert Alliierte. // Spiegel. 07.03.2015. URL: spiegel.de/politik/ausland/nato-oberbefehlshaber-philip-breedlove-irritiert-allierte-a-10... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Unabhängigkeitserklärung: Deutschland erkennt Kosovo an // Spiegel. 20.02.2008. URL: spiegel.de/politik/deutschland/unabhaengigkeitserklaerung-deutschland-erkennt-kosovo-an-a... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- VDMA Nachrichten. 2015. №3. — Zugriffsmodus: vdma.org/documents/105628/7624659/VDMA-Nachrichten_Der%20russische%20Markt%20im%20Stresstest_2015_03.pdf/9061195b-7563-449a-ac1b-914112cfa7e6 (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Verhoeff E., Niemann A.* National Preferences and the European Union Presidency: The Case of German Energy Policy towards Russia // Journal of Common Market Studies, 2011, Vol. 49, № 6. Pp. 1271–1293.
- Von der Leyen verspricht den baltischen Staaten Unterstützung // Bundesministerium der Verteidigung. Deutschland. URL: bmvg.de/portal/a/bmvg/!ut/p/c4/NYtNC8lwEET_UTaBlujN0oulFxG1vaVpSFfzxXZbL_54k4Mz8A7zGBigNO... (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Wessels W.* Germany in Europe: return of the nightmare or towards an engaged Germany in a new Europe? // German Politics. 2001. Vol. 10, № 1. Pp. 107–116.
- Westerwelle unterstützt friedliche Proteste // Deutsche Welle, 5.12.2013. URL: dw.com/de/westerwelle-unterst%C3%BCtzt-friedliche-proteste/a-17272351 (behandlungsdatum: 08.03.2016).
- Wie Gorbatschow der Einheit zustimmte // DW. 10.02.2010. URL: dw.com/de/wie-gorbatschow-der-einheit-zustimmte/a-5224357 (behandlungsdatum: 08.03.2016).

УДК 324;327;339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Трудный час Европейского союза

Аннотация. *Статья посвящена ключевым вызовам, с которыми в настоящий момент сталкивается Европейский союз. Прошедшие в феврале–марте 2016 г. саммиты ЕС были посвящены сохранению Великобритании в составе Объединенной Европы и «кризису беженцев». Но этими приоритетными темами не исчерпывается актуальная повестка дня Объединенной Европы. Выборы в Европарламент и избирательные кампании в ряде стран ЕС заметно переструктурировали европейский партийно-политический ландшафт. Социальная ситуация ухудшается; не отлажены механизмы преодоления последствий экономического кризиса 2008–2009 гг. и перехода на рельсы устойчивого динамичного роста.*

Ключевые слова: *Европейский союз, выборы в Европарламент, «кризис беженцев», Великобритания, выход из Евросоюза, кризис Евросоюза.*

В условиях нарастающей глобальной нестабильности сравнительно слабыми финансово-экономическими и политическими звеньями мирового сообщества становятся отдельные государства Европейского союза. В силу высокой степени интегрированности и хозяйственной взаимозависимости европейских стран это неизбежно сказывается на положении Евросоюза в целом, рождая в рамках этого объединения разломы и линии повышенного внутривнутриполитического и межстранового напряжения. Последнее особенно заметно, поскольку государства ЕС существуют в разных политических циклах.

Серьезным испытанием для многих стран Европы стала проблема мигрантов и беженцев, вызвавшая цепную реакцию конфликтов внутри Евросоюза, подорвавшая саму основополагающую идею европейского интеграционного проекта.

Все это — проявления системного многоуровневого кризиса институтов Объединенной Европы. Его главными катализаторами послужили: замедление хозяйственного роста, ухудшение финансового положения, обострение социальной обстановки, политическое наступление правого и левого популизма, оживление всевозможных «евроскептиков», угроза выхода из Евросоюза Великобритании, непрекращающиеся террористические атаки, новая волна беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. «Европейская политика парализована страхом перед популистами, иммиграцией и терроризмом. Очень сложно вырваться из этого порочного круга», — считает глава варшавского отделения Европейского совета по иностранным делам Петр Бурас

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

[Buras]. Трудно точнее передать драматизм ситуации, сложившейся на европейском политическом пространстве.

Европейские головоломки

В последнее время (особенно под сильнейшим воздействием кризисных потрясений 2008–2009 гг.) произошло практически одновременное обострение целого ряда внутренних проблем и ослабление глобальных экономических и политических позиций Европейского союза и его отдельных членов, включая ведущие высокоразвитые государства. Назовем основные, на наш взгляд, причины и признаки этого.

1) Излишне поспешное и не всегда экономически обоснованное (но зачастую политически мотивированное) расширение границ Евросоюза за счет стран Восточной и Южной Европы, значительно отставших в своем институциональном и хозяйственном развитии от «коренных» государств ЕС. Стоит напомнить, что в период с 1995 по 2013 г. в объединение было принято 16 стран, что увеличило число членов более чем вдвое: с 12 до 28. Опыт показал, что процесс присоединения новых членов шел значительно быстрее, чем могли «переварить» действующие коммунитарные институты.

2) Переход к единой европейской валюте (евро) не вполне подготовленных к этому шагу стран, что в условиях финансово-экономического кризиса лишило их возможности использовать такой проверенный защитный механизм, как снижение обменного курса национальной валюты. В частности, для Греции (в меньшей степени — для ряда других государств) присоединение к зоне евро явилось настоящей институциональной ловушкой.

3) Кризисное разделение Евросоюза на (условно) «север» и «юг», при котором «северянам», в первую очередь Германии, пришлось оказывать огромную финансовую помощь южным партнерам, спасая их от дефолта. Напомним, что для проведения операций по спасению проблемных стран был выработан механизм взаимодействия ЕС — Европейский центральный банк (ЕЦБ) — МВФ (так называемая «Тройка»). Например, в рамках этого механизма Португалии на льготных условиях было выделено в течение трех лет 78 млрд евро в виде стабилизационного кредита [Яковлев. 2014, №8, с. 46–47]. 4) Сохранение в посткризисный период сравнительно невысоких темпов прироста ВВП подавляющего большинства государств-членов Евросоюза (табл. 1). Пониженная макроэкономическая активность, в свою очередь, предопределила замедленный рост частного и государственного потребления, слабые инвестиционные показатели, высокий уровень безработицы, устойчивый бюджетный дефицит и беспрецедентный для европейских стран объем государственного долга.

5) Заметное снижение торгово-экономической и технико-технологической конкурентоспособности государств Евросоюза по сравнению с новыми лидерами глобального развития во главе с Китаем. Например, дефицит торгового баланса ЕС с КНР только за три года (в 2012–2014 гг.) составил астрономическую сумму в 690 млрд долл. [Bilateral trade...];

6) Осложнение социальной обстановки в европейских странах, вызванное целым клубком проблем, не имеющих простого решения: старение населения (демографический провал), возникновение так называемого «дефицита демократии» — отрыва политики элит от непосредственных интересов и запросов значительной части населения, углубление имущественного неравенства, ухудшение положения среднего класса и др. [Piketty]

7) Фактический провал стратегии, направленной на формирование и проведение единой внешней и оборонной политики Евросоюза и имевшей конечной целью укрепление международных позиций объединения. Брюсселю не удалось сколько-нибудь заметно нарастить внешнеполитический вес ЕС с помощью созданных институтов (зачастую раздутых и низкоэффективных бюрократических структур).

8) Радикальное изменение геополитической ситуации на внешнем периметре Евросоюза, связанное в первую очередь с резким обострением положения на Украине, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Зловещим отголоском ближневосточного кризиса стала серия террористических актов в Париже в 2015 г.: 7 и 9 января — вооруженное нападение на редакцию сатирического журнала «Charlie Hebdo» и супермаркет кошерных продуктов «Hyper Cacher» (16 убитых), 13 ноября — семь терактов, в результате которых погибло 128 человек. К этому следует добавить террористические атаки в Брюсселе 22 марта 2016 г., унесшие жизни свыше 30 человек. Как отмечали в данной связи эксперты фирмы «Stratfor», занимающейся подготовкой аналитики и прогнозов в области геополитической разведки, «для большинства европейцев угроза терроризма к настоящему моменту стала частью повседневной жизни. Долгосрочные последствия терактов скажутся не только на политике и экономике национальных государств, но и на самой структуре ЕС» [Brussels Attacks...].

9) Кризис европейского лидерства, отсутствие разделяемой большинством стран-членов стратегической повестки, играющей на опережение. По оценкам экспертов, Евросоюз «дрейфует без руля и без ветрил», ограничиваясь реакцией (зачастую запоздалой и недостаточной) на возникающие внутренние и внешние проблемы [Golpe de timón].

Таблица 1

Изменение макроэкономических показателей ЕС-28, % (2016 г. — прогноз)

Показатель	2008	2009	2010	2015	2016
ВВП	2,1	-4,4	2,1	2,0	2,1
Частное потребление	0,4	-1,5	0,7	2,1	2,0
Государственное потребление	2,4	2,2	0,7	1,3	0,8
Инвестиции в основной капитал	-0,8	-11,9	0,1	2,9	3,5
Экспорт товаров и услуг	1,4	-11,9	10,7	4,8	4,3
Импорт товаров и услуг	1,0	-11,4	9,8	4,8	4,3

Показатель	2008	2009	2010	2015	2016
Производительность труда	-0,5	-2,6	2,9	0,9	1,1
Безработица (уровень в %)	7,0	9,0	9,6	9,5	9,2
Бюджетный результат (% ВВП)	-2,5	-6,7	-6,4	-2,5	-2,0
Государственный долг (% ВВП)	61,0	73,0	78,6	87,8	87,1

Источник: European Commission. Statistical Annex of European Economy. Autumn 2015. P. 196.

На фоне (и под влиянием) названных симптомов неблагополучия меняется общественно-политический климат в государствах-членах Европейского союза. Одна из характерных черт этого процесса — усиление «евроскептицизма», или, говоря иначе, критики проекта Объединенной Европы, который лег в основу интеграционной конвергенции европейских стран. Как справедливо отмечал российский ученый Г.И. Вайнштейн, феномен «евроскептицизма», еще не так давно представлявший собой «маргинальное для европейской политики явление, все отчетливее выходит на политическую авансцену» [Вайнштейн, с. 40]. «Евроскептики» считают институты ЕС и, особенно, разросшуюся брюссельскую бюрократию (один из главных и самых сильных раздражителей) дорогостоящей, бесполезной и даже вредной надстройкой над привычными национальными государственными структурами европейских стран.

Очевидное усиление антиинтеграционных и центробежных трендов в общественном сознании целого ряда государств-членов Евросоюза материализовалось в результатах состоявшихся в мае 2014 г. выборов в Европейский парламент. Многие политические партии и организации, выступавшие с позиций критики интеграции по лекалам Брюсселя, получили на этих выборах беспрецедентную поддержку избирателей [Яковлев. 03.07.2014]. Особенного успеха добились партии, в той или иной степени ставящие под сомнение саму европейскую идею в том виде, как она была сформулирована отцами-основателями ЕЭС. Это, как правило, политические силы ультраправого и националистического толка, а также радикальные левые организации, выступающие против политики жесткой экономии («бюджетного аскетизма»), взятой на вооружение Брюсселем в годы кризиса. Они получили 229 мест из 751, или 30,5%, что существенно выше результата 2009 г. (164 места из 766, или 21,4%) [Anti-EU...]. Европейские парламентские выборы на «арифметическом» уровне подтвердили: проект единой Европы дал глубокую трещину, четко обозначились линии идейного и социально-политического разлома.

Весьма показательными явились итоги выборов в двух ключевых европейских странах: Франции и Великобритании. В первом случае максимальное внимание привлекла к себе победа возглавляемого Марин Ле Пен ультраправого «Национального фронта» («Front National»), опередившего все мейнстримные (просистемные) французские политические партии. Он получил около 25% голосов, что в четыре раза превысило результат 2009 г., и провел в Европарламент 24 депутата. Как отмечала пресса, «Национальный фронт», который еще несколько лет назад был не более чем «эксцентричной группой», занял место на партийно-политическом олимпе второй по значимости европейской державы

[Llosa]. Давая свою оценку итогам европейских выборов, М. Ле Пен заявила: «Результаты голосования свидетельствуют о массовом отказе от ЕС. Европа не может продолжать строиться без людей и даже против людей. Евросоюз должен вернуть то, что у нас было украдено, — вернуть людям суверенитет. Нужно строить другую Европу, Европу свободных и суверенных государств, Европу свободного сотрудничества» [Прорыв справа...].

В Великобритании сенсационную победу отпраздновала известная ультраправая «Партия независимости Соединенного Королевства» («United Kingdom Independence Party» — UKIP), созданная в 1993 г. под лозунгом выхода страны из Евросоюза. Возглавляемая Найджелом Фараджем (эпатажным деятелем, имеющим репутацию «евроскептика» и «самого лицемерного политика Великобритании»), UKIP набрала около 4,4 млн голосов (свыше 27%) и получила право на 24 места в Европарламенте (из 73, зарезервированных за Великобританией), увеличив свое представительство на 11 депутатов. (Для сравнения: лейбористы получили в законодательном органе ЕС 20 мест, а находящиеся у власти консерваторы — 19.) [UK European...]

Выборы в Европарламент и последовавшие за ними избирательные кампании в ряде стран Евросоюза (Германии, Греции, Испании, Польше, Португалии, Финляндии, Франции и т. д.) фактически переструктурировали европейский партийно-политический ландшафт, привели в «большую политику» новых влиятельных игроков, ранее либо вовсе не существовавших, либо находившихся на обочине общественных процессов.

Кризис беженцев: «танцы на минном поле»

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. акцентировал ряд проблем, уже существовавших в Европе, но в период кризиса и последовавшей за ним хозяйственной рецессии достигших предельной остроты. Одна из таких проблем, вызывающих особую озабоченность европейцев, — сохранение их культурной и национальной идентичности. Все большее число граждан Евросоюза усматривают угрозу своему образу жизни в непрерывном притоке в Старый Свет выходцев из инокультурных регионов мира, прежде всего Африки и Ближнего Востока.

Приток иммигрантов в европейские страны, помимо прочего, вызван глубинными демографическими трендами. Европа — самый «стареющий» регион планеты. Если в 2015 г. средний возраст жителя Земли составлял около 30 лет, то на европейском континенте — 42 года, а в наиболее развитых странах (в частности, в Германии и Италии) еще больше [European Commission..., p. 9]. Старение коренного населения ведет к относительному и абсолютному сокращению граждан работоспособного возраста, что требует значительного притока «молодой» рабочей силы из других регионов. (Заметим, что средний возраст иммигрантов составляет порядка 23 лет). Таким образом, несмотря на имеющийся негатив культурно-цивилизационного свойства, Европа не может отказаться от импорта трудоспособного населения.

По официальным данным, на начало 2014 г. в 28 государствах Евросоюза насчитывалось свыше 50 млн легальных иностранцев — лиц, родившихся не в странах их

проживания, что составляло порядка 10% суммарного населения ЕС (табл. 2). В ряде случаев (Австрия, Бельгия, Ирландия, Швеция и др.) данный показатель превышал 15%. В пяти крупнейших государствах — Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании — сконцентрировано свыше 35 млн иностранцев, или около 70% их общего количества. Помимо этого, в странах Евросоюза непрерывно растет число нелегально проживающих иммигрантов, среди которых особенно много выходцев из ближневосточных и африканских государств. Реальное количество иностранцев, находящихся в Европе на постоянной основе, определить достаточно сложно.

Таблица 2

**Доля легально проживающих иностранцев
в населении стран-членов Евросоюза на январь 2014 г.**

№	Страна	Число иностранцев, тыс. чел.	Доля иностранцев, %
1	ЕС-28	50669,2	9,9
2	Германия	9818,0	12,2
3	Франция	7661,7	11,6
4	Великобритания	6035,6	12,5
5	Испания	5958,3	12,8
6	Италия	5737,2	9,4
7	Нидерланды	1953,4	11,6
8	Бельгия	1773,1	15,8
9	Швеция	1532,6	15,9
10	Австрия	1410,9	16,6
11	Греция	1246,5	11,4
12	Португалия	859,1	8,2
13	Ирландия	741,3	16,1
14	Польша	620,3	1,6
15	Дания	569,6	10,1
16	Хорватия	568,7	13,4
17	Венгрия	447,0	4,5
18	Чехия	396,2	3,8
19	Финляндия	297,8	5,5
20	Латвия	271,1	13,5
21	Люксембург	237,8	43,3
22	Словения	235,3	11,4
23	Румыния	211,2	1,1
24	Эстония	196,6	14,9
25	Кипр	191,6	22,3
26	Словакия	174,9	3,2
27	Литва	137,4	4,7
28	Болгария	109,2	1,5
29	Мальта	40,2	9,4

Источник: Migration and migrant population statistics. — ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/

Миграционный всплеск последнего времени, вызванный стремлением миллионов людей из зон экономической бедности или повышенной конфликтности переселиться в более успешные, богатые и «спокойные» государства, продемонстрировал неготовность Евросоюза дать эффективный институциональный ответ на этот вызов. Переселенцы (как легальные, так и нелегальные) стали угрожать сохранению таких широко разрекламированных концепций стран ЕС, как права человека, свобода передвижений и выбора места жительства, мультикультурализм, политкорректность и толерантность. Это привело к беспрецедентному кризису самих основ европейской миграционной политики, породило разногласия среди членов Евросоюза. По мнению французского философа и журналиста Бернара-Анри Леви, кризис в странах ЕС, вызванный небывалым «нашествием» иммигрантов и беженцев, способен «похоронить великую и прекрасную европейскую мечту» [Levy].

Анализируя сложную политическую ситуацию, вызванную проблемой беженцев, европейские эксперты обращают внимание на не слишком эффективную реакцию Брюсселя. Причин тому много, среди них — рост влияния правого популизма, приверженцы которого относятся к иммигрантам резко негативно. На таких позициях стоят политические организации, пользующиеся массовой поддержкой и серьезным влиянием по крайней мере в 12 европейских странах, в большинстве своем членах Евросоюза: Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Италии, Нидерландах, Норвегии, Польше, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции. Прессинг со стороны правых популистов нередко парализует согласованные действия лидеров ЕС.

Проблема имеет еще одно измерение. Дело в том, что волны беженцев, среди которых оказалось немало экстремистски настроенных элементов, принесли в Европу не только трудности финансово-экономического, социально-культурного и политико-дипломатического характера, но и угрозу «возгонки» насилия и террора. В этом, в частности, главная причина того, что затрещал по швам режим Шенгена — одно из достижений интеграции, знаковый и наиболее популярный результат функционирования Евросоюза.

Таким образом, миграционные проблемы должны рассматриваться комплексно. С одной стороны, это вызов исторически сложившемуся культурно-цивилизационному укладу европейской жизни, все более реальная угроза основам экономической и политической интеграции в рамках Евросоюза. С другой — вынужденная (и, видимо, неизбежная) плата за дополнительные человеческие ресурсы.

Катастрофических масштабов проблема беженцев достигла в связи с эскалацией вооруженного конфликта в Сирии и подлинным разгулом международного терроризма в этой стране. По оценке Агентства ООН по делам беженцев, если в 2008 г. в Европу прибыло порядка 59 тыс. нелегальных мигрантов, то в 2015 г. их число превысило 1 млн человек. Как отмечал известный французский политолог алжирского происхождения Сами Наир, кризис сирийских беженцев стал «самой значительной гуманитарной трагедией, с которой столкнулась Европа после Второй мировой войны», и подлинной «этической катастрофой» [Naïr].

Основные потоки сирийцев (и не только их) направлялись в Европу через территорию Турции, где многие беженцы задерживались и размещались в местах (лагерях) временного содержания. Часть находила возможность переправляться в Грецию. Именно эта страна, переживающая сильнейшие кризисные потрясения и крайне ослабленная в финансово-экономическом отношении, превратилась в главный европейский перевалочный пункт, откуда мигранты «прорывались» в более благополучные государства-члены Евросоюза.

Начиная с ноября 2015 г. лидеры стран ЕС уделяли повышенное внимание поиску путей урегулирования миграционной проблемы, понимая, что ключ к ее решению находится в руках турецких властей. Потребовались системные бюрократические усилия, чтобы наладить диалог Брюссель — Анкара, в ходе которого каждая из сторон преследовала свои цели. Если европейские лидеры рассчитывали использовать Турцию в качестве заслона от проникновения в Евросоюз нелегальных мигрантов, то турецкое правительство ставило перед собой амбициозные политико-экономические задачи. Данное обстоятельство в полной мере сказалось на результатах турецко-европейских переговоров, завершившихся 18–19 марта текущего года, когда состоялся очередной саммит Евросоюза, полностью посвященный окончательной «шлифовке» договоренностей между Брюсселем и Анкарой. Стороны выработали весьма сложную (если не сказать запутанную) формулу разрешения миграционного кризиса. Не случайно в редакционной статье газеты «El País» это соглашение было названо «сделанным на скорую руку и спустя рукава». Кроме того, стороны одобрили «дорожную карту» взаимодействия ЕС и Турции на других направлениях, представляющих приоритетный интерес для турецкого руководства [EU and Turkey...].

В тексте подписанного на саммите соглашения указывалось, что нелегальные мигранты, прибывающие в Грецию через Турцию, будут (после соответствующих процедур установления личности) возвращаться обратно на турецкую территорию. Со своей стороны, страны Евросоюза примут аналогичное число сирийцев, проходящих легальные миграционные процедуры. В период до 2018 г. ЕС выделит Турции до 6 млрд евро на содержание беженцев, находящихся на турецкой территории. Одновременно Брюссель пошел навстречу ряду требований Анкары, не относящихся к проблеме беженцев. В частности, было дано обещание до конца июня 2016 г. осуществить либерализацию визового режима Евросоюза для турецких граждан и «открыть новую главу» в насчитывающем десятилетия переговорном процессе о вступлении Турции в ЕС.

Получается, что в связи с сирийскими беженцами Евросоюз в известной мере оказался в «турецкой ловушке», попал в зависимость от Анкары в деле урегулирования до предела обострившихся миграционных проблем, фактически стал заложником политики президента Реджепа Эрдогана. По существу, в обмен на согласие турецкого руководства принимать высылаемых из стран-членов ЕС сирийских «нелегалов» Брюссель не только выразил готовность профинансировать эту операцию и возобновить процесс присоединения Турции к ЕС, но и предоставил Анкаре карт-бланш в проведении откровенно репрессивной внутренней политики. Как отмечалось в редакционной статье влиятельной испанской газеты «El País», турецкие власти осуществляют «действия,

совершенно несовместимые с любой системой, считающейся демократической». И далее: «Европейский союз нуждается в Турции, но это не означает, что нужно закрывать глаза на поведение, которое противоречит принципам ЕС» [Preocupante...].

Реалистически оценивая свою ключевую роль в преодолении миграционного кризиса, Анкара не остается в долгу. Р. Эрдоган не полез за словом в карман и сравнил политику Евросоюза на Ближнем Востоке с «танцами на минном поле», дав понять, что турецкие власти продолжают линию на «выбивание» новых финансовых и политических уступок со стороны Брюсселя.

Выход из Евросоюза: Grexit, Vrexit и ... Frexit?

Еще одним последствием финансово-экономического кризиса явилось усиление противоречий между отдельными государствами внутри Европейского союза. Первоначально особую остроту приобрел «греческий вопрос». В стране сократился объем ВВП, упал экспорт, резко снизился уровень производственных инвестиций частного сектора, что отрицательно сказалось на предпринимательской деятельности и повлекло за собой повышение безработицы (табл. 3). Хозяйственный провал усугубил состояние финансового неравновесия: резко возрос бюджетный дефицит (до рекордных 15,4% ВВП в 2009 г.), Греция оказалась в тисках долгового кризиса [См.: Яковлев. 26.08.2011]. Именно долговая проблема, а точнее — угроза дефолта (неспособность властей выполнять обязательства по обслуживанию стремительно растущей государственной задолженности) выдвинулась в центр охвативших Грецию драматических событий, хорошо известных по многочисленным сообщениям мировых СМИ. Встал вопрос о возможном выходе Греции из зоны евро (так называемый Grexit — Greese exit).

Таблица 3

Греция: макроэкономические показатели в период кризиса

Показатель	2008	2009	2010
ВВП, млрд евро	236,9	235,0	230,2
Экспорт товаров и услуг, млрд евро	55,5	44,3	48,2
Дефицит бюджета, % ВВП	-9,8	-15,4	-10,5
Бизнес-инвестиции, % ВВП	15,5	14,1	11,9
Госдолг, млрд евро	262,3	298,7	328,6
Госдолг, % ВВП	110,7	127,1	142,8
Безработица, %	7,7	9,5	12,6

Источник: Eurostat. – <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/>

Финансовое бессилие официальных Афин вызвало в Евросоюзе и Еврогруппе (включает в себя министров финансов зоны евро) вполне обоснованные опасения, что греческий детонатор может запустить процесс распространения долгового кризиса на другие проблемные (уязвимые) страны и в конечном счете взорвет зону евро. Это стало главной причиной той беспрецедентной по масштабам помощи, которую Брюссель

(после острых дискуссий и жарких споров) оказал Греции. С мая 2010 по август 2015 г. были согласованы три пакета финансовой поддержки на общую сумму свыше 300 млрд евро [Financial assistance...]. Только благодаря столь значительному финансовому вливанию Grexit не состоялся, но экономическое и политическое положение Греции в Евросоюзе остается весьма шатким.

В 2014–2015 гг. в фокусе внимания оказались торгово-экономические и международно-политические последствия возможного выхода из Евросоюза Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — Brexit (Britain exit).

Кратко напомним историю отношения Лондона к европейской интеграции. В 1957 г., когда возникло Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) — предтеча Евросоюза, Великобритания отказалась к нему присоединиться, поскольку считала, что оно не имело торгово-экономических перспектив. В то время британские власти и бизнес-сообщество делали ставку на расширение связей с США — главной мировой финансово-экономической силой — и членами Содружества.

В 1960 г. Лондон инициировал создание Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), к которой первоначально присоединились Австрия, Дания, Норвегия, Португалия, Швейцария и Швеция. Тем самым Великобритания предприняла попытку создать собственную систему торгово-экономического влияния и конкурировать с Берлином и Парижем за ведущую роль в Европе. Но британским планам не суждено было реализоваться. Перед лицом динамичного роста экономик Германии, Франции, Италии и укрепления позиций ЕЭС в целом Лондону не оставалось ничего иного, как выйти из ЕАСТ (1972 г.) и в 1973 г. самому вступить в Сообщество.

Правда, с первых лет пребывания в ЕЭС Великобритания стремилась сохранить максимально возможную самостоятельность в значимых экономических и политических вопросах, на отдельных направлениях фактически затрудняя продвижение интеграции и ограничивая сферу ее действия. В частности, страна не присоединилась к важнейшим интеграционным проектам: Шенгенскому соглашению (1995 г.) об отмене визового контроля на общих границах и введению единой европейской валюты — евро (1999 г.). 2 марта 2012 г. Лондон на саммите ЕС отказался подписать так называемый Бюджетный пакт, пролоббированный Берлином и Парижем и вводивший строгие правила финансовой дисциплины.

Как видим, у Великобритании неоднократно возникали разногласия с партнерами по Евросоюзу. Они подогревались наличием в Соединенном Королевстве влиятельных политических и общественных сил, выступавших (и выступающих) против участия страны в ЕС на том основании, что это ограничивает национальный суверенитет и сопряжено с дополнительными финансовыми расходами. Аргументов британским «евроскептикам» добавили турбулентные события, порожденные кризисом 2008–2009 гг., стратегическими ошибками, допущенными Брюсселем в процессе расширения границ интеграционного объединения, и другими проблемами, лихорадившими Евросоюз.

Своего апогея движение за Brexit достигло после европейских парламентских выборов 2014 г., принесших успех британским «евроскептикам» и непримиримым противникам нахождения страны в Евросоюзе, одним из главных лидеров которых стал влиятельный мэр Лондона Борис Джонсон. Консервативное правительство под руководством Дэвида Камерона оказалось под их сильным давлением и было вынуждено назначить на 23 июня 2016 г. референдум по вопросу членства Соединенного Королевства в Евросоюзе. Кабинет тори воспользовался ситуацией, чтобы выторговать у европейских партнеров особые условия участия Великобритании в ЕС и тем самым понизить градус внутривнутриполитического противостояния по данному вопросу.

В ноябре 2015 г. Д. Кэмерон направил председателю Европейского совета Дональду Туску послание, содержавшее британские предложения по реформированию Евросоюза, выполнение которых создавало условия для продолжения членства Великобритании в ЕС. О чем шла речь?

В экономической сфере Лондон ставил вопрос об укреплении своего финансового суверенитета и требовал для себя права не участвовать в организуемых Европейским центральным банком совместных операциях по спасению евро. В политическом отношении Д. Кэмерон предлагал освободить Соединенное Королевство от обязательства участвовать в процессе дальнейшего сближения стран-членов ЕС для создания европейского супергосударства. Одновременно высказывалась идея об усилении роли национальных парламентов (по сути, в ущерб Европейскому парламенту) в политической жизни Евросоюза. В частности, Лондон потребовал наделить национальные парламенты правом отвергать директивы ЕС по изменению действующего законодательства. Для снятия остроты миграционных проблем британский лидер считал необходимым ввести правило, по которому мигранты из государств Евросоюза, приезжающие работать в Великобританию, в течение четырех лет не имеют права на получение пособия.

Условия, выдвинутые Д. Кэмероном, обсуждались в ЕС на разных саммитах, в том числе на саммите в декабре 2015 г., где большинство европейских лидеров, опасаясь непредсказуемых последствий Brexit, высказались за договоренность с Лондоном. 19 февраля 2016 г. после 40-часового переговорного марафона на очередном саммите Евросоюза было подписано соглашение об условиях дальнейшего британского участия в европейской интеграции, которое достаточно полно учло основные требования Великобритании. Стремясь сохранить политическое лицо, Д. Туск прокомментировал итоги саммита в том ключе, что достигнутое соглашение «отвечает всем обеспокоенностям Лондона, но в то же время не затрагивает фундаментальные ценности ЕС» [Великобритания добилась...].

Отстаивая специфические интересы Лондона на переговорах с Брюсселем, Д. Кэмерон в то же время выступил сторонником сохранения британского членства в Европейском союзе и приложил немалые усилия к тому, чтобы убедить в этом своих сограждан. По итогам февральского саммита премьер-министр выступил в популярной газете «The Telegraph» со статьей, где заявил, что Brexit «станет величайшей

авантюрой столетия» [David Cameron...]. Аргументируя эту позицию, автор указал на стратегические риски, ожидающие Великобританию в случае выхода из Евросоюза. В их числе: эрозия присутствия британских корпораций и банков на едином европейском рынке товаров и услуг; снижение интереса к Соединенному Королевству со стороны государств, не входящих в ЕС, но стремящихся к заключению с Брюсселем соглашений о сотрудничестве; общее ослабление международных позиций Лондона перед лицом глобальных вызовов, ответ на которые требует согласованных действий.

Своим выступлением в прессе Д. Кэмерон дал старт новому витку внутривнутриполитической борьбы по вопросу членства в Евросоюзе, уже с прицелом на референдум 23 июня 2016 г. Опросы общественного мнения показали, что британское общество расколото практически пополам: в конце марта текущего года 49% респондентов выступали за выход из ЕС, а 51% — против [EU referendum...]. Трещина прошла через все слои британского социума, включая местное бизнес-сообщество. Если часть деловых кругов решительно противится Brexit, то другие не менее настойчиво требуют выхода из Евросоюза. Не обошлось и без скандалов. Организация «Vote Leave» («Голосуй за выход») опубликовала список 250 видных предпринимателей — сторонников Brexit, но часть из них немедленно выступили с опровержением [Duke, Shipman]. В оставшиеся до референдума месяцы правительству консерваторов предстоит приложить немалые усилия, чтобы добиться поддержки своей позиции и отстоять членство страны в ЕС.

Следует заметить, что в государствах континентальной Европы далеко не все политики и эксперты однозначно высказываются в пользу сохранения Соединенного Королевства в составе Евросоюза. Конечно, большинство политического истеблишмента заинтересовано в участии Лондона в интеграционных процессах. На долю Великобритании приходится порядка 13% населения Евросоюза и 17% совокупного экономического потенциала. Она является одним из основных нетто-плательщиков в бюджет ЕС (13 млрд фунтов стерлингов в год). Нельзя сбрасывать со счетов и возможный «эффект домино» — Brexit способен потянуть за собой и другие страны.

Но нет недостатка и в остро критических оценках британской коммуитарной политики. В качестве характерного примера сошлемся на мнение известного испанского ученого-юриста Антонио Коломера Виаделя. Он указывает на преимущественно «потребительский» подход Лондона к участию в европейской интеграции, по формуле «минимум обязанностей и максимум прав». Добиваясь для себя особого статуса, пишет исследователь, «высокомерный Альбион» фактически подрывает институциональное единство государств ЕС, блокирует проведение реформ и углубление процесса интеграции, являет собой «политический кинжал, нацеленный на Европу» [Colomer].

Между тем будущее Евросоюза зависит не только от судьбы референдума в Великобритании. Существуют и другие опасности. Тугой узел проблем может завязаться в случае победы М. Ле Пен на президентских выборах во Франции в апреле 2017 г.

При этом, считают многие эксперты, вполне возможны действия Парижа, направленные как минимум на выход страны из зоны евро (France exit — Frexit). Как отмечал главный экономист компании «Oddo Securities» Бруно Кавальер, концепция Frexit является «одним из столпов» экономического раздела предвыборной программы «Front National» [Cavalier]. Представители партии считают, что отказ от евро и возвращение к франку существенно повысит конкурентоспособность французской промышленности и придаст импульс экономическому росту. По мнению лидера «Front National», идея евро как единой валюты провалилась, а потому эксперимент с евро пора заканчивать и вернуть странам финансовый суверенитет. Конструкцию под названием еврозона, утверждает М. Ле Пен, необходимо разобрать так же спокойно, как она и создавалась [Конт].

Результаты февральского (2016 г.) саммита ЕС показали, что на текущий момент евробюрократии Брюсселя и правящим элитам ведущих государств Евросоюза удалось договориться с Лондоном и снизить шансы на выход из объединения одного из его крупнейших членов — Великобритании. И хотя последнее слово остается за британскими гражданами, лидеры Евросоюза сумели отсрочить дезинтеграцию с плохо предсказуемыми финансово-экономическими и геополитическими последствиями. В то же время подтвердилась позиция Лондона, отвергающего франко-германские планы максимального политического единения членов ЕС. «Британия, — подчеркнул Д. Кэмерон, — никогда не станет частью европейского супергосударства и не будет участвовать в интеграционном процессе, который неотвратимо приведет к образованию такого государства» [PM speech...].

Трудно не увидеть в таком подходе продолжение традиционной британской линии на фактическое переформатирование системы Евросоюза и изменение глубинного смысла всего процесса европейской интеграции.

* * *

Можно констатировать, что Европейский союз как никогда прежде подвергается испытанию на прочность, проходит своего рода тест на разрыв. Не успевает разрешиться одна кризисная ситуация, как уже возникает другая, и все это происходит на фоне сохраняющегося финансового и долгового напряжения, а главное — вялого экономического роста, в отдельных странах периодически сменяющегося рецессией.

В стремлении «разрулить» конфликтные ситуации один саммит ЕС следует за другим, их участники заседают ночами, вырабатывают резолюции и соглашения, подписывают пространные документы. Но чем больше принимается «правильных» решений, тем больше возникает «неправильных» проблем, требующих удвоенных дипломатических усилий, новых подходов и согласований. Все это наводит на мысль о системных сбоях в функционировании институтов Евросоюза.

Литература:

- Вайнштейн Г.* Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 8.
- Великобритания добилась особого статуса в ЕС // *Вести*. 20.02.2016. URL: vestifinance.ru/articles/67751 (дата обращения: 04.04.2016)
- Конт В.* Евро конец: Grexit, Brexit и ... Frexit // fortrader.org. 25.06.2015. — fortrader.org/fundamental/kurs-euro-prognoz/evro-koniec-grexit-brexit-i-frexit.html (дата обращения: 04.04.2016)
- Прорыв справа: новый состав Европарламента // *РИА Новости*. 02.06.2014. URL: ria.ru/infografika/20140602/1009967976.html (дата обращения: 04.04.2016)
- Яковлев П.П.* Европейский союз после парламентских выборов: суровые реалии «новой нормы» // Портал «Перспективы». 03.07.2014. URL: perspektivy.info/oykumena/europe/jevropeskij-sojuz-posle-parlamentskih-vyborov-surovyje-realii-novoj-normy_2014-07-03.htm (дата обращения: 04.04.2016)
- Яковлев П.П.* Зона евро: испытание кризисом // Портал «Перспективы». 26.08.2011. URL: perspektivy.info/oykumena/ekdom/zona_jevro_issyvaniye_krizisom_2011-08-26.htm (дата обращения: 04.04.2016)
- Яковлев П.П.* Стратегические повороты экономической политики Португалии // *Латинская Америка*. 2014. № 8.
- Anti-EU and protest parties across Europe on course to win almost a third of all seats in new European Parliament // *Open Europe*. 26.05.2014. URL: archive.openeurope.org.uk/Article/Page/en/LIVE?id=20114&page=FlashAnalysis (date of access: 04.04.2016)
- Bilateral trade between European Union (EU 28) and China // *ITC*. URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx (date of access: 04.04.2016)
- Brussels Attacks Tear at the Fabric of the European Union // *Stratfor*. 022.03.2016. URL: stratfor.com/analysis/brussels-attacks-tear-fabric-european-union (date of access: 04.04.2016)
- Buras P.* View from Warsaw: Keeping a low profile. 17th March, 2016 // *European Council of Foreign Relations*. URL: ecfr.eu/profile/C236 (date of access: 04.04.2016)
- Cavalier Bruno.* Frexit...by any other name // *Investment Europe*. 17.02.2016. URL: investmenteurope.net/opinion/frexit-by-any-other-name/ (date of access: 04.04.2016)
- Colomer Viadel A.* La permanencia del Reino Unido en la UE reformada. La verdadera puntilla política a Europa // *La hora ade mañana*. 07.03.2016. URL: lahorade.es/tena/lahorade_33/web/detalle_noticia.asp?id_noticia=316 (fecha de trata: 04.04.2016)
- David Cameron: Brexit would be 'gamble of the century' // *The Telegraph*. 27.02.2016. URL: telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/12176325/David-Cameron-Brexit-would-be-gamble-of-the-century.html (date of access: 04.04.2016)
- Duke Simon, Shipman Tim.* Brexit's big business list backfires // *The Sunday Times*. 27.03.2016. URL: thesundaytimes.co.uk/sto/news/uk_news/article1682516.ece (date of access: 04.04.2016)
- EU and Turkey agree European response to refugee crisis // *European Commission*. 19.03.2016. URL: ec.europa.eu/news/2016/03/20160319_en.htm (date of access: 04.04.2016)
- EU referendum poll tracker and odds // // *The Telegraph*. 25.03.2016. URL: telegraph.co.uk/news/2016/03/23/eu-referendum-poll-tracker-and-odds/ (date of access: 04.04.2016)
- European Comission.* Demography Report. Luxembourg, 2015.
- Financial assistance to Greece // *Economic and Financial Affairs*. URL: ec.europa.eu/economy_finance/assistance_eu_ms/greek_loan_facility/index_en.htm (date of access: 04.04.2016)

Golpe de timón // El País. 27.03.2016.

Levy Bernard-Henri. SOS Europa // El País. 07.03.2016.

Llosa Mario Vargas. Decadencia de Occidente // El País. 01.06.2014.

Nair Sami. El desastre ético de Europa // El País. 04.03.2016.

Piketty Thomas. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge — London. 2014.

PM speech at O2 on the EU referendum // GOV.uk. 23.02.2016. URL: gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-o2-on-the-eu-referendum-23-february-2016. (date of access: 04.04.2016)

Preocupante deriva turca // El País, 10.03.2016.

UK European election results // BBC. URL: bbc.com/news/events/vote2014/eu-uk-results (date of access: 04.04.2016)

УДК 008;327

НАТАЛЬЯ ЕМЕЛЬЯНОВА

Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы

Аннотация. *Индия, вслед за Китаем, стремится выстроить самостоятельную стратегию гуманитарного влияния посредством использования ресурсов «мягкой силы». Однако на ее имидже отражаются многочисленные проблемы, стоящие перед страной, что не всегда можно списать исключительно на «ориенталистские» стереотипы. В статье рассматриваются социокультурные основы индийского потенциала «мягкой силы». Оцениваются имиджевые технологии и ресурсы страны в этой сфере.*

Ключевые слова: *Внешняя политика Индии, «мягкая сила», ненасилие, региональная конкуренция в АТР, индийская диаспора, медийная индустрия Индии.*

Обращение к «мягкой силе» в Азии

Сложность и неоднозначность современных международных отношений характеризуется двойственностью стратегий по выстраиванию системы доминирования того или иного государства на международной арене. С одной стороны, основные усилия многих государств сосредоточены на росте военной мощи и экономического могущества; с другой, все активнее проявляется стремление использовать новые возможности по расширению собственного ценностно-культурного пространства.

Первая тенденция в определенной степени обусловлена ослаблением международных институций, регулирующих экономические и политические процессы. В условиях недостаточных гарантий равнозначной субъектности в мировой политике государства усиливают меры по защите суверенитета собственными силами, используя в корректировке действий других акторов международной политики проверенные инструменты «жесткого» воздействия.

Вторая тенденция связана с появлением сильных негосударственных акторов международного процесса и тектоническими сдвигами, происходящими в информационной реальности. В последней можно выделить два аспекта: во-первых, своеобразную инфраструктурную трансформацию (совокупность новых технологий ускоренной передачи информации, в том числе в рамках работы современных СМИ); во-вторых — особый содержательный контекст (качественное смысловое наполнение), основанный на

Сведения об авторе: ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Николаевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук; nata.emelyanova86@gmail.com.

увеличивающемся влиянии нематериальных активов, образов, визуализацией, смыслов и ценностей, способных оказывать воздействие на наше мироощущение и понимание.

Таким образом, традиционная трактовка «силы»¹ в международных отношениях — через военную мощь и экономическое могущество — расширяется, включая в себя культурное и ценностное обаяние. Поэтому в современном мире, наряду с экономическими показателями и разработками новых видов вооружений, отдельным направлением глобальной конкуренции стали ценности и модели развития.

Этот факт отмечается и в обновленном варианте Концепции национальной безопасности России, утвержденной 31 декабря 2015 года [Указ Президента...]. Полноценное могущество государства невозможно без обращения к сложному феномену «мягкой силы».

Индийский политический эксперт Джасвант Сингх (в прошлом крупный государственный деятель: экс-министр финансов, экс-министр иностранных дел и экс-министр обороны Индии) полагает, что Япония, Китай и Индия открыто вступают в большую игру за статус главной супердержавы Азии. По его мнению, «хотя мировая пресса продолжает пестрить заголовками на тему сохраняющейся напряженности в японо-китайских отношениях, динамика соотношения сил в Азии в перспективе ближайшего десятилетия, по всей видимости, будет определяться стратегическим противостоянием Китая и Индии» [Сингх]. Джасвант Сингх главным образом говорит о противостоянии, перерастающем в принятие и реализацию более жесткой стратегии национальной безопасности. Но аналогичным образом можно представить и «битву за сердца людей», которая также определяется неоднозначными двусторонними отношениями Китая и Индии.

Ключевая роль, которую сыграли технологии «мягкой силы» в советско-американской идеологической борьбе, является сверхценной идеей для китайской элиты. Тем более что в этом преломлении «мягкая сила» тесным образом переплетается с идеей «мирной эволюции» коммунистических (в более широкой трактовке — всех недемократических) режимов [Shambaugh, p. 74–75]. Вот почему со второй половины 1990-х годов КНР инициировала борьбу за «guan shili» (как именуют «мягкую силу» в Поднебесной) в современной Азии.

Реакция Индии на действия КНР в области «guan shili», стремление расширить свое «мягкое обаяние» привело к важным институциональным изменениям в целях усиления гуманитарного воздействия в мире. В 2006 г. в Министерстве иностранных дел Индии был сформирован *Отдел по вопросам публичной дипломатии* (аналогичная

¹ Для теоретиков структурного реализма, будь то представители «оптимистического» (Кеннет Уолтс, Роберт Джервис и др.) или «агрессивного» крыла (Джон Миршаймер, Роберт Гилпин и др.), основная категория мирового порядка — сила — включает в себя два компонента: военную мощь и экономическое могущество.

структура — Управление по делам публичной дипломатии — появилась в Китае двумя годами ранее). Кроме того, функции институтов, использующих культурные связи для интеграции в глобальное сообщество, выполняют модернизированные в течение 2000-х годов *Индийский совет по культурным отношениям* и *Индийский совет по международным отношениям при МИД Индии*. Отдельно следует упомянуть взаимодействие с экспатриантами и представителями диаспоры. Для этих целей было даже создано отдельное *Министерство Индии по делам зарубежья*.

Ценность «мягкой силы» для политического истеблишмента развивающихся стран определяется тремя основными моментами: 1) формированием своеобразных «заявок» на мегарегиональное лидерство — чтобы стать одним из полюсов принятия решений в современном глобальном мире; 2) желанием с ее помощью снизить градус напряженности в случаях, когда межгосударственные взаимодействия грозят перерасти в реальные конфронтации; 3) стремлением «сохранить лицо»: это стремление тесно переплетено с проблемами национальной идентичности, желанием обозначить и объяснить свою уникальность, очертить «невидимые границы» в мире, где реальные границы становятся все более условными.

Осознавая определенную уязвимость политической системы Китая и связанную с ней «китайскую угрозу», индийские специалисты играют на контрасте: акцент делается на приверженность Индии демократическим идеалам. В пик китайской «*guan shili*» выстраивается образ благородного гегемона — самой большой в мире незападной демократии (по численности населения), готовой к революционным прорывам в области экономического развития.

«Мягкая сила» в стратегиях индийского лидерства

Особую роль в политике «мягкой силы» играют концептуальные основы мирного развития, которые может предложить страна. Индия как родина ненасильственной политики ассоциируется с образом Махатмы Ганди и его идеями, которые остаются актуальными и востребованными.

Сама идея ненасилия (*ахимсы*) вполне традиционна для индийской культуры, поскольку имела огромное значение и в индуизме, и в буддизме, и в джайнизме. В последнем значение ахимсы особенно велико. Но именно «в руках Ганди особенности, которые когда-то казались элементом индийской уязвимости, внезапно оказались элементом индийской силы. Ганди совершил этот подвиг, используя нелинейную динамику национального самосознания» [Huymans, Jacques, p. 234–265].

«В основе священного послания, содержащегося в «Бхагавадгите», лежит *ahimsa parmo dharma* (санскрит), что означает принцип ненасилия в качестве главной обязанности каждого человека» [Andrews]. Традиционно этот принцип понимался как непричинение зла другим людям, неприменение силы в отношении к ним. Однако, по мнению Ганди, именно из-за такого буквального прочтения и понимания ахимсы утратила свою изначальную суть — отказ от применения насилия не только в физическом плане.

В этом смысле особенно интересно предложенное Ганди предельно широкое понимание насилия. Полагая, что каждый совершает насилие каждый день, Ганди выделял две его стороны: непосредственно физическое насилие (*physical violence*) и пассивное насилие (*passive violence*). Манифестацией физического насилия в мире являются войны, грабежи, убийства и т. п., поскольку применение физической силы здесь выступает необходимым условием. В пассивном же типе насилия нет непосредственного применения силы. Примерами его могут служить расизм и любая другая дискриминация, словесная обида и проч. В конечном итоге оно, «через гнев и ненависть, достигает своей наивысшей точки в физическом насилии» [Nanda, p. 264], что ведет к порочному кругу насилия на Земле.

Таким образом, концептуальные особенности индийской «мягкой силы» напрямую соотносятся с ахимсой как важнейшей идеей, выработанной философско-религиозной мыслью Индии. Несмотря на то, что политический выбор страны в большей степени склонялся к действиям в духе *real politique* и здоровому прагматизму, у Индии есть опыт инкорпорирования гандистских идеалов ненасилия во внешнюю политику. В частности, в 1954 г. правительством Джавахарлала Неру были выдвинуты пять принципов мирного сосуществования с Китаем — «панча шила» (взаимоуважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела, взаимная выгода и равенство, мирное сосуществование). Чуть позже гандистские идеалы моральной политики вместе с идеей Джавахарлала Неру о «Великой азиатской федерации» легли в основу движения неприсоединения, географически распространившегося и на африканский континент [Шаумян, 1989. с. 172–186]. На Бандунгской конференции 1955 г., объединившей 29 стран Азии и Африки, «панча шила» были дополнены еще пятью позициями, в основу которых легли максимальный отказ от проявления агрессии, скоординированные действия по борьбе с колониальным наследием и поиск новых форматов сотрудничества азиатско-африканских стран в постколониальный период. По сути, Индия была одним из главных государств, участвовавших в формировании альтернативных биполярному миру сценариев международных отношений, — несмотря на то, что полного обособления от военных блоков Варшавского Договора и НАТО не получилось. Индия, как известно, оказалась в орбите советского влияния.

В современной внешней политике Индии существует так называемая *Большая стратегия концентрических колец*, или концепция круга государств, в определенной степени воспроизводящая вполне традиционное для Индии рассмотрение взаимодействий государств через призму круговых орбит влияния.

Первый круг составляют соседние страны (Бутан, Непал, Бангладеш, Мальдивы, Мьянма), стабильность которых рассматривается как залог благополучия Индии. Соответственно, Дели настаивает на особом доминантном статусе в Южной Азии. Ко второму кругу относятся государства Азиатско-Тихоокеанского региона, формирующие орбиту расширенного соседства. Здесь Индия стремится ограничить дисбаланс сил, в первую очередь за счет сдерживания чрезмерного влияния других держав, главным образом Китая. Крайне чувствительной зоной для Дели во втором круге является аква-

тория Индийского океана. Третий круг включает в себя Евразию, а в ближайшей перспективе — весь остальной мир, в котором Индия стремится играть более активную роль как один из полюсов принятия решений глобального уровня.

Масштабное культурно-историческое наследие, без сомнения, обеспечивает конкурентное преимущество Индии в «битве за сердца людей». В двух первых кругах — соседних государств и стран расширенного соседства — это наследие идентифицируемо и понятно. В глобальном же контексте индийская культура, традиции и история вызывают интерес в силу необычности, уникальности при одновременной разнородности и разнохарактерности. Контрастность индийской культуры подчеркивается в различных брендинговых кампаниях.

Индийская «заявка» на глобальное лидерство в формате «имиджевой атаки» наиболее масштабно и открыто прозвучала в 2007 г. во время кампании «India@60», посвященной 60-летию независимости. К тому времени был успешно сформирован в странах присутствия национальный туристический бренд «Incredible India», креативные решения которого стали своеобразными трансляторами привлекательного образа современной Индии. Кампания проходила в Нью-Йорке с 23 по 26 сентября 2007 г. в рамках Генеральной ассамблеи ООН. Перед мировыми лидерами и представителями высших бизнес-кругов Индия предстала в ракурсе ее демократического и инновационного потенциала.

Потенциал Индии в XXI в. действительно высок. Второе по численности государство в мире с одним из самых «молодых» населений (доля граждан, не достигших 30 лет, приближается к 70%). Де-факто ядерная держава, рост ВВП которой достигается уско-

Рис 1. Логотип кампании «India@60» (Нью-Йорк, сентябрь 2007 г.)

ренным развитием сектора услуг и современных IT-технологий. Экспорт информационных технологий достигает до 14% в общем объеме национального экспорта в денежном выражении составляет от 84 до 87 млрд долл. в год. Индийская фармацевтическая промышленность производит четверть мировых лекарственных препаратов. А «укрепление военно-промышленного потенциала базируется на ускоренном прогрессе экономики и использовании современных информационных технологий для совершенствования вооружений» [Шаумян, 2013, с. 44–63].

В целом в экономической политике Индии последних десятилетий, в ее приоритетах и системе управления произошли сдвиги фундаментального характера, выразившиеся в движении от внутренне-ориентированной экономики к модели открытой экономики, функционирующей по законам глобализации. Этот экономический поворот явился результатом политики индийского руководства в условиях нового мироустройства после окончания холодной войны [Babu, p. 57]. По мнению видного индийского эксперта Раджи Мохана [C Raja Mohan...], ориентация на страны соцлагеря в годы холодной войны в определенной степени мешала осуществлению многовекторной внешней политики Индии. Теперь, когда нет биполярного противостояния, «Дели получил возможность пересмотреть свою внешнюю политику — подготовиться к соперничеству с возвышающимся Китаем, изменить стратегический подход к другим соседним странам и наладить тесное сотрудничество с великими мировыми державами» [Мохан].

В то же время индийский политический истеблишмент в своем стремлении быть независимым актором многополярного мира осознает «все еще огромные возможности США». Кроме того, у Дели есть понимание, что Индия не является великой державой: пока она только поднимающаяся сила. И в качестве таковой ей еще предстоит сделать ряд важных стратегических выборов во внешней политике [Indian Foreign Policy..., p. 9–10].

Формирование консенсуса в каждом из перечисленных стратегических колец Индии невозможно без развития ресурсов «мягкой силы», чему и должны способствовать соответствующие структуры. Главной целью работы Отдела по вопросам публичной дипломатии, Совета по культурным отношениям и Совета по международным отношениям названа «активизация большего понимания Индии, ее культуры и традиций, актуальных проблем ее внешней политики». В центре этих процессов находится обновленный и более активный концепт внешней политики, работающий со всеми концентрическими кольцами Индии.

Дипломатия «мягкого обаяния» Индии строится по двум основным направлениям: взаимодействия с индийской диаспорой и формирования медийных каналов коммуникаций.

«Индийский мир» индийской диаспоры

Важность диаспор в современном мире определяется тем, что они становятся отдельными акторами глобального процесса. Правильно выстроенная работа с представите-

лями диаспоры позволяет привлекать существенные финансовые и людские ресурсы для реализации крупных инвестиционных проектов. Кроме того, лучшие представители бывших соотечественников, не теряющие или возобновившие свои связи с родиной, способны быть хедлайнерами общественного мнения, участвуя в построении привлекательного образа государства. Таким образом, диаспора может рассматриваться как один из наиболее значимых проводников «мягкой силы».

Самая большая по численности в мире диаспора — китайская (хуацяо), которая насчитывает более 40 млн человек. Представители хуацяо расселились практически по всему миру, проживая в 154 странах [Анохина Китайские диаспоры..., с. 62–65]. Следует отметить, что в Китае по традиции в целом крайне лояльно относятся к хуацяо: экспатрианты и их потомки рассматриваются как полноценные жители страны, в силу сложных обстоятельств оторванные от родины. Подобное отношение, без сомнения, способствует укреплению связей страны с диаспорой. Вклад хуацяо в экономический подъем Поднебесной сложно переоценить. В последнее десятилетие взаимодействие с хуацяо усилилось, хотя системная работа на официальном уровне проводится несколькими государственными учреждениями уже более трех десятилетий [Анохина Система организации..., с. 65–68].

На рис. 2 представлены данные портала economist.com (The Economist Online) за 2011 г. по китайской и индийской диаспорам в разных странах.

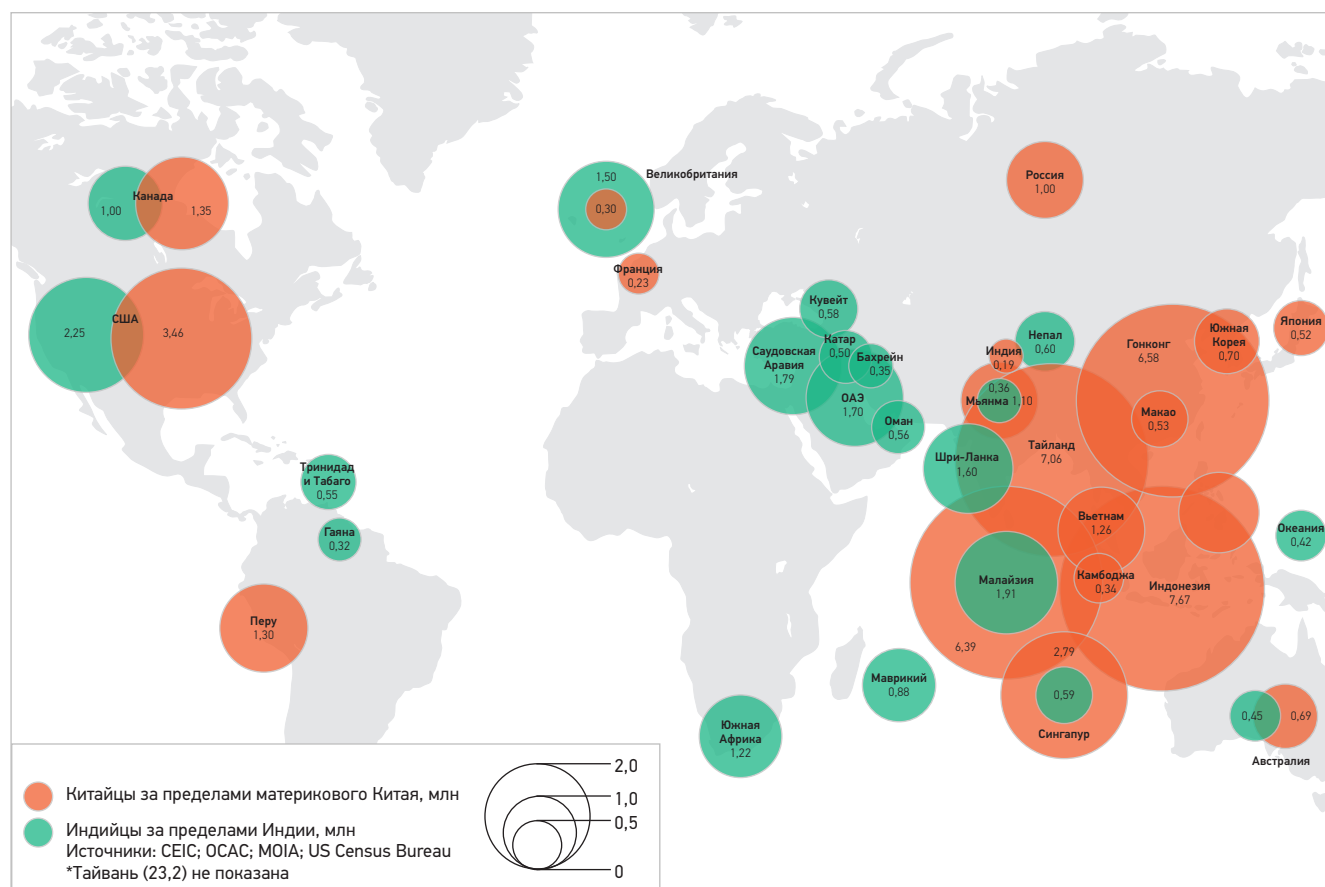

Рис 2. Топ-20 стран по концентрации китайской и индийской диаспор, млн чел.

Потенциал индийской диаспоры как источника и проводника индийской «мягкой силы» не менее высок, чем аналогичные возможности хуацяо.

По данным правительства Индии на январь 2015 г., общее количество индийцев за рубежом составляло 28 млн 400 тыс. человек. Из них: 11 млн 380 тыс. — мигранты; 17 млн. 075 тыс. — граждане других стран с индийскими корнями. Являясь второй по численности в мире после китайской, индийская диаспора рассредоточена по 206 странам. К государствам с наибольшим количеством мигрантов и экспатриантов индийского происхождения относятся США (4 455 909 человек), Саудовская Аравия (2 800 013), Малайзия (2 150 000), Мьянма (2 005 576), ОАЭ (2 002), Англия (1 825 000), ЮАР (1 550 000), Канада (1 016 185 человек). Для сравнения, в России проживает 15 630 индийцев [Population...].

С 2004 г. вопросы взаимодействия с индийской диаспорой разных стран курировало Министерство Индии по делам зарубежья (Ministry of Overseas Indian Affairs). Задачи, которые оно было призвано решать, соотносятся с особенностями положения индийских мигрантов и экспатриантов в той или иной стране. К примеру, предоставление временного проживания, оказание медицинской помощи и юридической поддержки в соблюдении прав важны для трудовых мигрантов из Индии, которых много в ОАЭ, Саудовской Аравии, ЮАР и др. Так, в ОАЭ действует отдельная программа по упрощенному оформлению документации для возвращения на родину. Министерством также реализовывалась программа «Узнай Индию» («Know India»), которая способствовала ориентированию молодежи индийского происхождения от 18 до 26 лет. В 2008 г. была организована служба «Найди свои корни» («Tracing your roots»), с помощью онлайн-технологий позволяющая экспатриантам находить родственников, проживающих в Индии.

Указанные функции с января 2016 г. продолжают осуществляться подразделением МИД Индии [Ministry of Overseas...]. Важной задачей теперь уже Отдела по делам зарубежья также является информирование о достижениях в развитии независимой Индии экспатриантов, их потомков, в целом всех лиц, интересующихся страной. Площадкой для этого является совместная с Конфедерацией индийской промышленности инициатива «Дни индийцев за рубежом» (Pravasi Bharatiya Divas), которая объединяет лучших представителей диаспоры: ученых, деятелей культуры, бизнесменов, политиков.

Индийские общины в разных странах мира — результат нескольких волн миграции, имевшей место в течение нескольких столетий по разным причинам, от желания заработать до освоения новых земель. Уделом многих поколений индийцев, уезжавших из страны, были нелегкие испытания и тяжелый труд.

Начиная с 1990-х годов появляется понятие «новая диаспора», которое включает в себя профессионалов высокого и среднего уровня (профессоров, врачей, программистов, управленцев). Индийская диаспора в развитых странах считается одной из наиболее успешных. «Члены индийской зарубежной диаспоры <...> отличаются высокими доходами, высоким образовательным уровнем, заметной ролью в научно-технической

сфере в странах расселения, политическим и общественным влиянием» [Ивашенцов]. При этом индийцы неплохо ассимилируются. Несмотря на выраженную полиэтничность и разбросанность по множеству стран, мобилизационные возможности индийской диаспоры высоки. «Индийский мир» и его сохранение представляют ценность даже для идеально ассимилировавшихся под политический и экономический уклад новой родины индийцев. Осевшие за рубежом помогают родственникам, стараются не создавать смешанных браков. Денежные переводы родным и близким, оставшимся в Индии, достигают 70 млрд долларов в год, что составляет порядка 3,5% ВВП Индии, превышая объем прямых инвестиций [Ивашенцов].

О готовности представителей «новой диаспоры» воспринимать бывшую родину в позитивном ключе говорят осенние турне премьер-министра Индии Нарендры Моди в США и Великобританию в 2014 и 2015 гг. В Нью-Йорке и Лондоне его выступления собирали многотысячные залы из граждан с индийскими корнями, поддерживающих «атмосферу энтузиазма», которая, по словам Моди, появилась сейчас в Индии.

Рис 3. Нарендра Моди в Мэдисон Сквер Гарден в Нью-Йорке, 28.09.2014 г.

Фото Reuters

Отдельные надежды Индия связывает с «новой диаспорой» в США, в том числе в рамках реализации амбициозной программы по модернизации индийской экономики «Make in India». Граждане США с индийскими корнями становились губернаторами штатов (например, Никки Хали в Южной Каролине), заседают в Конгрессе США (Тулси Габбард, ставшая членом Палаты представителей США от Гавайских островов), работали и работают на высоких должностях в транснациональных корпорациях, базирующихся в США (таких как MasterCard, Google, Microsoft, Adobe Systems, PepsiCo и др.).

В 2013 г. самой красивой женщиной в конкурсе «Мисс Америка» была признана начинающий врач с индийскими корнями Нина Давулури.

В США развиты различные ассоциации граждан с индийскими корнями. 65 из 291 ассоциаций индийцев, живущих за рубежом, находятся в США. Среди них: Сеть профессионалов индийского происхождения, Союз индийских врачей, Американская ассоциация физиков индийского происхождения (AAPF), Ассоциация индийских профессионалов Силиконовой долины (SIPA) [List of Overseas...]. Такие ассоциации при необходимости могут выступать как лоббистские институты.

Индийская медийная стратегия в глобальном контексте

Среди наиболее крупных медиахолдингов Индии по объемам рыночной капитализации выделяются Zee Entertainment, Sun TV Network, Dish TV, TV 18 Broadcast, DB Corp, JagranPrakashan, PVR, Hathway Cable, Siti Cable, INOX Leisure, Hindustan Media и др.

Самая высокая капитализация у Zee Entertainment — 37 447 крор¹ рупий (или 3 млрд 744 млн 700 тыс. долл.), капитализация второй по объемам компании Sun TV Network существенно ниже — 13 536 крор рупий (или 1 млрд 345 млн 900 тыс. долл.) [Top Companies...]. Для сравнения, капитализация немецкого медийного конгломерата Bertelsmann SE & Co. KGaA в 2012 г. составила 21 млрд долл., аналогичный показатель американской CBS, по разным данным, доходил до 14 млрд долл. [Milord]

В отличие от китайской, медийная индустрия Индии сконцентрирована в частных руках. Индийские традиционные и новые СМИ не могут ощутимо присутствовать в медийном глобальном пространстве. К примеру, если в ТОП-30 крупнейших мировых медиаигроков за 2014 г. (рейтинг агентства ZenithOptimedia) оказалось сразу две китайских компании: CCTV на 23-й позиции и Baidu — на 28-й, то индийские компании в этом рейтинге ни разу не фигурировали. Из Азии в рейтинг вошли также японские холдинги Asahi Shimbun Company, Yomiuri Shimbun Holdings и FujiMedia Holdings (на 16-м, 18-м и 21-м местах соответственно), а страны БРИКС в нем были представлены еще и бразильской Globo (20-я позиция) [Дружинин].

Тем не менее медийная индустрия Индии является достаточно прогрессивным сектором экономики. В частности, телеиндустрия демонстрирует один из самых высоких уровней роста (15,8% в 2011 г.) среди развивающихся государств [Media and Entertainment Industry...].

Индийские медиахолдинги с аудиторией в 500 млн телезрителей, способной потреблять информацию на английском языке, в последнее время проявляют большой интерес к инвестированию в медиапроекты в других странах [Media Perspectives..., p. 75]. В упомянутом выше рейтинге ZenithOptimedia отдельно отмечается, что «некоторые медиакомпании, такие как индийская Zee Entertainment, начали международную экспансию».

¹ 1 крор = 10 млн.

Правительство Индии способствует цифровому вещанию, развитию различных Интернет-инициатив. В целом в реализации новой индийской дипломатии существенную роль играет онлайн-дипломатия. Многие министерства имеют собственные официальные аккаунты. Возможности социальных сетей широко используются для установления устойчивых связей с экспатриантами индийского происхождения в ЮАР, ОАЭ, Сингапуре, Мавритании, Фиджи, Канаде, Англии, США и др.

Правительство Нарендры Моди делает отдельную ставку на «мягкое обаяние» Индии, транслируемое через образ лидера страны в Интернет-среде. «Модимания» в мире — эффект, достигнутый благодаря Facebook и информационным платформам, создающимся для освещения двухсторонних отношений в рамках визитов премьер-министра в различные страны. Конкретный пример — приезд Нарендры Моди в Лондон в 2015 г., когда была подготовлена отдельная медийная и культурная кампания «Великобритания встречает Моди», основные элементы которой зафиксированы на специальном портале — ukwelcomesmodi.org¹.

В июле 2015 г. была запущена программа «Электронная Индия» (Digital India initiative). Она сконцентрирована на достижении трех целей: создании цифровой инфраструктуры, предоставлении электронных услуг и повышении цифровой грамотности. Как во внешней, так и во внутренней политике правительство Моди использует социальные медиа. Сообщения Моди с хештегами #incredibleindia или #YogaDay собирают многомиллионную аудиторию [A global Ranking..., p. 32–33].

И все же главным медийным проводником индийской «мягкой силы» остается кинематограф. Политический эксперт Шаши Тхарур говорит о возможностях индийского кино как о полноценной «широкоэкранный дипломатии». Образы Индии, транслируемые известным всему миру кинематографом, усвоившим приемы западного кинопроизводства, позволяют стремительно расширять влияние, о котором скоро можно будет говорить в категориях «индийской культурной экспансии» [Tharoor].

Яркие и не всегда правдоподобные сюжеты, атмосфера праздника с музыкой и танцами, традиционные ценности семьи и любви делают индийское кино понятным и востребованным в странах Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, в том числе в Афганистане и Пакистане. В последнем запрет на показ индийских фильмов в кинотеатрах был снят относительно недавно — в 2008 г. Однако даже запрет не мешал местным жителям активно покупать фильмы в видеомагазинах. Индийское кино очень популярно и на Ближнем Востоке.

В 2014 г. прибыль индийского кинопроизводства составила 1,9 млрд долларов. По количеству производимых ежегодно фильмов (около 1000) киноиндустрия Индии находится на первом месте. Индийские фильмы известны более чем в 100 странах мира. Средний прогнозируемый прирост прибыли от киноиндустрии за счет культурной экспансии и расширения прав на прокат составляет 10% [The Magic of Bollywood..., p. 37–39].

¹ UK welcomes Modi. – Access mode: ukwelcomesmodi.org/ (date of access: 05.03.2016).

Так что «широкоэкранный дипломатии» и «онлайн-дипломатии» можно обозначить в качестве главных «козырей» Индии в выстраиваемой ею глобальной медийной стратегии.

* * *

Озадачившись, вслед за Китаем, возможностями гуманитарного воздействия, Индия стремится выстроить самостоятельную стратегию косвенного влияния посредством использования ресурсов «мягкой силы». Корректируется внешняя политика, проводятся институциональные реформы в области публичной дипломатии, усиливается взаимодействие с многочисленной диаспорой, развиваются современные медийные каналы коммуникаций.

Однако перед страной продолжает стоять множество проблем, отражающихся на ее имидже, которые не всегда можно списать исключительно на «ориенталистские» стереотипы. Ключевая из них — проблема бедности. Треть населения страны живет за чертой бедности. От решения этой проблемы в ближайшие десятилетия зависит и судьба «заявки» страны на мегарегиональное и глобальное лидерство.

Видя перспективы, открывающиеся при эффективном использовании косвенного влияния, руководство страны не выводит за скобки угрозы, возникающие тогда, когда государство становится не субъектом, а объектом «мягкой силы».

«Мягкая сила» — это в первую очередь власть. Несмотря на то, что она основана не на принуждении, а на обаянии, главная ее цель — побудить людей к нужным действиям. Осознавая эту опасность, Индия, к примеру, так и не решилась открыть филиал Институтов Конфуция в Делийском университете.

И все же способность «мягкой силы» гуманизировать международные отношения, ограничивая применение реальной, жесткой силы, определенно сохраняет ценность этого направления в глазах индийской элиты.

Литература:

- Анохина Е.С.* Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии / Е.С. Анохина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361.
- Анохина Е.С.* Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского государственного университета. № 362. 2012.
- Дружинин А.* Медиа компании России не вошли в мировой ТОП // Sostav.ru. 07.05.2014. URL: sostav.ru/publication/rossijskie-media-kompanii-ne-voshli-mirovoj-top-30-9806.html (date of access: 09.03.2016).
- Ивашенцов Г.А.* Россия-Индия: новые форматы давнего партнерства // Международная жизнь. 16.02.2016. URL: interaffairs.ru/news/printable/14706 (дата обращения: 07.03.2016).
- Мохан Р.* Индия и политическое равновесие // Россия в глобальной политике. 2006. №4. URL: globalaffairs.ru/number/n_7066 (дата обращения: 06.03.2016).

- Сингх Дж.* Большая игра без правил // BRICS. Business magazine. URL: bricsmagazine.com/ru/articles/bolshaya-igra-bez-pravil (дата обращения: 07.03.2016).
- Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Российская газета». 31.12.2015. URL: rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 17.01.2016).
- Шаумян Т.Л.* Из истории формирования принципов внешней политики Индии // Джавахарлал Неру. Воспоминания. Исследования. М.: Наука. 1989.
- Шаумян Т.Л.* Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика №3 (13). 2013.
- A global Ranking of Soft Power // The Soft Power 30. URL: softpower30.portland-communications.com/ranking (date of access: 09.03.2016).
- Andrews C.F.* Mahatma Gandhi: his life and ideas. Delhi: Jaico publishing house. 2006. P. X.
- Baru S.* Strategic Consequences of India's Economic Performance: essays and columns. New Delhi: Academic Foudation. 2006.
- C Raja Mohan // Carnegie endowment for international peace. URL: carnegieendowment.org/experts/?fa=698 (date of access: 06.03.2016).
- Hymans, Jacques E.C.* India's soft power and vulnerability // India Review. 2009. Vol. 8. №3. July-Sept. P. 241.
- Indian Foreign Policy in a Unipolar World / Ed. By Harsh V. Pant. London - New York — New Delhi: Routledge. 2013.
- List of Overseas Indian Associations // The Ministry of Overseas Indian Affairs. URL: moia.gov.in/services.aspx?ID1=223&id=m9&idp=59&mainid=23 (date of access: 07.03.2016).
- Mapping migration. Where are the world's biggest Chines and Indian immigrant communities // The Economist. 17.11.2011. URL: economist.com/blogs/dailychart/2011/11/diasporas (date of access: 07.03.2016).
- Mahatma Gandhi, 125 years / Ed. by Nanda B. R. New Delhi: Council for Cultural Relations. 1995.
- Media and Entertainment Industry. Television, one of the largest and fastest growing segment // IBEF. URL: ibef.org/industry/media-entertainment-india.aspx (date of access: 09.03.2016)
- Media Perspectives for the 21-st Century. London — New York: Routledge. 2010.
- Milord J.* The World's 10 Largest Media Conglomerates // Elite daily. 02.07.2013 URL: elitedaily.com/money/the-worlds-10-largest-media-conglomerates/ (date of access: 09.03.2016).
- Ministry of Overseas Indian Affairs To Merge With Ministry of External Affairs // NDTV. URL: ndtv.com/india-news/ministry-of-overseas-indian-affairs-to-merge-with-ministry-of-external-affairs-1263259. 07.01.2016. (date of access: 06.03.2016).
- Population (Estimate/Assumed) of Overseas Indians: Country Wise. — Access mode: moia.gov.in/writereaddata/pdf/Population_Overseas_Indian.pdf (date of access: 07.03.2016).
- Shambaugh D.* 2008. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation. Berkeley, Washington: UC Press, Woodrow Wilson Center Press.
- Tharoor S.* India's Bollywood Power // Policy innovation. 16.01.2008. URL: policyinnovations.org/ideas/commentary/data/000030 (date of access: 09.03.2016).
- The Magic of Bollywood. At Home and Abroad / Ed. By Roy A.G.
- Top Companies in India by Market Capitalization — BSE // Moneycontrol. URL: moneycontrol.com/stocks/marketinfo/marketcap/bse/media-entertainment.html (date of access: 09.03.2016).

УДК 327;338

Синь ЧЖАО, МАКСИМ ПОТАПОВ, АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ

Китай: новая фаза развития

Аннотация. *Один из парадоксов современного социально-экономического развития заключается в том, что опыт стран Востока анализируют с помощью инструментов, разработанных при изучении западных обществ с их относительно устоявшейся структурой. В то же время центр мировой социально-экономической энергетики все более сдвигается на Восток, где исполинский динамичный Китай начинает формировать и формулировать тренды и законы глобального развития. По мнению авторов, КНР пора рассматривать как страну, завершившую модернизацию, а значит и как носителя ее стандартов, как полезный образец.*

Ключевые слова: *Китай, модернизация, индексы, «нунминьгун», неравенство, сервисизация, лидер развития.*

В сентябре 2015 г., когда Си Цзиньпин находился в Сиэтле и встречался там с видными американскими промышленниками, учеными и международниками, известный предприниматель и филантроп Билл Гейтс в интервью «Жэньминь жибао» охарактеризовал Китай как «лидера мирового развития» [Bill Gates...]. Заметим, что именно встречи в Сиэтле китайские СМИ охарактеризовали как «исторические», разделив эту часть программы и переговоры в Вашингтоне в ходе визита Си Цзиньпина в США.

Оценка Б. Гейтса, на наш взгляд, фиксирует новое качество китайской экономики и общества: с небольшими оговорками можно говорить о завершении модернизации в этой стране. Под модернизацией мы понимаем направляемое движение (нередко форсируемое, мобилизующее) с четкими целями, сферами и параметрами («четыре модернизации» Китая в разных редакциях), а также преимущественной опорой на промышленность. Первая программа «четырех модернизаций» (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и оборона) была озвучена на 1-й сессии ВСНП первого созыва в 1954 г. В 1957 г. в программу вошли наука и техника [Виноградов, с. 93, 258].

Завершенность модернизации в Китае видится нам в том, что механизмы заимствования передового зарубежного опыта и технологий освоены, внутренние факторы

Сведения об авторе: *ЧЖАО СИНЬ — кандидат экономических наук, старший преподаватель Института русского языка Пекинского университета иностранных языков, постдокторант Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая; xipxin88@mail.ru; ПОТАПОВ Максим Александрович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН; mpotapov2@yandex.ru.; САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН; sal.55@mail.ru.*

и вызовы доминируют в национальном сознании, страна утвердилась в мировой экономике и политике, ощущая себя современным государством, способным помочь другим.

Минувший год стал последним годом 12-й пятилетки (2011–2015). Краткий обзор ее итогов и некоторые сравнения позволяют лучше понять суть происходящих перемен и некоторые важные следствия завершения модернизации в КНР.

Промышленность и агросфера

Среди нынешнего обилия показателей, составленных из нескольких компонентов, есть и индекс модернизации. Его разрабатывали и использовали для сравнений наши коллеги Хэ Чуаньци и Н.И. Лапин [Обзорный доклад...]. Они предложили в качестве основных критериев модернизации структурные сдвиги в хозяйстве: сокращение доли сельского хозяйства в ВВП и занятости, а также рост удельного веса сферы услуг, придавая особое значение информационным, образовательным и медицинским услугам. Набор из дюжины статистических показателей имеет пороговые значения, что дает возможность определить зрелость той или иной страны (региона). Выделяются две стадии модернизации — первичная и вторичная.

Воспользовавшись этой схемой для оценки итогов 12-й пятилетки в КНР, мы отметили значительное увеличение доли услуг — причем в нарастающем темпе. В 2015 г. данный показатель превысил 50% ВВП (в 2010 г. — 44%). Доля сельского хозяйства в ВВП сократилась до 9%, а в занятости опустилась ниже 29% [Данные ГСУ Китая...].

Добавим, что среднедушевой доход в Китае достиг в 2015 г. примерно 8 тыс. долл. США (по валютному курсу), что выше верхнего порога первичной модернизации и примерно равняется показателям России и Бразилии. Превзошли пороговые значения и такие показатели, как доля услуг в ВВП, численность занятых в сельском хозяйстве, доля студентов вузов в возрастном сегменте 18–22 года. В результате по всем параметрам, предложенным Хэ Чуаньци и Н.И. Лапиным, Китай завершил первичную модернизацию.

Среди критериев вторичной модернизации разработчики ее индекса придают большое значение дальнейшему снижению доли материального производства в ВВП. В частности, она увязывается со снижением доли сельского хозяйства до 5% (в занятости — до 10%), а материального производства в целом — до 40% (в занятости — до 20%). Среди прочих критериев — расходы на НИОКР, число медработников, охват населения компьютерами и др.

В качестве референтной группы берутся развитые страны и их структурные характеристики. Однако в них сервисная структура (как представляется, сильно гипертрофированная) исторически не могла бы сложиться без высокого уровня производительности труда в промышленности и агросфере, умения западных ТНК использовать ресурсы других государств, выносить на их территорию нерентабельные или грязные звенья промышленного производства, а также раздутости того, что теперь называют неуклюжим словом «финансомика».

Кроме того, аграрное перенаселение стран Востока, дефицит земли и дробность землепользования затрудняли и затрудняют механизацию сельского хозяйства. Вытеснение труда капиталом (машинами) здесь происходило сравнительно медленно: трудоемкие и одновременно высокотехнологичные процессы оставались основой производства. При этом субсидирование сельского хозяйства в тех масштабах, что сложились на Западе, было долгое время затруднено. В КНР оно набрало силу лишь в последние десять лет.

Сокращение доли сельского хозяйства в ВВП в странах Восточной Азии до уровня ниже 5% произошло лишь в Гонконге, Сингапуре, Брунее и Республике Корея, получивших возможность решать проблемы обеспечения продовольствием за счет развитой внешней торговли. В то же время в государствах, сопоставимых с КНР по уровню дохода (6–10 тыс. долл. на душу населения) — Малайзии и Таиланде, — этот показатель даже несколько увеличился в 2000–2014 гг.: с 8,3 до 9,0% и 8,5 до 10,5%, соответственно [Key Indicators for Asia, p. 233].

Не следует, по-видимому, придавать и слишком большое значение уровню урбанизации. В КНР искусственное сдерживание этого процесса в течение продолжительного времени сыграло, на наш взгляд, положительную роль для городского планирования, предотвращения образования трущоб и т.п. Поэтому бурная урбанизация в последнее десятилетие (в 2015 г. постоянное население городов увеличилось на 22 млн человек и превысило 56% населения) проходит менее болезненно, а благоустройство села (в 2015 г. инвестиции в эту сферу выросли на рекордные 32% против 10% по экономике в целом) потенциально означает возможность ослабления притока населения в города. Заметим, что и в Европе есть немало стран, имеющих сопоставимый с КНР уровень урбанизации. Так, доля городского населения в Словении составляет 50%, в Румынии и Словакии — 53–55%, в Сербии и Хорватии — 56–59% [Human Development Report, p. 234–235].

Не согласимся и с сокращением доли промышленности в ВВП в качестве критерия вторичной модернизации. Все-таки эта отрасль остается самым производительным подразделением хозяйства. Здесь важно различать старые и новые отрасли индустрии, находить и учитывать в оценках сегменты, способные к глобальной конкуренции, принимать в расчет зарубежные аналоги. Например, в Республике Корея и Малайзии доля промышленности в ВВП за четверть века (1990–2014 гг.) практически не изменилась, составляя 38–42%, то есть примерно столько же, сколько и в современном Китае.

В годы 12-й пятилетки в китайской промышленности происходила структурная перестройка, причем в нарастающем темпе. В 2011–2014 гг. машиностроение и высокотехнологичные отрасли росли в реальном выражении в среднем на 13,2 и 11,7% в год — на 2,7 и 1,2 процентных пункта быстрее, чем индустрия в целом. В 2014 г. их доля в продукции сверхлимитных предприятий (годовые продажи свыше 20 млн юаней) составила 30,4 и 10,6%. В 2015 г. прирост производства высокотехнологичных отраслей составил 10,2% (по сверхлимитным предприятиям в целом — 6,1%). Доля этих отраслей выросла до 11,8%. В аэрокосмической отрасли прирост достиг 26,2%,

коммуникационном оборудовании — 12,7%, фармацевтике — 9,9% [National bureau of statistics...]. Возможно, какие-то из перечисленных показателей разумно включить в индекс, но не модернизации, а развития.

Такого рода индекс можно было бы построить, например, и на основе мониторинга программ развития. В перспективных планах Китая — в частности, принятой в мае 2015 г. программе «Сделано Китаем-2025» — выделено 10 ключевых отраслей: ИТ-индустрия нового поколения, станки с цифровым управлением и роботы высокого класса, аэрокосмическое оборудование, морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда и т.п.

Оценивать прогресс в промышленности можно, по-видимому, и от обратного — по сокращению, относительному или абсолютному, добывающих и энергоемких отраслей, что особенно актуально в условиях экологической революции, развернувшейся в современном Китае. Второй год подряд в стране сокращается добыча и импорт угля, производство стали, цемента и т.п. В минувшем году впервые за десятилетия сократилась, пускай и незначительно, выработка электроэнергии. И хотя структура промышленности остается еще несколько «утяжеленной», очень впечатляет динамика снижения энергоемкости ВВП. За первые четыре года 12-й пятилетки индикатор сократился на 13,4%, в 2015 г. — еще на 5,6%. Именно динамика этого показателя представляется нам важным индикатором развития, как и ход внедрения чистых и возобновляемых источников энергии.

Подчеркнем, что достижения 12-й пятилетки вывели Китай в число модернизированных стран, изменив сам тип развития: оно теперь носит более свободный и спокойный характер, а его параметры уже могут служить эталоном для многих других развивающихся и переходных стран.

Услуги и социальные достижения

В силу разнородности сферы услуг, сочетающей очень разные по доходу и престижу профессии, рост ее доли в экономике может носить вынужденный характер. К примеру, в современном Китае показатель доли услуг в ВВП много уступает индикаторам стран Южной Азии (заметно отставшим в промышленном развитии и по показателям дохода) и одновременно примерно равен аналогу в Малайзии, несколько опережающей КНР по средним доходам.

К тому же бурное развитие информационных и коммуникационных технологий (ИТ, ИКТ) ставит под угрозу многие виды занятости в сфере услуг. Все более четкие очертания приобретают грядущие прямые связи между умным производством и потребителем, начинают умирать традиционно казавшиеся надежными профессии в розничной торговле, банковском деле, страховании и т. п.

Как и в случае с промышленностью, большое значение имеют качество услуг, обеспеченность этой сферы современным оборудованием, средствами коммуникаций и т. п.

Здесь успехи Китая очевидны. Например, западные районы страны уже почти не уступают зажиточным прибрежным провинциям по доступу к интернету и мобильной связи при тарифах, вполне приемлемых для скромного по достатку населения [Пиковер, с. 647]. Распространение на селе цифровой революции — регулярная тема СМИ в Китае. Типична картинка освоения приложений к мобильникам, позволяющих крестьянам быстро находить сбыт выращенной продукции.

Расширение сферы услуг имеет важное общественное значение: данный тренд косвенным образом иллюстрирует выросшие возможности и эффективность материального производства. Кроме того, услуги традиционно привлекательны в социальном плане. В известном смысле расширение данной сферы — явный признак завершения модернизации с ее экономическим детерминизмом и переход в постмодерн, ярко заявивший о себе в современной китайской культуре.

Завершив модернизацию, государство сосредоточилось на принципиально новых направлениях. Помимо экологической и технологической революции, в центре внимания теперь социальная сфера.

Неравномерность распределения доходов в КНР остается высокой, что отчасти связано с масштабами страны. На фоне роста располагаемых доходов населения Китая (на 7,4% в реальном выражении в 2015 г.) продолжает медленно сокращаться относительный разрыв в доходах между городом и селом, составлявший в 2015 г. 2,73 раза (в 2008 г. он составлял 3,3 раза). Важно, что в более зажиточных провинциях этот разрыв меньше, чем в относительно бедных.

В то же время доходы верхних и нижних 20% населения (54,5 и 5,2 тыс. юаней в год) разнятся более чем в 10 раз, относительно высоким остается и коэффициент Джини (0,462). Эти показатели близки к средним показателям Малайзии, Израиля и Аргентины за 2005–2013 гг., но существенно лучше, чем индикаторы Бразилии, Мексики и Чили [Human Development Report, p. 216–217].

Заметим, что в годы 12-й пятилетки равномерности распределения дохода в китайской политике уделялось самое серьезное внимание. Одно из важных направлений — улучшение положения нунминьгун (трудовых мигрантов из сельской местности). Их среднемесячный заработок в 2015 г. достиг 3 тыс. юаней.

Государство продолжает усиливать свою роль в перераспределении доходов. В мае 2014 г. создан межведомственный механизм для подготовки и проведения реформ в этой области. Бюджетные расходы приблизились к четверти ВВП. Опережающими темпами в минувшей пятилетке росли такие статьи, как здравоохранение (20,4%), транспорт (17,2%), образование (16,2%), социальное страхование (14,9%). При этом расширяется кредитование и сохраняется стабильность цен (табл. 1).

Таблица 1

Движение денежной массы, госрасходов и цен в Китае в 2011–2015 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015
Темпы прироста денежной массы M2	17,3	14,4	13,6	11,0	13,3
Прирост госрасходов	21,6	15,3	11,3	8,3	15,8
Индекс потребительских цен	5,4	2,6	2,6	2,0	1,4
Индекс цен производителей	6,0	-1,7	-1,9	-1,9	-5,2
Индекс продовольственных цен	4,3	-6,2	-0,2	-1,5	2,3

Составлено по данным ГСУ КНР

Последовательно и решительно ведется борьба с нищетой. Планка бедности с дохода в 2,3 тыс. юаней в год на человека в 2010 г. была повышена до 2,8 тыс. юаней в 2014 г. Число бедняков за этот период удалось снизить со 165,7 млн до 70,2 млн человек. Всего же за годы реформ Китай вытянул из нищеты 700 млн человек.

В Китае показатели продолжительности жизни населения находятся примерно на уровне восточноевропейских стран (при относительно невысокой доле врачей). При сравнении с Россией, где доля врачей в населении втрое выше, а продолжительность жизни мужчин короче на 8 лет, остается лишь вздохнуть. Качество обучения в средних школах Шанхая (по методике PISA в 2012 г. опрашивались 15-летние) оказалось выше, чем в какой-либо другой стране (!).

К этому стоит добавить социально-психологическое измерение: удовлетворенность уровнем жизни и безопасностью в Китае существенно выше, чем в восточноевропейских странах. Убийств в Китае совершается в девять раз меньше, чем в России (в КНР этот показатель близок к лучшим европейским стандартам), а самоубийств — почти втрое меньше [Human Development Report, pp. 243–244, 264–265].

Сопоставив долю расходов на науку и технику с положением страны в мировой иерархии по доходу на душу населения (по валютному курсу), мы выясним, что Китай значительно опережает в затратах на исследования куда более зажиточных соседей по планете, не говоря уже о подавляющем большинстве развивающихся и переходных государств. Девятнадцатая позиция Китая в мире по доле расходов на НИОКР в ВВП оказывается еще более высоким, тринадцатым местом в мировом рейтинге, если этот показатель пересчитать для предприятий. А сравнив количество заявок на изобретения с абсолютным объемом ВВП, эксперты ВОИС обнаружили, что Китай находится на третьем месте в мире (после Республики Корея и Японии). И даже по числу патентов на душу населения КНР занимает девятое место [World Intellectual Property, p. 17, 36].

При мысли, что Китай станет мировым лидером еще и по числу объектов интеллектуальной собственности в расчете на душу населения (что предлагается в качестве критерия модернизации Н.И. Лапиным и Хэ Чуаньци), становится немного не по себе, но это — вполне обозримая перспектива. Вопрос лишь в том, по отношению к кому будет тогда модернизироваться Китай?

Экспорт модернизации?

Завершив модернизацию, Китай располагает уникальным опытом, особенно ценным, если иметь в виду не самые благоприятные мирохозяйственные условия середины второго десятилетия XXI в. Умение этой страны превращать финансовые ресурсы в общественный капитал — инфраструктурные объекты, программы борьбы с бедностью, технологии и компетенции — особенно актуально, когда денежные потоки в 2015 г. вновь устремились в США, подхватив и часть денег китайских инвесторов.

Таблица 2

Курсы национальных валют в долларах США (на конец указанного года)

	2010	2014	2015	Снижение курса за 2015 г., %
КНР	0,150	0,163	0,154	5,5
Австралия	1,004	0,820	0,728	11,2
Канада	0,993	0,862	0,720	16,5
Германия (евро)	1,314	1,218	1,092	10,3
Япония	0,012	0,008	0,008	0,0
Великобритания	1,546	1,560	1,480	5,1
Индия	0,022	0,016	0,015	6,2
Бразилия	0,592	0,376	0,252	33,0
ЮАР	0,150	0,086	0,064	25,6
Россия	0,033	0,018	0,014	22,2
Ю. Корея (за 1 тыс. вон)	0,870	0,912	0,850	6,8
Малайзия	0,324	0,288	0,243	15,6
Таиланд	0,033	0,031	0,028	9,7
Индонезия (за 1 тыс. рупий)	0,111	0,080	0,073	8,7

Источник: usforex.com/forex-tools/historical-rate-tools/historical-exchange-rates

Последнее обстоятельство вызвало немалый резонанс. Комментируя снижение показателей фондовой биржи и курса юаня летом 2015 г., В.Л. Иноземцев заметил, что Китай «надорвался» [Зубов, Иноземцев]. Прозванный китайской прессой «финансовым крокодилом» Дж. Сорос в начале 2016 г. предсказал обвал юаня [Mei Xinyu...]. О «пузырях» в экономике Китая также было написано немало [Дмитриев, с. 6–7].

Нам все же представляется, что КНР не надорвалась, а вправе расслабиться: состоявшаяся модернизация страны создала прочный фундамент стабильного развития, выправления накопленных диспропорций и противоречий.

В действительности снижение курса в 2015 г. было сравнительно небольшим, а обернувшись на пять лет назад, мы увидим, что юань — единственная валюта в мире, подорожавшая с тех пор по отношению к доллару США (табл. 2).

Заметим также, что падение рынка недвижимости в КНР, достигнув дна в марте 2015 г., сменилось подъемом, и по итогам минувшего года продажи жилья выросли на 6,9% в натуральном выражении и на 16,6% — в стоимостном.

В индексе развития должен найти отражение какой-то показатель (или комбинация показателей), характеризующий валютно-финансовую стабильность страны. В качестве важного индикатора нам представляется уровень процентной ставки по кредитам реальному сектору или ипотеке. Немалое значение имеет и стабильность валютного курса, измерить которую несложно.

Стоит вспомнить, что в середине 80-х годов XX в. известный китайский экономист Ма Хун отмечал, что страна не может считаться индустриализованной, если доля электротехники и электроники в ее экспорте меньше 25% (в ту пору половину китайского экспорта составляли нефть и прочее сырье). Для самого Китая этот индикатор давно не актуален, а другим может пригодиться.

Минувший год был тяжелым для многих узкоспециализированных монокультурных участников мировой экономики. Из-за оседания сырьевых цен значительно сократился стоимостной объем международной торговли в целом, хотя слово «кризис» по отношению к ней стараются не употреблять. Спад мировой торговли затронул и Китай — но в куда меньшей степени, чем большинство других стран. В результате страна упрочила положение ведущего мирового экспортера (табл. 3).

Таблица 3

**Доля отдельных стран и групп стран в мировом экспорте товаров
в 1993–2015 гг., %**

	1993	2003	2014	2015*
КНР	2,5	5,9	12,3	13,2
Шестерка**	9,7	9,6	9,6	10,1
США	12,6	9,8	8,5	8,8
Германия	10,3	10,2	7,9	7,8
Япония	9,9	6,4	3,6	3,7
Великобритания	4,9	4,1	2,7	2,6
БСВ***	3,5	4,1	7,0	5,3
Индия	0,6	0,8	1,7	1,6
Бразилия	1,0	1,0	1,2	1,1
ЮАР	0,7	0,5	0,5	0,6
Россия	1,2	2,0	2,6	2,0
БРИКС	6,0	10,2	18,3	18,6
БРИКС без КНР	3,5	4,3	6,0	5,3

* Оценка.

** Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея.

*** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

Источник: wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_e/its15_world_trade_dev_e.pdf

В Пекине с утверждением «новой нормы» [Борох, с. 68–80], похоже, больше не видят потребности в форсировании темпов роста, подчеркивают статус второй экономики мира, предпочитают скромно подсчитывать ВВП по курсу валюты. Хотя, если считать по

паритету покупательной способности, уже в 2014 г. КНР выполнила наказ своего основателя Мао Цзэдуна, данный в 1955 г., «догнать США за 50–70 лет».

Мы, конечно, не считаем, что у Китая есть универсальное средство от кризисов. Мы также не склонны утверждать, что постепенное преобразование сберегательно-инвестиционной модели в китайском хозяйстве пойдет гладко и ее в одночасье сменит общество потребления. Тем более что инвестиционная модель остро необходима для продолжения экологической революции, с масштабом развернутой в Китае, а также его грандиозных международных проектов. Не сразу канет в прошлое и бережливость китайцев [Почагина, с. 103–111].

Ключевое слово в китайском опыте развития в нынешнем веке — инфраструктура (жесткая и мягкая), и именно вокруг этого понятия выстроен выдвинутый в 2013 г. проект Шелкового пояса и пути. В 2015 г. сделаны важные шаги в его дальнейшем развитии и финансовом обеспечении. Не будем здесь подробно на этом останавливаться. Заметим лишь, что объединенный современной инфраструктурой внутренний рынок Китая продолжает приносить приятные сюрпризы в виде очагов экономического ускорения во внутренних районах. Так, в 2015 г. темпы роста хозяйства в Чанша и Чжэнчжоу (административные центры провинций Хунань и Хэнань) были выше 9%. Постепенно теряют былую безусловную социальную привлекательность развитые экспортные центры [Портяков, с. 102–108]. Необходимость придания новых импульсов экономическому развитию за счет инфраструктурного толчка становится популярной даже в Западной Европе и, например, вошла в программу нынешнего лидера британских лейбористов Дж. Корбина. Не исключено, что, пережив финансовые и геополитические штормы, в недалеком будущем мы станем свидетелями крупного сдвига экономической активности вглубь континентальных просторов Евразии как совместного проекта Востока и Запада.

Взаимодействие Востока и Запада носит теперь — во многом благодаря Китаю — куда более симметричный характер, чем полтора десятилетия назад. Следовательно, на повестку дня выходит вопрос о совместном поиске новых двигателей развития — глобальных по масштабу и социально приемлемых.

Один из парадоксов современных измерений социально-экономического развития заключается в том, что опыт стран Востока анализируют с помощью инструментов, родившихся при изучении эволюции западных обществ и их относительно устоявшейся структуры. В то же время центр мировой социально-экономической энергетики все более сдвигается на Восток, где исполинский и динамичный Китай, похоже, начинает формировать и формулировать тренды и законы глобального развития. КНР пора рассматривать как страну, завершившую модернизацию, а значит и носителя ее новых стандартов.

Завершение модернизации в середине нынешнего десятилетия сопровождается переориентацией общества и государства в Китае на решение принципиально новых проблем. В центре внимания — социальная ситуация, потребительская революция

и перераспределение, научно-техническая и экологическая сферы. Валютно-финансовая и внешнеэкономическая стабильность позволяют пятому поколению китайского руководства предложить серьезное обновление стране и окружающему миру. Китай на глазах становится экспортером модернизации и способен оказать немалое воздействие на партнеров.

Литература:

- Борох О.Н. «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3.
- Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005.
- Данные ГСУ Китая // National bureau of statistics of the people's republic of China. URL: stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201601/t20160119_1306083.html (date of access: 22.02.2016)
- Дмитриев М. Тройной пузырь // Ведомости. 23.10.2015.
- Зубов В., Иноземцев В. Почему государству нужно перестать инвестировать // АТИ-медиа. 14.09.2015. URL: ati.su/Media/Article.aspx?HeadingID=12&ID=4655 (дата обращения: 22.06.2016)
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. М., 2011.
- Пиковер А.В. Развитие информатизации в регионах Китая // КНР: экономика регионов. Отв. ред. А.В. Островский, сост. П.Б. Каменнов. М., 2015.
- Портяков В.Я. Шэньчжэнь: социальные процессы и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3.
- Почагина О.В. Особенности структуры семейного бюджета в современном Китае // Китай на новом этапе экономической реформы. Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М., 2015.
- Bill Gates: China is stepping up as a leader in global development // en.people.cn. URL: en.people.cn/n/2015/0923/c90000-8954127.html (date of access: 22.02.2016)
- Human Development Report 2015. New York, 2015.
- Key Indicators for Asia and the Pacific 2015. Manila, 2015.
- Mei Xinyu Think twice before declaring war on Chinese currency // en.people.cn. 27.01.2016. URL: en.people.cn/n3/2016/0127/c98649-9010063.html (дата обращения: 22.06.2016)
- National bureau of statistics of the people's republic of China. URL: stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201510/t20151013_1255154.html (date of access: 22.02.2016); National bureau of statistics of the people's republic of China. URL: stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201601/t20160119_1306083.html (date of access: 22.02.2016).
- World Intellectual Property Indicators 2014. WIPO: Geneva, 2014.

*Статья подготовлена в рамках проекта
«Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира»
программы фундаментальных научных исследований Отделения глобальных проблем
и международных отношений РАН.*

УДК 332;338;339

Владимир КОНДРАТЬЕВ

Локализация производства как инструмент модернизации

Аннотация. В статье анализируется зарубежный опыт политики локализации на примере таких стран, как Бразилия, Канада, США, Китай, Нигерия. Сегодня требования к локализации производства — широко признанный защитный инструмент, используемый в целях создания новых рабочих мест на собственной территории и стимулирования отечественных, а не зарубежных компаний. Локализация способствует также развитию наукоемких отраслей экономики и экономическому росту, укрепляет международную конкурентоспособность отечественного бизнеса и национальный контроль над стратегическими отраслями.

Ключевые слова: локализация, требования к локализации производства, государственные закупки, экономический рост, создание новых отраслей, формирование национального бизнеса, создание рабочих мест.

На волне кризиса 2008–2009 гг. многие экономисты опасались, что мир захлестнет политика нового протекционизма и повторится волна тарифных ограничений, запущенных законом Смута-Хоули «О тарифах» в 1930 г., в период Великой депрессии. Однако на этот раз государственные органы были гораздо более сдержанными, избегая традиционных форм протекционизма (таких как квоты и тарифы) и делая акцент на нетарифных ограничениях (НТО). Эти ограничения принимали различные формы: сложных таможенных процедур, высоких стандартов (требований к упаковке), прямых государственных субсидий и др.

К таким инструментам относятся и набирающие популярность требования к локализации. Эти требования выражаются в доле проекта, который должен обеспечиваться поставками местных (локальных) компаний (что сближает эти требования с квотированием), или в субсидиях, предоставляемых только местным компаниям. Это могут быть также требования к национальной принадлежности компаний, которым разрешается импортировать определенные товары или инвестировать в определенные фирмы и сектора экономики (что можно назвать требованиями к локализации собственности).

Исторически требования к локализации использовались в различных контекстах. В последние пять лет доминантным мотивом выступала необходимость создания

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — профессор, руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

новых рабочих мест на внутреннем, а не на глобальном рынке. Так, во время кризиса 2008 г. (как и в 1933 г.) Конгресс США включил статью «Покупай американское» в «American Recovery and Reinvestment Act» от 2009 г. (предусматривающий гигантскую сумму финансовых стимулов в размере 787 млрд долл.). Аналогичным образом поступили и многие другие страны. В этих случаях государственные закупки и финансируемые государством проекты выступали в качестве механизмов требований к локализации.

Но высокая безработица и потребности в финансовых стимулах — не единственные драйверы требований к локализации. Развитие новых отраслей также часто используется в качестве аргумента в пользу стимулирования местных компаний, особенно в развивающихся странах, заинтересованных в формировании высокотехнологичных секторов, таких как информационные технологии и возобновляемые источники энергии.

Регулируемые отрасли (такие как авиаперевозки, радиовещание, коммунальное хозяйство и телекоммуникации), «важные» компании и «стратегические» отрасли часто являются объектами требований к локализации собственности. В этом случае, когда государственные предприятия приватизируются, покупателями могут выступать только компании и граждане данного государства. Аналогичным образом, когда объектом продажи становятся «важные» компании, иностранные транснациональные корпорации могут исключаться из процесса торгов. Так было, например, в случаях с нефтяной американской компанией «Unocal» и канадской «Potash Corporation of Saskatchewan».

В 2005 г. китайская «Chinese National Offshore Oil Corporation» намеревалась приобрести «Unocal» за 16–18 млрд долл. Конгресс США посчитал эту сделку угрозой национальной безопасности страны, и после передачи ее на рассмотрение президента Буша сделка была отклонена [Blustein].

Крупнейший в мире производитель карбоната калия «Potash Corporation of Saskatchewan» в 2010 г. стал объектом недружественного поглощения со стороны англо-австралийского гиганта «BHP Billiton». Канадское правительство заблокировало сделку под предлогом, что она не принесет выгоды Канаде [BHP Billiton...].

На волне кризиса 2008–2009 гг. в рамках политики локализации в мире было реализовано более 100 проектов (табл. 1).

Таблица 1

Страны с проектами по локализации производства (2008–2013 гг.)

Страна	Число проектов по локализации	Объем ВВП, млрд долл.	Доля накопленных прямых инвестиций в ВВП, %
Развитые страны, в том числе:			
Австралия	7	1132	45
Канада	5	1577	36
США	14	14587	24

Страна	Число проектов по локализации	Объем ВВП, млрд долл.	Доля накопленных прямых инвестиций в ВВП, %
В среднем по странам с локализацией	9	5765	38
В среднем по остальным странам	0	905	84
Развивающиеся страны, в том числе:			
Аргентина	8	369	24
Бразилия	15	2088	23
Китай	10	5927	10
Индия	9	1727	11
Индонезия	12	707	17
Южная Африка	3	354	36
Россия	5	1480	29
В среднем по странам с локализацией	10	1863	28
В среднем по остальным странам	0	44	40

Рассчитано по: Local Content Requirements: A Global Problem, 2013, 212 p.

Данные свидетельствуют, что после 2008 г. не только развивающиеся, но и развитые страны активно прибегали к проектам локализации для решения экономических проблем, таких как создание новых рабочих мест, развитие стратегических секторов экономики и т. п. По количеству таких проектов среди лидеров оказались США (уступив по этому показателю только Бразилии), выступающие в авангарде экономического либерализма и свободы торговли. Более того, чем более богата страна и чем она менее связана с глобализацией (по доле двухсторонней торговли и накопленных прямых инвестиций в ВВП), тем активнее она прибегала к принуждению в локализации производства.

Требования к локализации — это старый защитный механизм, обеспечивающий достижение трех важнейших целей: создание рабочих мест в собственной экономике, а не за рубежом; подпитка своих национальных компаний с целью превращения их в глобальных первоклассных конкурентов; гарантированный национальный контроль над «стратегическими» отраслями, такими как гражданская авиация, телерадиовещание, электроэнергетика и т. п. [Local Content...]

Проанализируем характерные примеры использования политики локализации в развитых и развивающихся странах, относящиеся к разным секторам экономики: сельскому хозяйству, здравоохранению, информационным технологиям, автомобильной промышленности и др.

Сектор здравоохранения в Бразилии

Развитие сектора здравоохранения в Бразилии характеризуется «насильственной» локализацией производства медицинского оборудования и медикаментов. Одной из целей этого было сочетание в здравоохранении государственных и частных компаний. Другая

цель заключалась в поддержке формирующейся отрасли и фирм по производству медицинского оборудования. Третья — в том, чтобы обеспечить общественную безопасность в сфере производства новых лекарств и препаратов. Наконец, четвертая состояла в обеспечении доступности лекарств, особенно для страдающих тяжелыми заболеваниями.

Бразилия представляет собой крупнейший рынок здравоохранения в Латинской Америке. В этот сектор в 2009 г. было направлено 142 млрд долл. капиталовложений, или 8,8% ВВП. Расходы на больницы и медицинскую помощь составляют 5,6% ВВП, на медицинское оборудование вне больниц приходится 1,3% ВВП, на фармацевтические препараты, приобретаемые вне больничных учреждений, — 1,9% ВВП.

Вплоть до 2012 г. ни один бразильский госпиталь и ни одна медицинская служба не принадлежали иностранному капиталу. Иностранные компании не могли напрямую или косвенно участвовать в бразильской системе страхования. Однако зарубежные фирмы играли и играют значимую роль на бразильском рынке медицинского оборудования и медикаментов. На импортное медицинское оборудование приходилось в 2012 г. 60% рынка. На импортные медикаменты — 24% рынка, при этом 70% фармацевтических препаратов производилось иностранными компаниями в Бразилии в рамках требований к локализации и других программ.

Бразильский импорт медицинских товаров стал причиной растущего торгового дефицита в этом секторе, возросшего с 700 млн долл. в конце 1980-х годов до 8 млрд долл. в 2011 г. [Oliveira] Примерно 75% этого дефицита приходилось на медикаменты. Это явилось одной из важнейших предпосылок программы локализации.

Требования к локализации могут принимать различные формы. Наиболее прямой и непосредственной формой является требование, чтобы все материалы и комплектующие в инвестиционном проекте поставлялись местными национальными компаниями. Косвенной формой — требования к лицензированию, дающие преимущества местным компаниям или товарам местного производства. Наиболее изощренная и тонкая форма локализации — внешне недискриминационное регулирование, на практике выливающееся в дискриминацию иностранных компаний или товаров за счет более жестких проверок и длительных процедур допуска к контрактам.

Большая часть механизмов локализации в Бразилии носит прямой характер.

В 2011 г. Бразилия импортировала товаров и услуг на сумму 226 млрд долл., из которых 10 млрд долл. (или около 4,4%) приходилось на здравоохранение. В то же время страна экспортировала 256 млрд долл. товаров и услуг, из которых только 2 млрд долл. (0,8%) относилось к этому сектору. Таким образом, торговый дефицит в здравоохранении составлял 8 млрд долл., в то время как весь торговый оборот Бразилии показывал профицит в размере 30 млрд долл.

Защита от импорта часто использовалась для стимулирования развития определенных отраслей. В 1980-е годы Бразилия ввела серьезные ограничения на импорт

в целях развития своего компьютерного бизнеса. Уже к концу десятилетия страна обладала сетью разнообразных IT-корпораций. Национальный объем компьютерного производства вырос с менее 200 млн долл. в 1979 г. до более чем 4 млрд долл. в 1990 г. [Botello]

Интервенционистская промышленная политика, включающая требования к локализации, получила новый толчок в 2003 г., когда правительство стало использовать управление обменными курсами валют в качестве приоритетного экономического инструмента. Теперь промышленная политика делала упор на стимулирование отдельных секторов экономики, связанных с новыми технологиями [Domestic Industry...].

Сфера здравоохранения является одним из таких приоритетных секторов. Государство контролирует продажу отечественных и зарубежных медицинских товаров через систему лицензирования. Регулирующее эти вопросы агентство Министерства здравоохранения National Wealth Surveillance Agency (ANVISA) было образовано в 1999 г. с целью защиты здоровья населения. Лицензионная система создает существенные временные и ценовые барьеры для иностранных компаний в отношении регистрации медицинских товаров, что косвенно служит политике локализации.

Несколько лет назад Бразилия объявила о новой программе государственных закупок для больниц. Главной целью программы было создание спроса на отечественные товары, чтобы увеличить занятость. Долговременная цель такой политики — стимулирование наукоемких отраслей экономики.

В Бразилии 74% населения зависят от государственной системы медицинского страхования и государственных больниц. Однако на частные больницы (их около половины) приходится 65% всех больничных коек в стране. При этом они лучше оснащены оборудованием и часто предоставляют более качественные услуги. Например, частные клиники имеют 44 МРТ-сканера и 20 КТ-сканеров на миллион пациентов и по этому показателю занимают третье место в мире после Японии и Австралии. Государственные клиники имеют только 3 МРТ-сканера и 16 КТ-сканеров и на миллион пациентов и находятся на уровне Мексики и Восточной Европы.

По мере роста доходов на душу населения все больше бразильцев покупают страховые полисы частного сектора. Так, число контрактов частного страхования выросло с 32 млн в 2003 г. до 47 млн в 2011 г., т. е. на 47% — и это за период, когда численность населения страны увеличилась только на 9% [Medical Device...].

Бразилия критически зависит от импорта по ряду медицинского оборудования: цифровой рентгенографии (63%), вспомогательным медицинским средствам (89%), инвалидным коляскам и медицинской мебели (81%).

Независимо от того, где производятся медицинские товары (в стране или за рубежом), чтобы продать их на бразильском рынке, компании должны зарегистрировать эти товары в специальном агентстве Министерства здравоохранения ANVISA и полу-

чить лицензию. Такая процедура заимствована из других развитых стран, преимущественно Западной Европы.

В Бразилии существуют две регистрационные процедуры: «Cadaastro» для товаров с низким уровнем риска и «Registro» — с высоким. Выбор между первой и второй зависит от того, требуется ли получение сертификата «Good Manufacturing and Control Practice» (GMP), что является обычной практикой для товаров с высоким риском. Если медицинский товар производится за рубежом, сотрудники агентства ANVISA обязаны посетить место производства. Однако у агентства нет достаточных средств и персонала, чтобы проводить сертификацию GMP за границей в короткие сроки. В результате средний срок получения сертификата достигает 18 мес. и более, что является скрытой формой локализации.

Чтобы ускорить процесс сертификации и одобрения товара, иностранные компании стали локализовывать свое производство в Бразилии либо через приобретение бразильских компаний, либо сооружая новые фабрики с нуля. Бразильское правительство при этом часто стимулирует зарубежные компании, предлагая льготные кредиты и освобождение от налогов. Однако промышленные компании должны получать экологическую лицензию на право строительство нового завода, а также выполнять другие местные требования. Условия требований могут различаться в разных муниципальных образованиях. Обычно для получения такой лицензии требуется два месяца, но в крупных городах этот срок может доходить до года. Такая практика подталкивает иностранные компании к приобретению уже существующих бразильских фирм.

Таким образом, регистрационные требования не дискриминируют иностранные компании в открытую, но сама практика затрудняет экспорт в Бразилию товаров и стимулирует их производство на территории страны.

Фармацевтические компании сталкиваются при регистрации своих товаров с теми же трудностями, что и производители медицинского инструмента. Кроме того, бразильская система патентного регулирования требует, чтобы в течение трех лет после внедрения запатентованного иностранного лекарства на местном рынке его производство было начато в самой Бразилии [Medical Device...]. Если это условие не выполнено, государство может выдать бразильской компании лицензию на производство аналога запатентованного лекарства на территории страны. Все это серьезно ограничивает экспорт лекарств в Бразилию транснациональными компаниями и также является косвенной формой стимулирования локализации.

Бразильское правительство оказывает серьезное давление на транснациональные фармацевтические компании, чтобы вынудить их снижать цены (через неформальные контракты, производство дешевых дженериков, государственные субсидии). Для этой же цели цены на препараты часто печатаются на видных местах в средствах массовой информации.

Выдача альтернативных лицензий — одна из форм получения более дешевых лекарств-дженериков. Например, в 2007 г. правительство выдало альтернативную лицензию на производство дженерик-версии лекарства «Efavirenz» компании «Merck Sharp & Dohme» в рамках национальной программы борьбы со СПИДом. Бразильская компания «Farmanguinhos/Fiocruz», которая управляется Министерством здравоохранения, выпускает 2 млрд единиц дженерика EFV в год и планирует довести ежегодную экономию до 900 млн долл.

Другим действенным инструментом бразильского государства является отказ признавать иностранные патенты. Так, в 2008 г. был отклонен патент американской компании «Gilead Sciences» на производство ее лекарства «Tenofovir» — на том основании, что лекарство лишено уникальности. При этом Бразилия получила право на импорт более дешевого аналога — дженерика из Индии, который обходится пациенту почти в десять раз дешевле (158 долл. в год вместо 1387 долл.). Поскольку аналог производится не на территории Бразилии, это нельзя рассматривать как форму локализации, однако налицо стремление бразильского правительства всеми доступными средствами обеспечить население более дешевыми лекарствами.

Как видно из рассмотренных примеров, бразильское правительство создает существенные ограничения для иностранных производителей медицинских товаров. А при этом сектор здравоохранения в стране растет быстрыми темпами. По размеру фармацевтического рынка, например, Бразилия занимает 6-е место в мире.

Ветровая энергетика Канады

Политика в области производства ветряных турбин в канадских провинциях Онтарио и Квебек представляет собой пример четко выраженных мер по стимулированию локализации. Инструментом выступают количественные требования по росту процента локализации. Цель — побудить канадские промышленные компании к созданию новых рабочих мест и формированию новой отрасли экономики.

По данным Международной ассоциации ветровой энергетике, мощности этой отрасли в мире удваиваются каждые три года, с ежегодными темпами прироста в 20%. В 2014 г. общая установленная мощность ветровых электростанций достигла 370 тыс. мегаватт (в 2011 г. — 237 тыс. МВт). В настоящее время в мире более 100 стран используют силу ветра для выработки электроэнергии. В 2014 г. на долю ветровой энергетике приходилось более 4% мирового производства электроэнергии [New Record...].

Долгое время развитие ветровой энергетике определялось пятью крупнейшими рынками (Китай, США, Германии, Испании и Индии). В 2010 г. к расширенному списку лидеров присоединилась Канада, которая заняла в 2014 г. седьмое место в мире (табл. 2).

Темпы роста ветровой энергетике в Канаде даже выше, чем в Китае, и уступают только Бразилии. Хотя Канада — относительно новый игрок на рынке ветровой энергетике,

около 60% электроэнергии в стране вырабатывается из возобновляемых источников, главным образом водных; 20% приходится на атомные станции, 15% — на угольные и 5% — на станции, работающие на газовом топливе.

Таблица 2

Страны – лидеры в ветровой энергетике, 2014 г.

Место	Страна	Общая установленная мощность, МВт	Добавленная мощность в 2014 г., МВт	Темпы роста в 2014 г., %
1	Китай	114763	23350	25,7
2	США	65879	4854	7,8
3	Германия	40468	5808	16,8
4	Испания	22987	27,5	0,1
5	Индия	22465	2315	11,5
6	Великобритания	11998	1467	13,9
7	Канада	9694	1871	25,9
8	Франция	9296	1042	12,6
9	Италия	8663	107,5	1,3
10	Бразилия	6182	2783	81,9
11	Швеция	5425	1050	21,4
12	Дания	4850	78	1,6
	Остальной мир	47300	7000	16,0
	Всего	370000	51753	16,2

Источник: New Record in Worldwide Wind Installation. World Wind Energy Association. Press Release Statistics, February 5, 2015. <http://www.wwindea.org/new-record-in-worldwide-wind-installations/>

Богатые природные ресурсы позволяют Канаде удерживать тарифы на электроэнергию на одном из наиболее низких уровней в мире. По этому показателю страна уступает только Швеции (рис.1).

Тем не менее Канада вскоре будет вынуждена искать новые источники энергии для удовлетворения растущего спроса и компенсации выбывающих угольных электростанций.

По расчетам Международного энергетического агентства, стране до 2030 г. понадобится около 200 млрд долл. новых инвестиций в мощности по производству электроэнергии, ее передачи и распределения. Власти канадских провинций уже объявили о планах инвестирования 115 млрд долл. в производство энергии в ближайшие 20 лет. Проблема заключается в достижении баланса между спросом на электроэнергию и экологической нагрузкой.

В рамках борьбы с парниковым эффектом Канада быстро развивает возобновляемые источники энергии. Ветровая энергетика заняла в стране второе место после гидроэнергетики. Канадская ассоциация ветровой энергетике прогнозирует, что к 2025 г. на нее будет приходиться до 20% рынка. Это предполагает установку в стране 22 тыс. ветровых турбин [PoweringCanada's...].

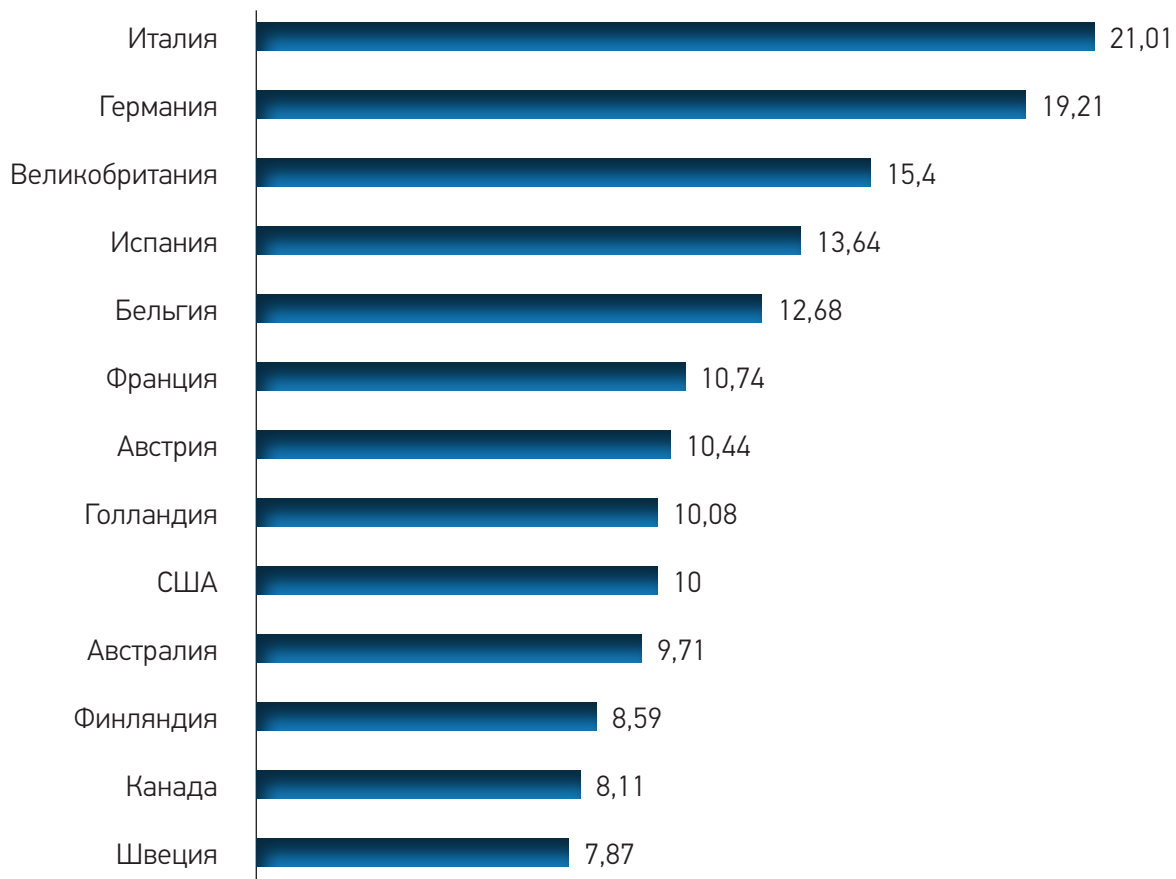

Рис 1. Цены на электроэнергию в ряде экономически развитых стран, центы/кВт-час.

Канада, как известно, является федеративным государством, состоящим из 10 провинций и трех территорий. Регулирование производства электроэнергии, ее передача и распределение находится в основном в руках региональных органов власти. В результате между отдельными региональными рынками электроэнергии существуют значительные различия. На федеральном уровне сосредоточено только управление ядерной энергетикой. Все проекты ветровой энергетики требуют провинциального одобрения и лицензирования, включая планы участков и муниципальные разрешения на строительства.

Среди значимых межрегиональных различий — тарифы и цены на электроэнергию. Например, тарифы для жилого сектора Монреаля в 2011 г. были самыми низкими и составляли 68,21 канадского доллара за 1 тыс. кВт, в то время как в провинции Онтарио — 127 канадских долларов, а в Калгари — почти 150 долларов.

Наиболее крупные установленные мощности ветровой энергетики находились в 2014 г. в провинции Онтарио (2855 МВт). Производство, передача и распределение электроэнергии в провинции регулируется сразу несколькими структурами. На «Ontario Power Generation Inc.» (OPG), находящуюся полностью в руках местных провинциальных органов власти, приходится 70% производимой в провинции электроэнергии. Примерно 97% электрических сетей принадлежат также государственной «Hydro One Networks», которая обслуживает 1,2 млн потребителей.

Власти Онтарио широко используют «зеленый тариф» (feed-in-tariff) — экономический и политический механизм, предназначенный для привлечения инвестиций в технологии использования возобновляемых источников энергии (включая ветровую). Этот механизм не является уникальным для Канады: его используют около 50 стран мира, включая США, Китай, Индию и др. В его основе лежат три основных фактора:

- гарантия подключения к сети;
- долгосрочный контракт на покупку всей произведенной электроэнергии;
- надбавка к стоимости произведенной электроэнергии [Mendonça].

Правительство Онтарио в рамках этого механизма гарантирует должный уровень цен, подключение к сети и долгосрочный контракт с производителем «зеленой» энергии, что в комплексе делает рентабельными крупные капиталовложения в отрасль. Этот механизм был запущен в 2009 г. Одновременно правительство Онтарио стало изыскивать инвестиции в обрабатывающую промышленность, связанную с «зеленой» энергетикой. Здесь государство полагается на политику стимулирования локализации. Оно требует, чтобы при поставках оборудования минимальный уровень локально производимых товаров и услуг составлял от 25% в крупных проектах ветровой энергетики до 60% в проектах солнечной энергетики [Feed-in...].

Несмотря на обвинения в нарушении правил ВТО, провинция Онтарио достигла значительных успехов в привлечении крупномасштабных инвестиций в возобновляемую энергетику. По данным ряда экспертов, механизм стимулирования локализации позволил привлечь сюда 30 млрд долл. новых инвестиций [Ontario...]. Крупнейшим проектом в рамках программы развития «зеленой» энергетики провинции является комплекс из четырех ветровых и солнечных кластеров стоимостью в 6,7 млрд долл., возведенный южнокорейской компанией «Samsung».

В электроэнергетике провинции Квебек, которая занимает второе место в стране по величине установленных мощностей ветровой энергетики, доминирующие позиции занимает местная государственная монополия «Hydro-Quebec». Чтобы возвести здесь новые ветровые мощности, необходимо получить ряд разрешений [Wind Energy...].

В Квебеке преобладает гидроэнергетика, доля которой на рынке составляет 97%. Однако уже в середине 2000-х годов ветровая энергетика стала рассматриваться в качестве важного дополнения. Согласно стратегии развития энергетики «Quebec Energy Strategy 2006–2015», на каждые 1000 МВт новых гидромощностей планировалось вводить 100 МВт ветровых станций [Using Energy...]. К середине 2015 г. общий объем установленных в провинции ветровых мощностей достиг 2,5 тыс. МВт.

Власти провинции объявили, что они стараются получить максимальный экономический эффект для муниципалитетов и региона в целом за счет механизма принуждения к локализации. Этот механизм включает в себя требования, чтобы 30% стоимости ветровых турбин генерировалось в муниципалитетах провинции и 60% всех издержек оседало в провинции Квебек [Using Energy...]. Среди этих издержек — исследование участка и окружающей среды, стоимость ветровых турбин, совокупные строительные

издержки, включая транспортировку турбин на строительную площадку, их тестирование и ввод в эксплуатацию. Такой механизм, по мнению властей, должен способствовать привлечению инвестиций в промышленные предприятия по производству турбин и созданию соответствующих рабочих мест.

Автомобильная промышленность Китая

Требования к локализации уже более 30 лет являются в Китае составной частью политики стимулирования развития автомобилестроения. С начала 1980-х годов, когда Китай объявил автомобильную промышленность одним из важнейших факторов экономического роста, государство стало субсидировать отрасль и поощрять создание совместных предприятий с иностранными инвесторами для увеличения производства и приобретения необходимых технологий. После присоединения страны к ВТО в 2001 г. Китай убрал требования к локализации из официальных документов и законодательных актов; однако в части требований к иностранному владению собственностью, финансовых инструментов и государственных «рекомендаций» политика локализации остается живой и невредимой. Требования к повышению доли национального капитала в структуре собственности не регулируются нормами ВТО.

В 2009 г. Китай обогнал США по общему объему производства автомобилей, став крупнейшим в мире производителем. В 2011 г. производство достигло 18 млн штук, или 24% мирового выпуска. Увеличение производства автомобилей и мощностей по их производству мотивируется растущим спросом, особенно во внутренних регионах Китая.

До прихода иностранных компаний в Китай в стране было более 100 фирм по производству автомобилей, каждая из которых выпускала небольшое число легковых или грузовых машин. В 2011 г. на китайские бренды, такие как «Cherry» и FWA, приходилось 42% всего рынка, на японские — 19%, европейские — 18%, американские — 11% и корейские — 8%. Как и в других отраслях китайской экономики, государственные компании занимают доминирующее положение на автомобильном рынке.

Быстрый экономический рост Китая создал много проблем, среди которых усиленное потребление нефти и разрушение окружающей среды. Спрос на нефть, обусловленный в том числе быстрым ростом автомобильного парка, увеличивался стремительными темпами. Зависимость от импортной нефти выросла с 8% в 1995 г. до 54% в 2010 г. Одновременно загрязнение окружающей среды создало серьезные угрозы здоровью.

Для решения этих проблем китайское правительство объявило приоритетом развитие высокотехнологичных отраслей, что зафиксировано в решениях 12-го съезда КПК и так называемом Каталоге иностранных инвестиций. В этом Каталоге все отрасли разделены на четыре группы: стимулируемые, ограниченные, запрещенные и разрешенные. Иностранные инвестиции в стимулируемые отрасли поощряются государством увеличением доли иностранного капитала в структуре собственности, уменьшением государственного вмешательства и снижением налогов. Каталог показывает стремление

китайского правительства больше открыть рынок и стимулировать иностранные инвестиции в наукоемкие отрасли обрабатывающей промышленности, новые технологии, альтернативные виды энергетики и экологически чистые производства. Одновременно правительство ограничивает иностранные инвестиции в отрасли с высоким уровнем загрязнения среды и потребления энергии, а также в экспорт природных ресурсов.

В автомобильной промышленности китайское правительство перенесло акцент на производство энергосберегающих автомобилей — работающих на альтернативных видах топлива, гибридные, на электрической тяге и на топливных элементах. В 2012 г. правительство объявило об увеличении производства электро- и гибридных автомобилей до 500 тыс. в 2015 г. и 5 млн в 2020 г. [30 million...] Для достижения этой цели китайское правительство включило производство таких автомобилей в список стимулируемых отраслей. Традиционное сборочное производство, напротив, было переведено из списка стимулируемых в список разрешенных. Кроме того, в список стимулируемых включено производство важнейших компонентов для новых энергосберегающих автомобилей, в том числе определенных видов батарей.

На автомобильные совместные предприятия распространяются ограничения на иностранное владение (оно не должно превышать 50%). На производителей запасных частей таких ограничений нет, за исключением некоторых компонентов новых энергоэффективных автомобилей, таких как электрические батареи.

Ряд барьеров и стимулов, наряду с высокими тарифами на автомобильные компоненты, подтолкнули иностранных производителей локализовать производство таких компонентов на территории Китая, а не экспортировать готовые автомобили и запасные части из своих стран. В результате один произведенный в Китае автомобиль в среднем содержит импортных деталей на 1155 долл. Это значительно меньше, чем в странах со свободным рынком автомобильных компонентов. Всего выше этот показатель в Великобритании — 10853 долл. на один автомобиль, затем следуют Канада (9156 долл.), Мексика (6638 долл.) и США (5897 долл.). Германия, Франция и Испания импортируют компоненты, соответственно, на 4737, 6285 и 6279 долл. на один автомобиль. Самый низкий показатель (705 долл. на автомобиль) у Японии, близкие позиции занимают Индия (813 долл.) и Южная Корея (945 долл.). Низкий уровень импортных компонентов в автомобилях, производимых в Китае, Японии, Южной Корее и Индии, отражает наличие явных и скрытых барьеров на пути международной торговли и инвестиций в этой отрасли.

В импорте готовых автомобилей — аналогичная картина. На 18,5 млн произведенных в 2011 г. в стране автомобилей импорт в Китай составил только 1 млн, т.е. менее 6%. В противоположность этому импорт в Великобритании составляет 86%, в Австралии — 85%, Франции — 82%. В большинстве стран мира доля импорта достигает 50% и более, а вот в Китае, Японии, Южной Корее, Индии и Таиланде на долю импорта приходится менее 10% автомобильного рынка. Все это результаты осторожной, но целенаправленной политики Китая на стимулирование собственного производства автомобилей и основных компонентов к ним.

Нефтегазовая промышленность Нигерии

В Нигерии политика локализации сосредоточена прежде всего на поставках и занятости в нефтегазовой промышленности, которая в основном контролируется иностранными компаниями. Непосредственными и очевидными целями являются стимулирование создания национальной нефтегазовой отрасли и рост занятости среди нигерийских граждан. Поскольку нефтегазовая промышленность не регулируется нормами ВТО, с этой организацией у Нигерии не возникает конфликтов по поводу политики локализации.

Нефтегазовая промышленность играет ключевую роль в нигерийской экономике. Доказанные запасы нефти составляют 36 млрд баррелей. По этому показателю страна занимает второе место в Африке после Ливии, а по объемам ежедневной добычи (2,45 млн барр.) — первое место на континенте. Примерно 96% добываемой нефти экспортируется и лишь 4% перерабатывается внутри страны. На нефть и газ приходится 86% экспорта страны по стоимости, в том числе 70% — на нефть (61 млрд. долл.). Крупнейшим потребителем нигерийской нефти являются США (38% экспортного рынка), затем следуют Индия (11%), Бразилия (7%) и Нидерланды (5%).

По данным МВФ, на экспорт нефти в стране приходится 60% всех государственных доходов. Согласно нигерийской конституции, в распределении нефтяных доходов участвуют все уровни государственного управления. Сначала доходы поступают в федеральный бюджет. Оттуда первый транш (13%) направляется в нефтедобывающие штаты в качестве эксплуатационного гранта. Оставшиеся 87% распределяются между федеральным правительством (52,7%), правительствами штатов (26,7%) и местными органами власти (20,6%).

В нефтегазовой отрасли действуют различные рыночные игроки. В 2010 г. на совместные предприятия с международными нефтяными компаниями приходилось 84% общего объема добываемой нефти; на компании, работающие на условиях раздела продукции — 14%; на независимых игроков — 2%. Иностранные корпорации, желающие начать бизнес в Нигерии, должны либо создавать совместные предприятия, либо работать на условиях раздела продукции. Доля иностранного капитала в тех и других компаниях не может превышать 49%. Крупнейшей иностранной компанией в Нигерии является «Shell Petroleum Development Company» (SPDC) — 29% добываемой в стране нефти, затем следуют «Mobil» (28%) и «Shevron» (16%). Нефтегазовая промышленность регулируется Нигерийской нефтяной корпорацией (NPCC), которая выступает на рынке активным игроком. Например, ее доля в SPDC составляет 55%.

Нигерийская нефтегазовая промышленность сильно зависит от импорта товаров и услуг на всех стадиях цепочки стоимости. Страна ежегодно тратит 8 млрд долл. на импортные услуги в области строительства, инжиниринга, закупки оборудования, сейсморазведки и т. п. Более половины этого импорта приходится на США. По данным нигерийского правительства, нефтегазовая промышленность импортирует 95% своих промышленных потребностей.

Отношения между иностранными компаниями и их нигерийскими партнерами имеют давнюю историю, уходящую корнями в британское колониальное господство. Нигерийская политика старалась найти тонкий баланс между получением максимальной ренты от национальных природных ресурсов и привлечением иностранного капитала для добычи и распределения этих ресурсов. Правительственный подход к поиску такого баланса со временем изменялся. Долгое время государство старалось стимулировать отечественное производство, ограничивая импорт. С середины 1970-х годов Нигерия в своей торговой политике перешла от использования тарифов к количественным ограничениям импорта.

В 2010 г. в стране был принят «Nigerian Oil and Gas Content Development Act» (CDA). Это наиболее жесткая попытка стимулировать процесс локализации, или «нигерианизации» [Nigerian content...]. Закон охватывает все вопросы, касающиеся локального «контента» в нефтегазовой промышленности. Особенно это относится к регулирующим органам, операторам, подрядчикам, субподрядчикам, партнерам по альянсам и другим субъектам, вовлеченным в проектирование, добычу и иные сделки в нигерийской нефтегазовой отрасли. В широком смысле это законодательство реализует три основных направления политики: стимулирует процесс локализации, определяет требования отчетности компаний (или операторов), создает специальный регулирующий и контролирующий орган. Кроме того, CDA формулирует детальный набор обязательств для нефтегазовых компаний.

В Законе недвусмысленно заявляется, что преимущественное право должно распространяться на отечественную, нигерийскую составляющую в нефтегазовых операциях. Принцип преимущественного права относится к найму персонала, закупке и поставке товаров и услуг, контрактным торгам и процедуре отбора.

Помимо преимущественного права найма местного персонала, законодательство требует, чтобы все позиции младшего и среднего управленческого звена были заняты только нигерийцами. Компании могут набирать иностранцев не более чем на 5% всех имеющихся позиций. Более того, на любой позиции иностранец может находиться не более четырех лет, после чего его место должно быть занято нигерийцем.

Заключение контракта не может основываться только на принципе минимальной цены. Если национальная нигерийская компания имеет возможность выполнить данную работу по цене, превышающей минимальную не более чем на 10%, она обладает преимуществом. Кроме того, предпочтение отдается той компании, в которой доля местного нигерийского персонала на 5% выше, чем в компании-конкуренте, если разница в цене контракта не превышает 1%.

Особые меры касаются поставок. В CDA подробно указывается обязательный минимум локализации для каждого проекта по каждому виду товаров и услуг. Так, уровень локализации в 100% требуется для поставок систем трубопроводов, подъемников, стальных труб и толстолистовой стали. Исключение допускается только при недостаточности мощностей у соответствующих компаний. В этих случаях правительство мо-

жет санкционировать импорт соответствующих деталей, но в течение не более трех лет.

В ряде отраслей экономики CDA устанавливает исключительно высокие барьеры — например, в финансовом секторе, где 100% «общих банковских услуг» должно быть локализовано.

Сознавая сложность достижения подобных целей, законодатель устанавливает для иностранных инвесторов специальные планы по достижению определенных уровней локализации. В Законе сказано, что в течение 60 дней с начала каждого года каждый оператор должен предоставлять Нигерийскому совету по развитию и мониторингу процесса локализации годовой Nigerian Content Performance Report, охватывающий все проекты оператора и всю его деятельность в течение отчетного года. В дополнение к годовому отчету каждый оператор обязан предоставить: план занятости и обучения, план НИОКР, план передачи технологий, план юридических услуг, план финансовых услуг, а также план страховых услуг. Эти планы требуют от оператора отчетности о текущем уровне локализации во всех соответствующих сферах. В случаях отсутствия требуемого уровня локализации предписывается разработать временной график его достижения.

Учрежденный законодательством Нигерийский совет по развитию и мониторингу процесса локализации наделен полномочиями «направлять, мониторить, координировать и внедрять в практику статьи Закона». Этот Совет финансируется за счет налога в 1% от стоимости всех отраслевых контрактов.

Две трети нефтяных резервов Нигерии расположены на шельфе. Добыча нефти на шельфе требует высокотехнологичного проектирования, строительства, управления и ремонта. В CDA особо подчеркиваются и выделяются требования к локализации всех ступеней добычи глубоководной нефти. Так, законодательство требует, чтобы в процессе технического проектирования и инжиниринга глубоководного оборудования 60% численности персонала приходилось на нигерийских граждан. Кроме того, 60% строительства шельфовых сооружений (измеренные в тоннах) должно быть локализовано. После того как буровая скважина вступила в эксплуатацию, 75% менеджмента должно быть нигерийского происхождения. Если требуется экспертиза, то 45% консультационных услуг также должно быть локализовано. Наконец, 75% ремонтных работ должно предоставляться местными компаниями.

Политика локализации направлена и на поставки оборудования, необходимого для подводного бурения. В 2012 г. дочерняя компания «ExxonMobil» — «Mobil Producing Nigeria» первой начала производство трех платформ в Нигерии [NNPC...]. Эти платформы, правда, предназначены для бурения на суше, а не на шельфе, что значительно более сложно в техническом отношении. Однако в правительстве Нигерии полагают, что в течение 3–5 лет в стране откроют производство оборудования и его компонентов не менее 25 ведущих иностранных машиностроительных компаний. Таким образом, в среднесрочной и долгосрочной перспективе Нигерия сможет почти полностью удов-

летворять свои потребности в нефтегазовом оборудовании за счет локального производства.

Первые успехи в локализации производства нефтегазового оборудования стимулировали намерения Нигерии распространить идеи закона CDA и на другие отрасли экономики — в частности, на телекоммуникационную (ICT), ежегодные доходы от которой составляют 8 млрд долл. Подобные идеи получают популярность и в других странах Африки.

Программа «Покупай американское»

Принятие широкомасштабных мер по локализации производства в США восходит ко временам Великой депрессии. В 1933 г. Конгресс принял, а президент Гувер подписал (в последний день своего пребывания в Белом доме) закон «Покупай американское» («Buy American Act»). Этот закон отдавал предпочтение отечественным товарам и услугам во всех видах государственных закупок. Цель его, как и других инициатив по локализации, заключалась в защите рабочих мест. Важно отметить, что определяющим фактором становилось местонахождение производственной деятельности, а не принадлежность компании (отечественная или иностранная).

Закон называл продукт отечественным, если «практически большая часть» его составляющих имела американское происхождение. Это означало, что стоимость иностранных компонентов не должна была превышать 50% общей стоимости товара или услуги. Перечислялись также исключения из общего правила локализации: если применение закона не соответствует национальным интересам; если издержки оказываются чрезмерно высокими; если закупки совершаются вне пределов территории США; если стоимость закупок ниже уровня в 3000 долл.

В годы Второй мировой войны идея локализации получила дальнейшее развитие. В 1941 г. под предлогом защиты американской промышленной базы были приняты поправки к законодательству о финансировании Министерства обороны (Weggy Amendment). Эти поправки требовали, чтобы определенныекупаемые товары (военное обмундирование, продукты питания, ткани, специальные металлы и др.) были на 100% отечественного производства.

В 1982 г. президент Рейган провел через Конгресс «Закон помощи наземному транспорту» («Surface Transportation Assistance Act»). Он был важнейшей инициативой, предоставлявшей федеральное финансирование для строительства и ремонта национальной сети скоростных магистралей и мостов. Положения этого закона распространяли принципы локализации на государственное финансирование.

В ответ на «Великую рецессию» президент Обама в 2009 г. провел «American Recovery and Reinvestment Act» (ARRA). Ряд его статей подчеркивают требования локализации, в частности — положение о том, что ни один из фондовых источников, предназначенных для проектов строительства, реконструкции и ремонта общественных зданий

или общественных работ, не может быть израсходован, если используемые в проекте сталь, чугун и товары обрабатывающей промышленности полностью не произведены на территории США. Исключения составляют страны, подписавшие договор ВТО о государственных закупках, а также партнеры США по соглашениям о свободе торговли. Однако эти исключения применяются лишь в тех случаях, когда используемые отечественные продукты металлургии и обрабатывающей промышленности повышают стоимость проекта более чем на 25%.

В 2013 г. Сенат одобрил «Закон о развитии водных ресурсов» («Water Resources Development Act»). В одной из статей закона предписывается использование американской стали, продуктов металлургии и обрабатывающей промышленности для строительства, реконструкции и ремонта любых объектов, за исключением тех случаев, когда товары американского происхождения не имеются в достаточном количестве, а совокупные издержки проекта увеличиваются более чем на 25% (а также когда это не соответствует национальным интересам).

GPA, по сути, открывает возможности для стран-подписантов усиливать протекционистские меры, разрешая использовать исключения для специфических проектов и фондов. Так, в США предусмотрены исключения для более чем 50 субъектов, имеющих приоритетное право на государственные поставки. За счет таких исключений большая часть номенклатуры товаров и услуг оказывается не покрытой данным Соглашением.

Суммируя важнейшие цели политики локализации, заключенной в «American Recovery and Reinvestment Act», можно выделить следующие:

- активное расширение занятости с помощью инфраструктурных расходов;
- стимулирование экономического роста;
- защита американских компаний от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных компаний, получающих субсидии;
- укрепление национальной безопасности через стимулирование развития отечественной металлургической промышленности.

Стимулирующий пакет ARRA включает в себя 62 млрд долл. инвестиций в систему транспортной и водной инфраструктуры. Из этой суммы предусматривалось потратить 39 млрд долл. на наземную инфраструктуру (28 млрд долл. — на скоростные автотрассы), 6 млрд долл. — на водные ресурсы и 8 млрд долл. — на системы водоснабжения и водоочистки. Инвестиции в транспортную и водную инфраструктуру уже давно рассматриваются как средство, стимулирующее немедленный спрос на рабочую силу и, в долгосрочном плане, рост производительности [Copland...].

Политика локализации поднята на новую высоту. Если раньше использование иностранной стали разрешалось в случаях, когда применение отечественной приводило к «неоправданным издержкам», то теперь это разрешается лишь тогда, когда применение отечественной стали приводит к росту издержек более чем на 25%. Кроме того, отечественная сталь должна быть американской на 100%. Иными словами, запрещается

ется использование импортных чугунных заготовок для конечного производства готовых стальных труб.

Многие критики утверждают, что программа «Покупай американское» нарушает нормы ВТО и другие международные соглашения США. Однако соответствующие статьи ВТО и торговые соглашения носят гибкий характер. К ним относится и многостороннее Соглашение о государственных закупках (GPA), которое вступило в действие 1 января 1996 г. Нынешними членами Соглашения являются Канада, 27 стран — членов ЕС, Гонконг, Исландия, Сингапур, Швейцария и США. Центральной идеей Соглашения является открытие рынка государственных поставок для международной конкуренции только компаниям стран-участников. То есть это не касается Бразилии, Китая, Индии, Мексики и России, на которые приходится половина американского импорта стали.

Нормы ВТО существенно ограничивают применение политики локализации в тех случаях, когда страна, подписавшая Соглашение о государственных закупках, открывает сферу государственных закупок для иностранной конкуренции по некоторым статьям либо использует субсидии для стимулирования инвестиций. Однако разрешение споров по этому вопросу в ВТО занимает технически до трех лет. Поэтому число случаев использования требований к локализации с 2007 г. намного больше числа разрешенных споров (примерно в соотношении 117:3). У тех же стран, которые находятся вне рамок подобных соглашений, открываются широкие перспективы использования этого инструмента в целях активизации экономической политики и экономики в целом.

Литература:

- 30 million limit, Chinese auto industry and next generation eco car is the key. Nikkei Online, Mat 8, 2012.
- BHP Billiton walks away from PotashCorp // CBC News. 14.10.2010. URL: cbc.ca/news/canada/saskatchewan/bhp-billiton-walks-away-from-potashcorp-1.881623 (date of access: 27.04.2016)
- Blustein P. Many Oil Experts Unconcerned Over China Unocal Bid. The Washington Post // Washington Post. 01.07.2005. URL: washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/06/30/AR2005063002081.html (date of access: 27.04.2016)
- Botello J., Detrick J., Kraemer K. and Tigre P. From Industry Protection to Industry Promotion: IT policy in Brasil. Center for Research on Information Technology and Organization, University of California, Irvine, USA, 1999.
- Copland C., Levine L. and Mallet W. The Role of Public Works Infrastructure in Economic Recovery. Congressional Research Service Report for Congress, September 21, 2011.
- Domestic Industry Development in the Context of the International Crisis: Evaluating Strategies. CEBRI 2012. 45 p.
- Feed-in Tariff program. Ontario Power Authority. August 10, 2012. URL: carmanah.com/files/docs/Other/GRID_FIT%20Rules%20Version%202.0.pdf (date of access: 27.04.2016)
- Local Content Requirements: A Global Problem. 2013. 212 p.
- Medical Device Market in Brazil and its regulation. JETRO. 2012.
- Mendonça M. Feed-in Tariffs: Accelerating the Deployment of Renewable Energy. London: EarthScan. 2007.

- New Record in Worldwide Wind Installation // World Wind Energy Association. Press Release Statistics. 05.02.2015. URL: wwindea.org/new-record-in-worldwide-wind-installations/ (date of access: 27.04.2016)
- Nigerian content development & monitoring board. — Mode of access: ncdmb.gov.ng/ (date of access: 27.04.2016)
- NNPC/Mobil JV completes fabrication of platforms for new offshore operations // The Engineering Network. March 18, 2012. URL: engineer-ng.net/forum/topics/nnpc-mobil-jv-completes-fabrication-of-platforms-for-new-offshor... (date of access: 27.04.2016)
- Oliveira E.* Overview of the Brazilian Industrial Health Complex. 2011.
- Ontario to defend local content rules that have brought \$30B in investment. London: The London Free Press. November 19, 2012.
- Powering Canada's Future // Canadian Wind Energy Association. WINDVISION 2025. July 2014. URL: canwea.ca/wp-content/uploads/2014/05/Canada-Current-Installed-Capacity_e.pdf (date of access: 29.07.2014)
- Using Energy to Build the Quebec of Tomorrow: Quebec Energy Strategy. Government of Quebec, Ministry of Natural Resources and Wildlife. 2006, 16 p.
- Wind Energy Law in Canada. Gowlings. 2010, 64 p.

УДК 323;324

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Испания: новые выборы вместо нового правительства

Аннотация. Испанское государство вступило в период политической и институциональной неопределенности. Прошедшие 20 декабря 2015 г. парламентские выборы не принесли убедительной победы ни одной из политических сил. После провала попыток сформировать дееспособную правительственную коалицию страна начала готовиться к повторному всеобщему голосованию, назначенному на 26 июня 2016 г. В статье исследуются социально-экономический и политический контекст сложившейся ситуации; основные темы, риски и вызовы текущей избирательной кампании; расстановка сил и позиции главных общенациональных партий по ключевым вопросам повестки дня.

Ключевые слова: Испания, всеобщие выборы, политические противоречия, роспуск парламента, избирательная борьба.

Испанское государство вступило в период политической и институциональной неопределенности. Итоги всеобщих выборов 20 декабря 2015 г. круто изменили расстановку партийно-политических сил, поставив точку в более чем тридцатилетней истории господства де-факто двухпартийной системы, когда правоцентристская Partido Popular — PP (Народная партия) и левоцентристская Partido socialista obrero español — PSOE (Испанская социалистическая рабочая партия) с завидной регулярностью сменяли друг друга у власти. В настоящее время за право участвовать в формировании правительства претендуют четыре политические организации: к PP и PSOE присоединилась центристская Ciudadanos («Граждане») и леворадикальная Podemos («Мы можем»). По итогам всеобщих выборов 20 декабря 2015 г. ни одна из партий не получила абсолютного большинства в конгрессе депутатов (ключевой палате национального парламента — Генеральных кортесов). В стране начался мучительный процесс политического торга, однако коалиционное правительство так и не было создано. Декретом короля Филиппа VI парламента был распущен, и испанцы начали готовиться к досрочным всеобщим выборам, которые должны состояться 26 июня текущего года.

Положение Королевства Испании осложняется тяжелым выходом из беспрецедентного по глубине и продолжительности финансово-экономического и структурного кризиса [Яковлев. 2015. № 10, с. 57–68]. Кроме того, на внутренние процессы в стране противоречиво воздействует международная обстановка, сложившаяся в результате сопряжения целого ряда разнонаправленных трендов (борьба с трансграничным исламским терроризмом, обострение противоречий между Евросоюзом и Россией, текто-

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; yakovlev@yandex.ru.

нические сдвиги в глобальной экономике и появление новых «центров силы»).

Страна на выходе из кризиса

Прежде всего обратимся к оценке социально-экономической ситуации. За шесть лет (2008–2013 гг.) кризисных потрясений испанское общество заплатило высокую цену. Ощутимо снизился уровень жизни, невиданных масштабов достигла безработица, начало сокращаться население, ухудшились ключевые макроэкономические показатели. Режим строгой экономии (политика продиктованного Брюсселем так называемого «бюджетного аскетизма»), отдельные структурные и институциональные реформы, проведенные правительством РР, а также более благоприятная внешняя конъюнктура (резкое сокращение расходов на импорт нефти и девальвация евро) позволили испанской экономике после шести лет кризисных испытаний встать на путь восстановления. Свою роль сыграл и Европейский центральный банк, предоставивший Мадриду крупные финансовые ресурсы [Gobierno de España...]. В результате в 2014–2015 гг. заметно возрос экспорт товаров и услуг, начался рост ВВП, увеличилась занятость (табл. 1).

Таблица 1

Испания: ключевые макроэкономические показатели

Показатель	2007	2013	2015
Население (тыс. человек)	45236	46593	46426
Номинальный ВВП (млрд евро)	1081	1031	1081
Душевой ВВП (тыс. евро)	23,9	22,1	23,2
Экспорт товаров и услуг (млрд евро)	277,9	329,6	358,4
Экспорт товаров и услуг (% ВВП)	25,7	32,0	33,1
Государственный долг (% ВВП)	35,5	93,7	99,2
Безработица (%)	8,2	26,1	22,1
Стоимость рабочей силы (изменение в %)	0,7	-0,8	-0,3

Источник: European Commission. Statistical Annex of European Economy. Spring 2016. – <http://ec.europa.eu/>

В конце апреля текущего года правительство лидера РР Мариано Рахоя подготовило для представления в органы Евросоюза «Программу стабильности», определившую цели экономической политики Мадрида на период до 2019 г. [El Gobierno argueba...] Этот документ, оцененный в экспертном сообществе как «излишне оптимистический» [Exceso de optimismo...], предусматривает поддержание среднегодовых темпов прироста испанской экономики в размере 2,5%, снижение уровня безработицы до 15%, уменьшение суверенного долга до 96% ВВП, а также (в соответствии с требованиями Брюсселя) последовательное сокращение бюджетного дефицита — главным образом за счет сжатия государственных расходов.

Несмотря на позитивные подвижки, в социально-экономической сфере остаются серьезные проблемы: на неприемлемо высоком уровне (свыше 20%) сохраняется безработица, ощущается значительная нехватка средств в пенсионной системе, уве-

личился разрыв между богатыми и бедными. Как было показано в специальном исследовании влиятельного аналитического центра при банке BBVA (Fundación BBVA), в 2007–2013 гг. удельный вес среднего класса в испанском обществе снизился с 60,6% до 52,3% (уменьшение на 3 млн человек), а доля бедного населения возросла с 26,6% до 38,5% [GoerlichGisbert].

Острейший характер приобрел конфликт Мадрида с сепаратистскими силами в Каталонии. Нависла угроза над территориальной целостностью страны, была поставлена под вопрос способность правительства «народников» эффективно отвечать на внутренние и внешние вызовы.

Сформулируем главные задачи, от решения которых в решающей степени зависит будущее испанского государства.

Первая — обеспечение устойчивого экономического роста, поскольку только на этой основе можно справиться с огромной безработицей и в целом улучшить социальную обстановку в стране. Признаки хозяйственного оживления в Испании имеются, но тренд этот нуждается в закреплении и развитии, что невозможно без дееспособного правительства, располагающего мощной парламентской поддержкой.

Вторая задача — нейтрализация каталонского сепаратизма. По итогам региональных выборов в сентябре 2015 г. в этом автономном сообществе к власти пришло правительство, взявшее курс на отделение от Испании [Яковлев. 2015. №4]. Конечно, позиции у сепаратистов не слишком сильные. Резко отрицательно к идее каталонской независимости относится значительная часть крупного бизнеса. Ряд компаний уже ушли из Каталонии, перенеся свою деятельность в другие районы страны. Это — тревожный сигнал для сепаратистов. Но вопрос остается открытым, и сохранение территориальной целостности Испании займет в повестке нового правительства одно из центральных мест.

Третья задача — повышение международного авторитета Мадрида, усиление позиций Испании в Европе и в мире в целом. Дело в том, что в годы кризиса испанское государство понесло серьезные репутационные потери. По существу, Испания была отодвинута от решения ключевых вопросов в рамках Европейского союза, а также ослабила свое влияние в Латинской Америке и Африке. В данном контексте, с точки зрения деловых и политических кругов страны, контрпродуктивными выглядят антироссийские торговые и финансовые санкции, введенные Евросоюзом. Потеря огромного российского рынка может быть для испанских предпринимателей весьма ощутимой. Нельзя забывать, что Испания и Россия экономически дополняют друг друга и являются естественными торговыми партнерами. Только один пример: до режима санкций около 7% всего агропромышленного экспорта Испании направлялось в Россию [Molina]. Это немалая цифра, поскольку речь идет об одной из главных статей испанского товарного вывоза.

Внутриполитическое положение Испании осложняется обострением международной обстановки, и прежде всего нарастанием террористической угрозы. Испан-

цы знакомы с терроризмом не понаслышке. Десятилетия страну сотрясали теракты, организованные боевиками баскской группировки ЭТА. Исламистские экстремисты «Аль-Каиды» 11 марта 2004 г. на столичном железнодорожном вокзале Аточа провели серию взрывов, убивших и ранивших свыше 2 тыс. человек. Ужас, охвативший тогда испанское общество, дает о себе знать и по сей день.

В известном смысле Испания находится на передовом рубеже противостояния с международным терроризмом. С конца прошлого века страна приняла сотни тысяч иммигрантов из мусульманских государств, часть которых влилась в ряды размножившихся на испанской территории исламистских радикальных организаций. Особую тревогу вызывает ситуация в автономном городе Сеута, являющемся испанским анклавом на побережье Северной Африки. Из 85 тыс. его жителей более 45 тыс. — мусульмане, среди которых немало сторонников запрещенного в России «Исламского государства» (ИГИЛ). Есть информация, что Сеута превратилась в базу подготовки исламистов, направляющихся воевать в Сирию и Ирак. Только в 2015 г. испанские власти задержали около 100 таких боевиков, что, разумеется, лишь вершина айсберга [Reinares].

Дальнейшее расползание международного терроризма способно перечеркнуть любые планы по восстановлению экономики и нормализации социальной сферы. Это требует от Испании активизации антитеррористической деятельности, более тесной координации усилий с теми странами (прежде всего с Россией), которые несут главную нагрузку в войне с ИГИЛ и другими экстремистскими организациями.

На выходе из кризиса в испанском социуме сформировался запрос на осмысление путей дальнейшего развития страны. Общество ждало убедительных ответов на фундаментальные вопросы. Однако масштаб и новизна происходивших событий застали, похоже, врасплох государственный истеблишмент и интеллектуальное сообщество. Представители власти и эксперты смогли предложить весьма ограниченный набор идей и решений. Отсюда — мощный выброс общественно-политической энергии, формирование новых партий, позиционирующих себя в качестве альтернативы социалистам и «народникам».

Испанский политический пазл

В ходе избирательной кампании конкурирующие партии определили свое отношение к наиболее чувствительным для основной массы избирателей проблемам. Приведем позиции главных общенациональных политических структур по ключевым вопросам текущей повестки дня.

Пенсионная система

В условиях демографического кризиса и старения населения необходимость совершенствования системы социального обеспечения ни у кого не вызывает сомнений. Тема эта — чрезвычайно деликатная, затрагивающая интересы подавляющего большинства испанцев.

Позиция Partido Popular: сохранение нынешнего курса, основанного на реформе 2011 г., когда было принято решение об увеличении возраста выхода на пенсию с 65 до 67 лет при рабочем стаже в 37 лет. Возможность (по желанию) выходить на пенсию после 67-летнего возраста.

PSOE: гарантированная индексация пенсий в соответствии с уровнем инфляции. При необходимости — введение особого налога для пополнение средств пенсионного фонда.

Ciudadanos: при назначении размера пенсии учитывать весь трудовой стаж, а не только последние годы.

Podemos: восстановление выхода на пенсию в 65-летнем возрасте. Введение налогов, гарантирующих финансирование пенсионной системы, привязка увеличения размера пенсий к уровню инфляции.

Unidad Popular: повышение минимальной пенсии с нынешних 636 евро в месяц до 756 (при условии находящегося на иждивении супруга — 831). Сокращение налоговых льгот для частных пенсионных фондов, укрепление государственной пенсионной системы.

Минимальная заработная плата

Позиция Partido Popular: отказ от существенного повышения минимальной заработной платы (МЗП) на том основании, что это приведет к снижению конкурентоспособности испанской экономики.

PSOE: довести МЗП до уровня 60% средней заработной платы. Это означает, что МЗП вырастет с нынешних 648 евро (из расчета 14 платежей в год) до 1 тыс. евро в течение двух легислатур.

Ciudadanos: повышение МЗП негативно отразится на увеличении занятости и снижении безработицы. Следует оказывать дополнительную финансовую помощь малоимущим семьям.

Podemos: постепенный рост МЗП до 900 евро (из расчета 14 платежей в год) к концу 4-летнего периода пребывания у власти.

Unidad Popular: последовательное увеличение МЗП до 1176 евро (из расчета 14 платежей в год) в 2019 г.; возможность более высокого уровня МЗП в государственном секторе и отдельных отраслях.

Снижение налогов

Позиция Partido Popular: внести некоторые изменения в порядок взимания подо-

ходного налога с физических лиц (IRPF — impuesto de renta de personas físicas), а также снизить налоги на индивидуальных предпринимателей и фискальные сборы на наследства и дарения между родителями и детьми и между супругами.

PSOE: объединить IRPF и налог на имущество в один налог, снизить НДС (IVA) на товары первой необходимости и продукцию культурного назначения. Одновременно предлагается лишить крупные корпорации налоговых скидок и льгот.

Ciudadanos: снизить IVA и IRPF, что, по мнению близких к партии экономистов, послужит критически необходимому расширению внутреннего рынка.

Podemos: изменить минимальные и максимальные значения IRPF в пользу малоимущих, отменить льготы при наследовании и снизить необлагаемый размер имущества.

Unidad Popular: ввести более прогрессивную шкалу IRPF, изменить (в сторону повышения) налог на имущество.

Социальные расходы

Позиция Partido Popular: никаких существенных изменений нынешнего состояния дел.

PSOE: повысить государственные расходы на образование и здравоохранение.

Ciudadanos: не допускать новых сокращений расходов на здравоохранение, гарантировать финансирование образования.

Podemos: увеличить расходы на образование (резкая критика политики правительства М. Рахоя в данной сфере).

Unidad Popular: значительно увеличить расходы на здравоохранение и образование.

Положение в Каталонии

Partido Popular не признает правомерности требования о предоставлении независимости Каталонии. Считает, что любые изменения территориального устройства страны могут проводиться с согласия большинства всего испанского населения.

PSOE выступает за поиск политического решения каталонской проблемы. Выдвигает идею реформы конституции Испании и регионального статута Каталонии.

Ciudadanos предлагает ответить на каталонский сепаратизм формированием единого демократического фронта в защиту территориальной целостности Испании.

Podemos делает ставку на проведение референдума в Каталонии, на котором ее граждане решат судьбу автономии.

Unidad Popular не поддерживает каталонский сепаратизм, но признает наличие проблемы и предлагает использовать опыт Шотландии (референдум о независимости от 18 сентября 2014 г.).

Реформа конституции

Partido Popular в принципе выступает против конституционной реформы, но выражает готовность изучить предложения ее сторонников.

PSOE предлагает реформу основного закона с тем, чтобы адаптировать его к изменившимся внутренним и внешним условиям. Допускает возможность пересмотра территориального устройства испанского государства.

Ciudadanos требует пересмотра ряда основополагающих статей конституции — в частности, превращения сената Генеральных кортесов в Совет глав правительств автономных сообществ, изменения электоральной системы, уточнения компетенций центральной власти и автономий и т.д.

Podemos предлагает утвердить практику проведения референдумов, осуществить реформу избирательной системы, юридически закрепить базовые социальные права: на жилище, образование, медицинское обслуживание.

Unidad Popular защищает идею широкой конституционной реформы для превращения Испании в федеративное многонациональное государство. Делает акцент на юридическом закреплении прав граждан на труд и получение установленного минимального дохода.

Внешняя политика

Позиция Partido Popular: главный пункт — укрепление взаимодействия европейских стран в решении проблем нелегальной миграции, трансграничного терроризма и т.д.

PSOE в своей внешнеполитической программе, среди прочего, настаивает на признании Палестинского государства.

Ciudadanos считает, что необходимо установить контроль парламента над деятельностью внешнеполитического ведомства. Выступает за формирование европейских сил внешней разведки и пограничной службы.

Podemos отстаивает необходимость большей стратегической самостоятельности Европы в рамках НАТО, выступает за проведение единой политики в сфере обороны и безопасности европейских стран.

Unidad Popular призывает отказаться от договора о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве между Европейским союзом и США.

Ожидаемые итоги

Всеобщие выборы 20 декабря 2015 г. стали двенадцатыми по счету в постфранкистский период и первыми, на которых реальная борьба развернулась не между двумя партиями, сменявшими друг друга у власти с 1982 г., но между четырьмя: «старыми» — PP и PSOE и «новыми» — Ciudadanos и Podemos. При этом идейный диапазон противоборствующих сил был сравнительно широк: от правоцентристской идеологии PP до радикально левых настроений многочисленных сторонников Podemos. Симптоматично, что лидер каждой из этих партий уже видел себя в качестве очередного главы испанского правительства. Однако вполне ожидаемые и предсказываемые многими экспертами итоги выборов (табл. 2) сделали задачу формирования нового состава исполнительной власти не просто сложной, но, как оказалось, невыполнимой.

Таблица 2

Результаты всеобщих выборов 2015 и 2011 гг.

Партия	2015		2011	
	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов
Partido Popular (PP)	28,7	123	44,6	186
Partido Socialista Obrero Español (PSOE)	22,0	90	28,7	110
Podemos (с союзниками)	20,6	69	-	-
Ciudadanos	13,9	40	-	-
Unidad Popular – UP (Izquierda Unida –IU)	3,7	2	6,9	11
Остальные	11,1	26	19,8	43

Источник: Gobierno de España. Ministerio del Interior. – interior.gob.es/

Эти выборы стали во многом переломным событием в демократической истории Испании.

Во-первых, круто изменился расклад политических сил, обозначился конец эпохи де-факто двухпартийной системы. Так, PP получила в конгрессе депутатов 123 места (на 63 меньше, чем в 2011 г.), PSOE — 90 (минус 20 мест), тогда как Podemos провела в высший законодательный орган 69 представителей, а Ciudadanos — 40. Обратил на себя внимание электоральный провал Izquierda Unida (Объединенных левых), выступавших под названием Unidad Popular — UP (Народное единство) и сокративших свое представительство в парламенте с 11 до двух депутатов. По общему мнению, многие голоса UP, костяк которой составляют испанские коммунисты, перетянула на себя Podemos. Остальные 26 мест поделили между собой небольшие левые, националистические и открыто сепаратистские организации. В результате на долю PP и PSOE пришлось 60% депутатских мест, тогда как в 2011 г. этот показатель составлял 85%, а в 2008 г. — 93% [Яковлев. 2012, с. 20]. Иначе говоря, испанские избиратели вынесли бипартидизму однозначный приговор.

Во-вторых, в Испании наступила эпоха формирования политических коалиций. Поскольку ни одна из партий не может править в одиночку, необходимы разного рода договоренности и межпартийные союзы. В то же время парламент неизбежно превращается в поле межпартийных баталий, поскольку идеологические установки основных фракций различны. В этом — потенциальная угроза политической неопределенности и нестабильности.

Всеобщие выборы в Испании 20 декабря 2015 г. и интенсивная электоральная кампания отделили годы кризисных пертурбаций от периода формирования новой модели социально-экономического и политического развития. Не случайно в экспертном обществе все чаще речь идет о новом транзите, о переходном состоянии испанского общества.

Итоги выборов не принесли полного удовлетворения ни одной из главных политических сил, поскольку никому не обеспечили решительной победы.

Результат, полученный на выборах правящей PP, наблюдатели расценили как крупную неудачу. Утрата партией консерваторов абсолютного большинства мест в конгрессе депутатов должна была (по логике вещей) подвигнуть ее руководство к проведению гибкой линии, энергичному поиску политических союзников и формированию правительственной коалиции. Рассматривались три варианта: альянс PP с PSOE; соглашение с Ciudadanos; «большая коалиция» этих трех партий. Однако ни генеральный секретарь PSOE Педро Санчес, ни председатель Ciudadanos Альберт Ривера не пошли на союз с консерваторами. В результате ближайшее окружение М. Рахоя избрало выжидательную тактику, рассчитывая на то, что их конкурентам не удастся сформировать достаточно прочной и широкой правительственной коалиции, и они будут вынуждены договариваться с PP.

Заметим, что основными препятствиями для социалистов и «граждан» на пути сотрудничества с «народниками» были крайне непопулярные итоги их правления в социальной сфере и бесконечная череда коррупционных скандалов, главными фигурантами которых выступали видные деятели PP.

У социалистов также имелись все основания не быть довольными результатами голосования 20 декабря. Никогда в период демократии PSOE не получала столь низкой электоральной поддержки. Это обусловило курс руководства во главе с П. Санчесом на создание единого правительственного блока с наиболее идеологически близкими «горожанами». 24 февраля 2016 г. PSOE и Ciudadanos заключили «Соглашение о правительстве реформ и прогресса» [Acuerdo para un Gobierno...], ставшее единственным такого рода документом, подписанным политическими партиями по итогам выборов 20 декабря. Обширный текст на 67 страницах охватывал многие проблемы, стоящие перед испанским обществом, и выдвигал программу институциональных и структурных реформ, имевших социальную направленность. Значительно меньшее внимание было уделено экономическим и финансовым вопросам, что, вероятно, отразило наличие в этой сфере разных точек зрения.

Договоренность между PSOE и Ciudadanos могла стать концептуальной платформой более широкой межпартийной правящей коалиции и лечь в основу деятельности нового правительства. Не случайно она вызвала тревогу в руководстве PP, которое почувствовало, что власть уплывает из его рук. Не в силах скрыть свое недовольство, один из лидеров «народников», Фернандо Мартинес-Маильо, назвал соглашение социалистов и «граждан» «пактом Иуды» [Casqueiro].

Документально оформленное сближение PSOE и Ciudadanos предоставило возможность выдвинуть П. Санчеса на пост главы правительства, но все попытки добиться в конгрессе депутатов одобрения его кандидатуры были заблокированы политическими противниками (как справа, так и слева) и не дали положительного результата.

Возможность сформировать левое коалиционное правительство во главе с лидером PSOE зависела прежде всего от позиции руководства Podemos и его вождя Пабло Иглесиаса, с которым социалисты не оставляли попыток найти общий язык. Решающая встреча переговорщиков PSOE и Podemos состоялась 7 апреля. На ней социалистам был передан политический меморандум, озаглавленный «20 предложений, чтобы разблокировать политическую ситуацию и сделать возможным формирование правительства перемен» [Podemos. 20 propuestas...]. Анализ этого документа, по утверждению руководителей PSOE, показал совпадение (или близость) позиций сторон по большинству принципиальных вопросов национального развития. Неприемлемыми для социалистов были два пункта: № 19, в котором Podemos протаскивала идею референдума о независимости Каталонии, и № 20, где из партийного состава будущего правительства исключались представители Ciudadanos. Очевидно, что согласие с этими положениями означало бы политическое предательство со стороны PSOE. Но характерно, что лидеры Podemos уже 8 апреля, на следующий день после встречи, не дожидаясь ответа социалистов на свои предложения, в одностороннем порядке прервали межпартийные консультации. Этим демаршем был фактически положен конец попыткам сформировать коалиционное правительство, отсутствие которого превратилось для испанцев в одну из главных проблем (табл. 3).

Таблица 3

Топ-10 национальных проблем, волнующих испанцев, %

№	Проблема	апр. 2016	дек. 2015	апр. 2015
1	Безработица	78,4	79,8	81,5
2	Коррупция	47,8	38,8	48,6
3	Состояние экономики	25,1	24,4	26,9
4	Политическая ситуация	20,8	14,8	19,6
5	Социальная сфера	9,7	11,8	10,9
6	Образование	8,6	9,7	9,0
7	Отсутствие нового правительства	7,1	-	-
8	Качество рынка труда	4,3	3,9	3,0
9	Международный терроризм	3,9	9,0	2,1
10	Иммиграция	3,5	3,8	2,7

Оглушительный провал межпартийных переговорных процессов, расцененный в обществе как «фиаско испанского парламентаризма» [Fracasoparlamentario...], загнал политическую ситуацию в тупик и вызвал рост массового недовольства. Все это вынудило короля 3 мая подписать декрет 184/2016 о роспуске парламента (конгресса депутатов и сената) и назначении новых всеобщих выборов [Real Decreto...].

Вызовы и риски избирательной кампании

Повторные всеобщие выборы, которые должны состояться впервые в демократической истории Испании, — игра со многими неизвестными. Все без исключения политические партии вступили в полосу неопределенности и повышенных рисков.

Ориентиром для выстраивания обновленных электоральных стратегий служат данные опросов общественного мнения, отражающие намерения избирателей голосовать за ту или другую политическую партию (табл. 4).

Таблица 4

Экспертная оценка основных партийных предпочтений испанского электората, % от общего числа избирателей

Партия	апр. 2016	январь 2016	апр. 2015	январь 2015
Partido Popular	27,4	28,8	25,6	27,3
Partido Socialista Obrero Español	21,6	20,5	24,3	22,2
Podemos (без союзников)	12,0	13,2	16,5	23,9
Ciudadanos	15,6	13,3	13,8	3,1
Izquierda Unida (Unidad Popular)	5,4	3,7	4,8	5,2

Источник: Estimación de voto (%). – cis.es/

В двойственном положении оказалась PP. С одной стороны, отсутствие у партии каких-либо твердых договоренностей о предвыборных коалициях ставит ее в ситуацию относительной изоляции. С другой, повторное голосование обещает «народникам» ощутимый прирост голосов, поскольку их электорат, как показала многолетняя практика, является наиболее лояльным и отмобилизованным. На это однозначно указывают и проведенные опросы общественного мнения. Гипотетически PP имеет шансы улучшить свои результаты, хотя и не настолько, чтобы получить абсолютное большинство (176 мест) в конгрессе депутатов и самостоятельно сформировать правительство. Более того, даже вступив в альянс с партией Ciudadanos (возможность, которую эксперты полностью не отвергают), консерваторы вряд ли получат искомое абсолютное большинство [Mateo].

Лейтмотивом новой избирательной кампании руководство «народников» сделало жесткое противопоставление своих кандидатов (во главе с М. Рахоем), «умудренных огромным управленческим опытом и сумевших вывести страну из кризиса», малоопытным «политическим любителям», которые способны лишь разбазарить накопленный потенциал роста и ввергнуть Испанию в пучину новых социально-экономических испытаний. Как заявил представитель интересов «народников» в парламенте Рафаэль Эрнан-

до, «26 июня будет сделан выбор между успешным проектом PP и моделью марксистско-ленинского толка» [Hernando...].

В свою очередь, лидеры Podemos провозгласили главной целью победу над PP, сделав ставку на формирование левого избирательного блока с участием Izquierda Unida — IU (организация пошла на выборы 26 июня под традиционным названием) и всех других политических сил, занимающих более радикальные позиции, чем PSOE. 9 мая лидеры Podemos и IU — П. Иглесиас и Альберто Гарсон — подписали совместный документ, озаглавленный «Изменить Испанию: 50 шагов, чтобы управлять вместе» и содержащий согласованную сторонами программу действий будущего правительства левых радикалов [Cambiar España...]. Тем самым был взят курс на «перехват» у социалистов максимально возможного количества голосов левого электората и оттеснение PSOE на вторые роли в национальной политике.

По наблюдению ряда экспертов, параллельные избирательные стратегии PP и Podemos неожиданно совпали в двух важных моментах [Díez]: 1) стремлении сделать голосование 26 июня своего рода «вторым туром» выборов 20 декабря и представить свои партии в качестве безусловных претендентов на роль главных действующих лиц; 2) путем идейно-политической поляризации избирательной кампании (резким разделением ключевых участников на правых консерваторов и левых радикалов) добиться маргинализации социалистов и, усиливая психологический нажим на руководство PSOE, вынудить его вступить в коалицию с одной из партий-лидеров — PP или Podemos.

Электоральные маневры консерваторов и левых радикалов поставили руководство PSOE в сложное положение. Главной задачей стало вернуть партии роль «политического зеркала» Испании, которую социалисты играли в лучшие свои годы. Для этого, по мнению большинства экспертов, необходимо идеологически более четко позиционировать PSOE как левоцентристскую социал-демократическую партию, дистанцировавшись как от правых, так и от популистских и леворадикальных сил. Задача крайне сложная, и что еще хуже — ее решение не гарантирует положительного результата, поскольку в годы кризиса европейская социал-демократия во многом утратила авторитет в массах, фактически поддержав монетаристскую антикризисную стратегию Брюсселя (политику «бюджетного аскетизма»). Первой жертвой этой стратегии, приведшей к увеличению материального неравенства, стал средний класс — основная электоральная опора социал-демократии. В результате за последнее десятилетие в странах Евросоюза социал-демократы потеряли в среднем 25% голосов избирателей, а в Испании данный показатель достиг 50% [¿Dónde está...]. Таким образом, произошла своего рода «декапитализация» левоцентристского политического спектра.

Как в этих условиях строить избирательную кампанию PSOE? С какими политическими силами искать взаимодействия? У социалистов есть три варианта. Первый — сохраняя альянс с партией Ciudadanos, сплотить вокруг себя все умеренно левые силы и попытаться сыграть на поле левых радикалов, перетянув на свою сторону ту часть их электората, которая колеблется и опасается резких перемен. Второй — присоединить-

ся к коалиции Podemos — Izquierda Unida, добившись для себя мало-мальски приемлемых условий. Третий — сделав разворот на 180°, согласиться на создание «большой коалиции» в составе PP, PSOE, Ciudadanos.

В безальтернативном, по сути, положении оказались «горожане». Их единственный шанс войти в состав исполнительной власти — это примкнуть к «большой коалиции» PP и PSOE, если таковая, конечно, будет создана. Стремясь повысить собственную значимость в глазах возможных партнеров, руководство Ciudadanos сделало мишенью предвыборной агитации сравнительно неустойчивый молодежный электорат, убеждая его, что альянс Podemos — IU ставит крест на разрекламированной этими партиями стратегии перемен, поскольку входящие в коалицию коммунисты — не будущее, а прошлое Испании. «Что может быть более старым, чем коммунистическая партия?» — риторически вопрошали А. Ривера и его сподвижники [Albert Rivera...]. Разумеется, продвигая такие тезисы, «горожане» политически подыгрывают консерваторам.

Ключевой общественный интерес, связанный с выборами 26 июня, — обеспечить такой их результат, который бы не позволил вторично заблокировать формирование нового правительства. По мнению известного политолога Хосе Игнасио Торребланки, это возможно в нескольких случаях (все они, признает сам эксперт, маловероятны) [Torreblanca]:

1. К моменту выборов в основных политических партиях произойдет смена лидеров, которые продемонстрировали неспособность договариваться. Уход М. Рахоя, П. Санчеса, А. Риверы и П. Иглесиаса, считает Х. И. Торребланка, может снизить градус напряжения и значительно повысить шансы на создание коалиционного правительства.

2. Будут отредактированы предвыборные программы для устранения тех пунктов, которые оказались неприемлемыми для потенциальных партнеров. Например, если PSOE и Ciudadanos согласятся на проведение в Каталонии консультации о независимости автономии, а Podemos пойдет на уступки в вопросе о росте бюджетных расходов.

3. В законодательство внесут положение о недопустимости роспуска парламента ранее чем через два года после проведения всеобщих выборов, на которых ни одна из политических организаций не получит абсолютного большинства мест в конгрессе депутатов. В указанный двухлетний период исполнительная власть (разумеется, при невозможности сформировать коалиционный кабинет) перейдет в руки той партии, которая наберет относительное большинство голосов.

При всей гипотетичности и практической нереализуемости (на нынешнем этапе) приведенных сценариев, само их появление в информационной сфере указывает на необходимость корректировки законодательных норм, регулирующих электоральный процесс в Испании и определяющих механизмы и процедуры формирования исполнительной власти. Очевидно одно: в настоящее время на испанском политическом пространстве не просматривается простых решений сложившейся сложной ситуации.

* * *

Несмотря на провал усилий по формированию коалиционного правительства после всеобщих выборов 20 декабря 2015 г., опросы общественного мнения показали, что около 70% испанских избирателей отдадут предпочтение многопартийной системе и не желают возвращения к временам двухпартийности [El poder devotar...]. Это означает, что новая партийно-организационная конфигурация политического пространства Испании «пришла, чтобы остаться». На это недвусмысленно указывают и имеющиеся прогнозы распределения голосов по итогам предстоящих июньских выборов: PP должна получить поддержку 27,6% электората (в декабре прошлого года «народники» имели 28,7%), PSOE наберет 22,2% (было 22%), Podemos — 19,2% (было 20,7%), Ciudadanos — 16,2% (было 13,9%). Таким образом, радикальных изменений в расстановке сил не предвидится, что вновь поставит вопрос о создании коалиционного правительства.

В этих условиях испанское общество ожидает от ведущих представителей политического класса не продолжения межпартийных конфронтаций и взаимных обвинений, а принятия согласованной и сбалансированной программы действий по решению стоящих перед страной социально-экономических проблем. Задача текущего момента — преодолеть деморализующий эффект психологического ступора, в который вогнали Испанию лидеры основных партий, не допустить дальнейшей политической поляризации.

В испанской ситуации как в капле воды отразились многие актуальные проблемы, с которыми сталкиваются другие европейские страны (финансово-экономическая неопределенность, углубление имущественного неравенства и социальное напряжение, кризис традиционных партий, отсутствие политического лидерства и т.д.). В совокупности это формирует тот климат нестабильности, что характерен сегодня для Европейского союза в целом.

Литература:

Яковлев П.П. «Каталонский узел»: политические последствия экономического кризиса в Испании // Перспективы. Электронный журнал. 2015, № 4. URL: perspektivy.info/upload/iblock/927/4_2015.pdf (дата обращения: 20.05.2016)

Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М., 2012.

Яковлев П.П. Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2015, № 10.

¿Donde está el PSOE? // El País. 30.04.2016.

Acuerdo para un Gobierno reformista y de progreso. — El modo de acceso: psoe.es/ (fecha de trato: 20.05.2016)

Albert Rivera: 'La alianza de Podemos con el partido comunista les impide volver a hablar de nueva política' // Ciudadanos. 10-05-2016. URL: ciudadanos-cs.org/prensa/albert-rivera-la-alianza-de-podemos-con-el-partido-comunista-les-impide-volver-a-hablar-de-nueva-politica/8990 (fecha de trato: 20.05.2016)

Cambiar España: 50 pasos para gobernar juntos. — El modo de acceso: podemos.info/wp-content/

- uploads/2016/05/acuerdo26J_final.pdf (fecha de trato: 20.05.2016)
- Casqueiro J.* El PP llama “Judas” a Sánchez y avisa de que traicionara al PSOE y Rivera // El País. 07.04.2016.
- Díez A., Maneto F., Casquero J.* El duelo de ‘segunda vuelta’ entre Rajoy y Iglesias margina al PSOE // El País. 11.05.2016.
- El Gobierno aprueba el Programa de Estabilidad Presupuestaria 2016–2019 y Plan Nacional de Reformas. Madrid, viernes 29 de abril de 2016. — El modo de acceso: lamoncloa.gob.es/ (fecha de trato: 20.05.2016)
- El poder de votar // El País. 04.05.2016.
- Exceso de optimismo // El País. Madrid. 30.04.2016.
- Fracaso parlamentario // El País. 27.04.2016.
- Gobierno de España. Balance de Gobierno. La Legislatura de la Recuperación. Reformas y Resultados. 2011–2015. — El modo de acceso: lamoncloa.gob.es/ (fecha de trato: 20.05.2016)
- Goerlich Gisbert F. J.* Distribución de la renta, crisis económica y políticas redistributivas. Bilbao: Fundación BBVA, 2016.
- Hernando: “El 26-J habrá que elegir entre el Proyecto de éxito del PP o modelos de corte marxista-leninista” // Populares. 10.05.2016. URL: pp.es/actualidad-noticia/hernando-26-j-habra-que-elegir-entre-proyecto-exito-pp-o-modelos-corte-marxista (fecha de trato: 20.05.2016)
- Mateo J. J., García J. G.* Los disputados escaños que dan mayorías // El País. 01.05.2016.
- Molina I.* Los desafíos internacionales de España en 2016 // Expansión. Madrid. 12.12.2015.
- Podemos. 20 propuestas para desbloquear la situación política y posibilitar un Gobierno de cambio. — El modo de acceso: larazon.es/documents/10165/0/video_content_4650712_20160407204312.pdf (fecha de trato: 20.05.2016)
- Real Decreto 184/2016, de 3 de mayo, de disolución del Congreso de los Diputados y del Senado y de convocatoria de elecciones // Boletín Oficial del Estado. Madrid, Num. 107. Martes 3 de mayo de 2016.
- Reinares F., García-Calvo C.* Terroristas, redes y organizaciones: facetas de la actual movilización yihadista en España // Real Instituto Elcano. 16.11.2015. URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/e... (fecha de trato: 20.05.2016)
- Torreblanca J.I.* Pensamiento mágico // El País. 30.04.2016.

Authors

Jean-Pierre ARRIGNON — a French historian; Honorary Professor; Vice-President of the Institute for Strategic Studies (Paris); Honorary Doctor at Yaroslavl State University.

Irina VASILENKO — Full Professor, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences; vasilenko.irina@mail.ru.

Andrey DEVYATKOV — Senior Researcher, Institute of Economics, RAS, Ph.D in History; devyatkovav@gmail.com.

Natalia EMELYANOVA — Researcher, Institute of Philosophy, RAS; Associate Professor, State Academic University for The Humanities, Ph.D in Political Science; nata.emelyanova86@gmail.com.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Elena PINYUGINA — Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (IN-ION) RAS, Ph.D in Political Science; pinjugina@rambler.ru.

Maksim POTAPOV — Chief Researcher, the Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Doctor of Economics; mpotapov2@yandex.ru.

Aleksander SALITSKY — Chief Researcher, the Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Xin CHZHAO — Senior Lecturer, Beijing Foreign Studies University; Postdoctoral Researcher, Chinese Academy of Social Sciences, Ph.D in Economic Sciences; xinxin88@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Doctor of Economics; yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Jean-Pierre ARRIGNON

RUSSIA: WHERE FROM AND WHERE TO

Abstract. *Jean-Pierre Arrignon, a French historian, offers his views on various aspects of Russia's millennial history and current situation of the country. The author looks into various issues such as Russian-Ukrainian dispute over the ownership of Kievan Rus' heritage; Polish-Russian tensions; Occidentalism and Slavophilism; stereotypes of Russian "backwardness" versus a vision of the XIX century as "the Great Russian century"; the role of Orthodoxy and the Byzantine tradition; evaluation of the Soviet era by today's Russians; post-Soviet trends; international policy of Putin's Russia as well as its global role and other issues.*

Keywords: *history of Russia, civilization, "the great Russian century", Western stereotypes, future of Russia, Russian foreign policy, Russia's place in the world.*

Irina VASILENKO

THE REVIVAL OF THE CULTURAL LIFE OF THE RUSSIAN PROVINCE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF AN EFFECTIVE BRANDING STRATEGY REGIONS

Abstract. *The article discusses the role of cultural component in modern image policy of Russian regions. The author emphasizes that the revival of the cultural life of regions should be an important factor in the formation of their effective branding strategy. That cultural projects and scripts have the ability to withdraw depressed areas to a new level of development in the region to make life more interesting and eventful, to attract investment and human resources.*

Keywords: *image of Russian regions, the management of cultural resources of the region, territorial branding.*

Elena PINYUGINA

POLITICAL SCIENCE IN INSTITUTES OF ORIENTAL STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOPICS AND METHODOLOGY IN THE NEW POLITICAL ENVIRONMENT

Abstract. *The article deals with political studies at two research centers of the Russian Academy of Sciences - the Institute of Far Eastern Studies and the Institute of Oriental Studies. Political science of Orientalists has some methodological distinctions from the western approach which has prevailed in most Russian research centers since the 1990's. The article identifies special aspects, strengths and potential value of the input made by Russian Sinologists and other Orientalists into political science.*

Keywords: *Political science, Russian Science Academy, Far-East Institute, China's political theory, system and ideology research, non-western political theory, orientalism.*

Andrey DEVYATKOV

PRAGMATISM OF THE GERMAN OSTPOLITIK: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR RUSSIA

Abstract. *The article examines evolution of Ostpolitik as part of the FRG's foreign policy and discusses the factors driving Germany's current foreign policy to Russia. The author arrives at conclusion on diversity of conceptual foundations of Ostpolitik. Its eclectic discourse and practice augments flexibility of Berlin's policy and qualify Germany for the role of a "structuring force" in Eastern Europe and the former Soviet Union.*

Keywords: *Germany, Ostpolitik, German–Russian relations, Vergangenheitsbewältigung, «overcoming of the past», Realpolitik, normative discourse.*

Petr YAKOVLEV

CHALLENGING TIMES OF THE EUROPEAN UNION

Abstract. *The article reviews current challenges facing the European Union. EU Summits in February and March 2016 focused on keeping UK in the United Europe and on the "refugee crisis". However the United Europe's agenda was not limited only to these top priority issues. Elections to the European Parliament and the election campaigns in some EU countries have noticeably reformatted the party and political landscape on Europe. The social situation has been deteriorating; the mechanism aimed at overcoming the remnants of economic crisis in 2008/2009 and to making a turn to the sustained growth path was not tuned up.*

Keywords: *The European Union, elections to the European Parliament, European refugee crisis, UK's EU referendum, the UK exit from the EU, Brexit, crisis of the European Union, crisis of the EU.*

Natalia EMELYANOVA

THE SOFT CHARM OF INDIA: ADVANTAGES AND LIMITS

Abstract. *Following in China's footsteps India aims to build an independent strategy of humanitarian influence with the use of its soft power resources. However India is still facing numerous problems which impact its image and these issues cannot be attributed exclusively to Orientalist stereotypes. The article discusses social and political roots of the Indian soft power potential and evaluates corresponding Indian image-making technology.*

Keywords: *Indian foreign policy, soft power, nonviolence, regional competition in the Asia-Pacific region, Indian diaspora, Indian media industry.*

Xin CHZHAO , Maksim POTAPOV , Aleksander SALITSKY

CHINA: NEW DEVELOPMENT PHASE

Abstract. *Paradoxically, the modern experience of Oriental countries has been analyzed with reliance on the tools designed to examine Western societies and their relatively well-estab-*

lished structures. At the same time the hub of global social and economic dynamism has been shifting more and more to the Orient, where gigantic and dynamic China is beginning to shape up trends and laws of global development. The authors believe that now it's time to view PRC as a country which successfully completed its modernization and, therefore, became a holder of useful standards.

Keywords: China, modernization, indices, "peasant-workers", inequality, "servicezation", leader in development.

Vladimir KONDRATEV

LOCAL CONTENT REQUIREMENTS: A TOOL FOR MODERNIZATION

Abstract. The article analyzes international localization experience using Brazil, Canada, USA, China and Nigeria as examples. Current local content requirements are a widely accepted protective tool applied to create new jobs rather at home than abroad and to channel business rather to domestic companies than to foreign firms. Additionally local content requirements stimulate development of high-tech sectors and economic growth; enhance competitive advantage of domestic business as well as national control over strategic industries.

Keywords: local content requirements, government procurement, economic growth, building new industries, new jobs creation, domestic business activity.

Petr YAKOVLEV

SPAIN: NEW ELECTIONS IN PLACE OF A NEW GOVERNMENT

Abstract. Spain has entered a stage of political and institutional uncertainty. Parliamentary elections held on December 20, 2015 brought no victory to any of the political forces. After the efforts to form a working government coalition failed Spain has been looking for another day of general elections scheduled for June 26, 2016. The article reviews current social and economic environment as well as key issues, risks and challenges of the ongoing election campaign; it also looks into political landscape and scans the views of major national political parties on key issues.

Keywords: Spain, general elections, political disagreements, dissolution of parliament, electoral competition.

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2016

№2 (6)

(апрель–июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2016

№2 (6)

(April–June)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11

тел./факс: +7 (495) 789 80 87